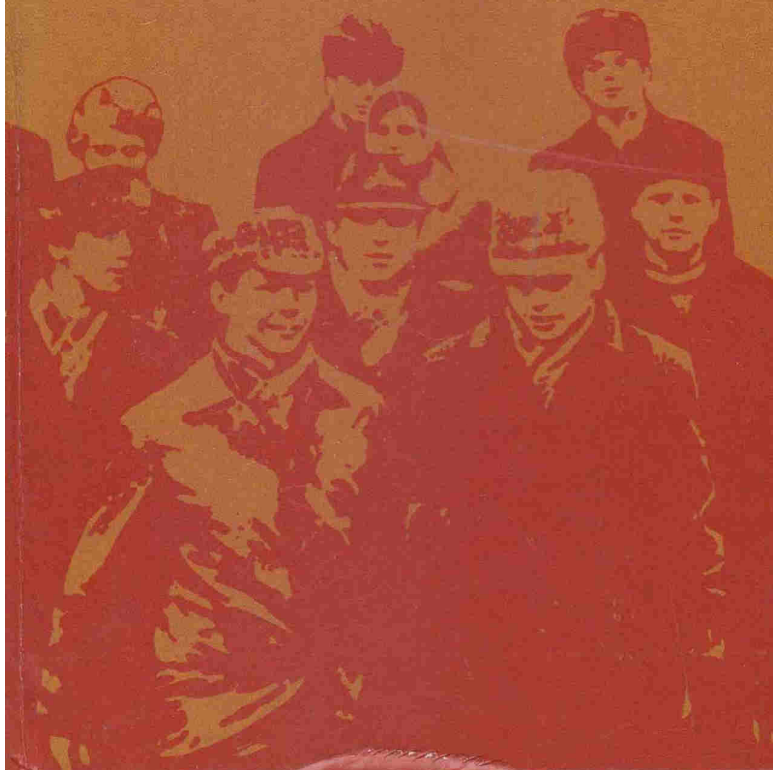

С. С. Витченко **ДОРОГИЕ
НАШИ
МАЛЬЧИШКИ**

С. С. Витченко

**ДОРОГИЕ
НАШИ
МАЛЬЧИШКИ**

ЛЕНИЗДАТ. 1978

Огромное, поистине массовое развитие получило наставничество после XVII съезда ВЛКСМ, на котором товарищ Л. И. Брежнев поставил задачу коренного улучшения трудовой подготовки молодёжи.

«Наставники как бы передают эстафету труда из настоящего в будущее», — сказал тогда Леонид Ильич, поздравляя группу наставников, среди которых был С. С. Витченко, с присвоением им высокого звания Героя Социалистического Труда.

Отдав службе в пограничных войсках двадцать пять лет, полковник в отставке С. С. Витченко пришёл в производственное объединение «Электросила» и здесь нашёл своё второе призвание — воспитателя рабочих-подростков.

Его бригада слесарей-сборщиков стала своего рода лабораторией, где проверяются и отрабатываются формы и методы рабочей педагогики. Более ста пятидесяти юношей и девушек, подчас из так называемых трудных, прошли его школу, стали полезными обществу людьми.

Сегодня более чем двухмиллионный отряд рабочих-педагогов, о поистине неоценимой роли которых говорилось на XVIII съезде ВЛКСМ, по велению души и сердца учит молодёжь трудолюбию и мастерству, воспитывает на героических традициях нашего славного рабочего класса.

Ныне Степан Степанович — почётный член комсомольско-молодёжной бригады, руководимой уже его учеником — коммунистом Владимиром Целуевым, ведёт большую общественную работу как заместитель председателя совета наставников Московского района Ленинграда. Он ездит и по стране, выступает в рабочих клубах, в цехах заводов.

Цель этой книги — передать накопленный опыт одного из инициаторов движения наставников тем, кто занимается этим сложным и благородным делом.

Чему мы должны учить молодёжь и как она должна учиться (конечно, не только в школьном, но и в более широком смысле — в смысле науки жизни), чтобы стать достойной строительницей коммунизма,— это и теперь главное в работе комсомола и в партийном руководстве этой работой.

***Л. И. Брежнев. Из речи на
XVIII съезде ВЛКСМ***

ЗАБОТА О ДОСТОЙНОЙ СМЕНЕ

Книга «Дорогие наши мальчишки» выходит вторым изданием. Первое сразу же стало библиографической редкостью.

Чем же обусловлен столь высокий интерес читателей к книге, написанной рабочим? Ответ на этот вопрос, думается, следует искать в актуальности темы.

Бригадир слесарей-сборщиков Ленинградского объединения «Электросила» Степан Степанович Витченко стал одним из инициаторов патриотического движения наставников, которое приобрело большое государственное значение. Особенно ценно то, что это движение, отвечая потребностям социалистического производства, вместе с тем показывает высокий уровень сознательности передовых рабочих нашей страны.

Выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, товарищ Л. И. Брежнев, отмечая высокий уровень образованности и информированности нашей молодёжи, подчеркнул, что это «серьёзно повышает требования и к стилю воспитательной работы».

Учитывая эти требования, Ленинградская партийная организация создала комплексную систему подготовки и воспитания молодых рабочих. Она включает профориентацию и трудовое воспитание в общеобразовательных школах, повышение престижа массовых рабочих профессий, дальнейшее развитие профессионально-технического образования, усиление коммунистического воспитания молодёжи в трудовых коллективах. Кстати сказать, значительную часть рабочих, взявших шефство над молодыми производственниками, особенно ребятами трудных судеб, составляют коммунисты.

Вполне оправдала себя практика группового метода подготовки рабочих путём создания специальных учебно-производственных подразделений на предприятиях, а также отраслевых хозрасчётных учебно-производственных центров, которые обслуживают группы родственных предприятий.

Партийные организации Ленинграда и области уделяют движению наставников самое пристальное внимание, всемерно развивают его.

Когда выходило первое издание книги, у С. С. Витченко уже было немало последователей. Теперь же ленинградский отряд наставников насчитывает более сорока пяти тысяч человек.

Но отродно не только это. Важно отметить, что по инициативе Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, бригадира арматурщиков объединения «Баррикада» В. А. Журавлёва перешли на работу в профессионально-технические училища около шестисот высококвалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, командиров промышленного и сельскохозяйственного производства.

Почему это важно? Потому что профессионально-техническим училищам принадлежит будущее. В настоящее время во всех ленинградских ПТУ юноши и девушки могут получить кроме рабочей квалификации полное среднее образование. Иначе и быть не может. В условиях научно-технической революции неизмеримо выросли требования к рабочему: для того чтобы работать на станках с программным управлением, обслуживать новейшие механизмы и машины, необходима всесторонняя подготовка, гармоничное сочетание профессиональных, культурных и нравственных качеств работника.

Наши партийные организации делают всё от них зависящее, чтобы улучшить учебный процесс в ПТУ, оснастить училища отличной производственно-технической и учебной базой, создать все условия для нормальной жизни, интересного культурного отдыха учащихся.

Естественно, что в книге С. С. Витченко не получил сколько-нибудь

полное отражение весь круг вопросов, связанных с заботой Ленинградской партийной организации о подготовке достойной смены рабочего класса. Автор пишет о своём опыте, своих наблюдениях, о мальчишках, с которыми он работал и продолжает работать, теперь уже как почётный бригадир. Но, говорят, капля морской воды пахнет океаном. Так и в этой книге читатель найдёт немало интересного и поучительного для себя, увидит конкретное проявление той государственной заботы о благе Отечества, о которой говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола.

ОКТЯБРЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Меня часто спрашивают: а как всё это началось? Почему именно в Ленинграде на заводе «Электросила» впервые во всей полноте проявил себя принцип ежедневной рабочей педагогики, которому суждено было вырасти в движение, охватившее всю страну? И в силу каких обстоятельств вы, полковник в отставке, слесарь по механической обработке металла, сделались одним из первых в стране рабочих-наставников?

На эти вопросы можно ответить, что называется, узко практически. Однако правда жизни, точнее даже, историческая правда, хотя бы и в масштабах одной личности, требует более широкого подхода. Необходим фон эпохи, всего нашего времени, без него картина выйдет неполной. А потому, рассказывая всякий раз о том, как родилось в нашем цехе рабочее наставничество, я отвечаю, в сущности, ещё на один вопрос. О том, как отразился Великий Октябрь на моей отдельно взятой человеческой судьбе.

Ибо само собою разумеется, что моральный стимул нашего движения зажжён, выражаясь образно, одною из неугасимых октябрьских искр, вдохновлён самым святым заветом нашего общества, исходя из которого всякая забота, как и всякая радость, должна быть разделена между товарищами, обоснован тем внутренним законом, каким держится рабочий класс,— один за всех и все за одного. Каждый из нас, электросиловцев старшего поколения, не раз в жизни испытал на себе действие этого закона, этих нравственных заповедей нового мира. Показательна в этом смысле и моя судьба.

Что помню о детстве? Низкая, крытая соломой хата деда. В хате — одиннадцать голопузых ребят. Я — двенадцатый. Родителей своих не помню — в 1910 году унесла их в могилу эпидемия холеры, и остался я, годовалый малыш, на попечении деда. А у того своих восемь детей, да нас четверо — вон сколько голодных ртов! Постоянно, наяву и во сне, постоянно озабоченных: что бы такое пожевать, как бы хоть на час унять сосущую боль под ложечкой. Хотя и была семья верующей, к молитвам, к вере дед детей не по-нуждал — не до того было. Его целиком поглощали заботы о хлебе насущном, и хлеб «духовный» поневоле отступал на второй план.

Чуть подрастали — вместо школы — «в люди», в подпаски... Себе на хлеб зарабатывали — и то слава богу. А в редкие встречи, возвратясь на день-два в дедово «гнездо», успевали, лишь обменяться новостями да обидами на хозяев.

Разве трудно вообразить ожидавшее меня жизненное поприще, не свершись Октябрьская революция? Кем бы я стал — батраком, подёнщиком, бесправной, бессловесной рабочей скотиной, — а то могла скосить меня, как отца с матерью, очередная эпидемия холеры или ещё какая-нибудь всенародная беда, что едва ли не каждый год выпадала на долю крестьянской России.

Как чеховский Ванька Жуков, я ушёл «в люди» с восьми лет. У кулака Наума Мороза работал от зари до зари, пас коров. Коровы — сытые, лоснящиеся. А у меня живот от пустоты подводит. Коров много, бродят по стерне меж пшеничных валков — только успевай собирать животных. От крика, беготни, от страха, что коровы зайдут на бахчу, уставал я до темноты в глазах. Спал на ходу, возвращаясь домой. А Наум Мороз уж на краю хутора ждёт, сверлит придирчивым глазом: не забыл ли, не оставил ли я какую из коров на поле, не стянул ли арбуз с бахчи? Словно червь

гложет кулака. У него дом распирает от добра, а ему всё мало.

Ох и ненавидел же он меня, пастушонка! Семь шкур драл, а всё думал, что зря хлеб его ем...

Но пришла революция и в наше село. И хотя кулаки, подобные Науму Морозу, изо всех сил пытались сохранить былую власть над односельчанами, я вдруг почувствовал за собой опору. На мою защиту встал человек в красноармейской форме по фамилии Копна. Он представлял Советскую власть на станции Лозовая. А конкретнее — был председателем профсоюза «Всех работ земли и леса» — был такой в то время.

Вот как это произошло.

Шёл двадцать четвёртый год. Умер Ленин. Прослышал я, в комсомол такие парнишки, как я, вступают. В память о Ленине. Решил вступить и я. Кулаку это не понравилось: будет враг в его собственном доме.

Однажды он грозно сказал:

— Пойдём в профсоюз рассчитывать. (Без согласия профсоюза хозяин не имел права рассчитать батрака.)

В профсоюзе (райцентр находился на станции Лозовая) нас и встретил Копна:

— Ко мне?

— Вот привёл хлопца... Такие батраки мне не нужны...

— Плохо работает? — Копна насупил брови.

— Ещё как плохо,— обрадовался Наум Мороз.— Коров пасёт плохо, кавуны крадёт...

Копна слушал, слушал, да как грянет кулаком по столу:

— До каких пор вы, кулачье, будете пить нашу кровь?!

Копна возмущался долго, а потом зачитал решение: за самовольное расторжение договора обязать Наума Мороза

уплатить батраку деньги за год вперёд и ещё двадцать пять рублей штрафа в кассу профсоюза.

— Жаловаться буду! — завопил кулак.

— Хоть самому господу богу! — напутствовал его Копна.

Снова встал передо мной вопрос: как жить, как кормиться? Вот тут и улыбнулась фортуна: слесарь Корней Дыбля, работавший в местечке Панютино, по рекомендации Копны взял меня к себе в ученики. Я вручную крутил токарный станок, а Дыбля точил детали. Хоть и тяжёлая была работа, но Дыбля — свой брат, рабочий человек, из-за болезни ушедший с железной дороги. Жил я в его семье, считался за сына. За два года научился слесарить.

Но мои трудовые университеты пришлись уже на другое время: сложное, драматическое, опалённое пожаром гражданской войны, но озарённое светом ленинской правды. В двадцатые годы в стране, преодолевавшей разруху и отсталость, мне приходилось и стоять в очереди на бирже труда, и голодать. Беден был окружающий меня мир, но в нём неуклонно свершались грандиозные перемены, которые не могли не коснуться и меня, сироты, полуголодного, полуграмотного подростка. Пятилетка индустриализации привела меня в Донбасс, приобщила к рабочему классу, раскрыла глаза на мир и на события, происходящие в нём. И мы, тогдашние комсомольцы, чувствовали себя в самом центре этих событий. Мы непосредственно творили новейшую историю человечества, и потому не существовало на свете таких дел, которые бы нас не касались.

Я был немногим старше своих сегодняшних питомцев, когда меня избрали секретарём комсомольской организации треста «Донуголь». Поначалу у нас восемьдесят комсомольцев было, а через год уже тысяча. Сила! В основном мы строили дома

для горняков. Жилищная проблема в то время встала остро. Народ на шахты прибывал. Стране нужен был уголь, как хлеб.

Шла жестокая классовая борьба. И я её испытал на себе. Комсомольцев враги запугивали: «А, новички? Ну-ка прокатим их с ветерком!» Клеть летит вниз с такой скоростью, что у ребят чуть барабанные перепонки не лопаются. Многих страх одолевал. Не хотели идти в штреки. А под землёй враги устраивали обвалы, завалы, взрывы... И вот тут поддерживали старшие, коммунисты и комсомольцы, уже прошедшие азбуку классовой борьбы. Они подавали пример храбрости и бесстрашия, работая рядом. И тут не имело значения, кто ты — руководитель или рядовой, обстановка требовала от активиста быть в шахте рядом с теми, кто неопытен. Как-то, помню, на собрании перед уходом под землю я призывал комсомольцев к ударной работе. И вдруг — едкая реплика:

— А сам секретарь собирается уголёк на-гора выдавать? Или для трибуны рождённый?

Я рубанул с ходу:

— Не волнуйся, браток. Трибуну могу тебе сдать, в забое буду работать ночами. А днём комитетом руководить.

Так оно и было в течение трёх месяцев горячей битвы за уголь.

Сотни активистов работали с азартом, до соли на рубашках, увлекаемая других. А ведь это шахта. Работа под землёй. Вы и представить себе не можете, что это такое было в те годы...

Причастность к делам страны помогала нам рано взрослеть — и граждански, и политически. Ответственность, которую возлагала на нас страна, придавала нам остойчивости, как груз кораблю. Поэтому-то, осознавая свою историческую миссию, мы в те годы штурмовали науки,

в неполные тридцать лет принимали под своё командование полки, становились командирами производства. Молодость ни в коей мере не могла служить основанием для скидок, для снисхождения или пониженных к себе требований, наоборот, она воспринималась почти как воплощение революции и её завоеваний, а значит, подразумевала полную самоотдачу и в труде, и в учёбе. Наверное, с тех самых пор, со времён моего комсомольского секретарства — сначала на шахте, а потом в пограничных войсках — пробудилась в моей душе воспитательская энергия, в работе с молодёжью я всегда находил и удовлетворение, и удовольствие. Хотя, конечно же, и думать не думал, что когда-либо приду на завод и буду заниматься рабочей педагогикой, которая, кстати сказать, на полном основании может войти в число понятий и явлений, отмеченных авторским правом социализма.

То грядущее, за которое боролись миллионы простых людей, восторжествовало. Школы, детские сады, пионерские стадионы, Дома пионеров, детские читальни, библиотеки, технические станции, профессионально-технические училища... А главное — доброта и жизнерадостная целеустремлённость в глазах юных. Каждый из них имеет и будет иметь право на бесплатное образование, на труд, на отдых — права, не просто названные, а гарантированные Конституцией СССР. Юные получают их из рук государства, родившегося шестьдесят лет назад, И невольно вспоминаются слова, сказанные В. И. Лениным на Красной площади 1 мая 1919 года и обращённые к молодым. Бессмертный вождь революции уже тогда предвидел, что дети Советской страны «в полной мере воспользуются плодами понесённых революционерами трудов и жертв».

Об этих пророческих словах думаешь сегодня, читая Конституцию государства, где забота о детях впервые в истории провозглашена как нерушимый закон. В статье

66 так и записано: *«Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества».*

Помощь Отечеству в осуществлении столь высокого долга — в первую очередь забота старшего поколения коммунистов. Поскольку я принадлежу к их числу, делаю это дело, как и многие мои соотечественники.

О жизни нашей бригады, об опыте нашего наставничества написаны книги, сняты документальный и художественный фильмы. Признание всегда приятно. Но дороже другое — то, что большой нравственный труд электросиловцев-наставников оказался созвучен эпохе, общему идейному устремлению партии и народа.

После речи Леонида Ильича Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ движение наставников приняло всенародный размах, сделалось важнейшим государственным делом, само слово «наставник» обрело поистине гражданский смысл. Равный отчасти смыслу таких незабвенных в нашей истории понятий, как «ударник» и «стахановец».

Старшие поколения советских людей вынесли на своих плечах множество трудностей. Они не отказывались ни от какого труда, в том числе и ратного, они, не колеблясь, подставляли свои плечи под любую ношу, достававшуюся на долю страны. Они никогда бы не смогли вынести всё, что вынесли, если бы не были непоколебимо уверены: судьба нашего коммунистического идеала, рождённого Октябрём, воплощается в судьбах наших детей. Дети — это самая главная и самая счастливая забота всего народа, строящего коммунизм. Нет и не может быть чужих мальчишек и девочек. Все они — наши дети. Каждый из нас ответствен за их будущее перед страной. И перед собственной совестью.

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Я зашёл в телефонную будку, что рядом с заводом, и позвонил в цех старшему мастеру Иванову. Услышав знакомый голос, поспешил сказать:

— Захар, это я пришёл. Как с пропуском?

— Пропуск есть,— деловито сообщил Иванов.— А я ведь, Степан, грешным делом думал, не придёшь. Всё-таки риск большой — не все поймут.

Не все... Иванов явно щадил меня. Если откровенно: кроме него, моего давнего друга (мы вместе служили с ним на границе), не было других людей, кто бы разделял моё стремление пойти на завод. Смущал не сам завод,— многие мои товарищи по службе в рядах Советской Армии после демобилизации нашли для себя дело кто где мог, в том числе и на заводах. Так что вопрос был не в том, куда — на завод, фабрику или в банно-прачечный трест, а кем? Директором — хорошо, начальником военизированной охраны — ещё лучше: дело вроде знакомое. Предлагали, наконец, отдел кадров возглавить. И никто не хотел понять моего решения.

— Слесарем? Удивил! — неодобрительно заметил один из моих прежних сослуживцев.— Кому нужен рабочий в чине полковника? Когда человек в молодости круто поворачивает свою биографию, это понятно: ищет своё дело, призвание, смысл жизни.

Но когда полвека позади, когда жизнь устроена? Хочется мастерить? Что ж, желание естественное. Мало ли какие бывают увлечения у людей. Смонтируй себе верстачок и пили, строгай на здоровье. При чём тут завод

с его дисциплиной и нормами, с его планом и тревожностями?

Другой привёл, с его точки зрения, такой аргумент:

— Пенсия у тебя большая. Ну, заработаешь ты на производстве рублей восемьдесят, девяносто. Пусть сто. Зачем это тебе нужно?

Некоторые высказывались ещё категоричнее:

— Ты всю нашу офицерскую корпорацию подводишь. Полковник — в рабочие! Ни на что больше, значит, не способен...

В райкоме партии, где я в то время состоял на учёте, моё желание быть полезным обществу тоже поняли по-своему и предложили должность, как им казалось, подходящую для полковника в запасе, — пост директора Дома культуры. Я отказался, и не из-за упрямства, а потому что считал — призвание у меня другое.

Те, кто не соглашался со мной, не брали в расчёт самого главного — любовь человека к своей работе. Да ещё сознание, что не даром государственный хлеб ешь. Говорили: ты его заработал. Конечно, двадцать пять лет в армии отслужить — это что-то значит. Государство предоставило мне пенсию, на которую можно безбедно жить с семьёй. Но люди ведь разные: я в свои сорок шесть лет чувствовал себя молодым, да и на здоровье не жаловался. Мне ли числиться в списке пенсионеров-отставников? Должность эта была явно не по мне.

Я мучительно скучал дома без настоящего дела, ибо «кто всё время празднует, у того не бывает настоящего праздника». Чувствовал себя словно подросток после школы, которому пришла пора приложить к чему-нибудь руки, а вот никак не сообразишь, к чему именно...

В общем, думал, маялся, мучился, пока наконец не понял: тянет меня к металлу. К верстаку, тискам, напильнику, к полюбившейся с юных лет слесарной работе.

Не мог я забыть, как слесарничал с Корнеем Дыблей.

После шести лет батрачества было великим счастьем для меня взять в руки металл. Я вдруг почувствовал себя не просто человеком, а — не побоюсь громкого слова — творцом. Если вы когда-нибудь испытывали это праздничное ощущение силы, удачи, гордое: «Я могу!» — значит, поймёте меня. Мы в то время мастерили всякие нехитрые поделки (население райцентра нуждалось в металлоизделиях), но и эта работа приносила радость.

Что из того периода жизни запомнилось больше всего? Ощущение тёплого металла, только что изготовленной детали, зажатой в руке. Это чувство не покидало меня долгие годы. Бывало, на фронте, в затишье, лежу и мечтаю о мирных днях, о цехе, где бы можно было так просто встать к верстаку и почувствовать в руке заготовку, дать металлу новую жизнь. Но разве каждому объяснишь всё это?

Вот, собственно, о чём думал я, когда поджидал у проходной своего товарища, подполковника в отставке Иванова, за год до меня пришедшего работать на этот большой завод.

Мы прошли с ним немало цехов. «Электросилу» я воспринимал тогда почти как школьник, которого привели на экскурсию. У того главное — увидеть, понять, что здесь делают. У меня задача посложней — не только увидеть, но и определить, где буду работать. Признаюсь, робел. Цехи сегодняшней «Электросилы» — не мастерская Дыбли. Я видел станки-великаны и детали-небоскрёбы. Они восхищали и в то же время пугали меня.

В одном из цехов начальник сказал:

— Диспетчер у меня слабый. Может, диспетчером пойдёте? — Но, взглянув на меня, не стал настаивать и повёл на участки: здесь работали обмотчики. Медленно, точно священнодействуя, выполняли они свою операцию.

— Квалифицированная работа и высокооплачиваемая,— пояснил начальник.— Может, сюда хотите?

Но я знал: и это не по мне.

В аппаратном цехе мы прямо попали в слесарку. И забилося сердце. Вот она, родная стихия: кто пилит, кто сверлит, кто нарезает резьбу... Всё знакомо, родное.

— У нас есть участки и почище,— сказал мне начальник цеха Борис Иванович Фомин. (Теперь он генеральный директор фирмы.)

Но я стоял на своём — только в слесарку.

Взяли, как всех, с месячным испытательным сроком. Это было — хорошо помню — восьмого октября пятьдесят девятого года. На другой же день вышел на работу. Накануне сбежал в магазин, купил комбинезон, спецовку.

В учителя ко мне определили Юру Халюченкова (позже его не раз избирали членом парткома электромашиностроительного завода объединения). Комичная ситуация: восемнадцатилетний учитель и пятидесятилетний ученик. Но мы вышли из неё, по-моему, победителями. Серьёзно относился к своему поручению Юра, серьёзным был и ученик.

Всё шло спокойно. Впрочем, не всё. Через неделю в цехе заговорили:

— Деятель в цехе объявился: скоро все свёрла переломает...

И в самом деле, свёрла я менял поминутно. Тонкие, они ломались, словно спички. Ополчились против меня за это кладовщицы. Но Юра решительно вступился:

— Научится — не будет свёрла ломать!

Эту короткую пору ученичества я часто вспоминал позже, когда под моим присмотром оказались два десятка парнишек, мастаков ломать инструмент. Но я не забывал, что и в моей жизни было такое время (уж меня-то, пятидесятилетнего, трудно было упрекнуть в легкомыслии).

Знал — не будут они всю жизнь ходить в учениках, повзрослеют.

Как и предсказывал Юра Халюченков, прошла пора ученичества, прошла и «страсть» ломать инструмент. Выдали мне на руки официальную бумагу — удостоверение слесаря второго разряда. Перешёл на самостоятельную работу, хотя расставаться с Юрой и не хотелось. Но очень скоро мы организовали с ним бригаду, только ролями теперь поменялись: парень добровольно уступил мне руководство. Кроме Халюченкова в неё вошли и другие молодые слесари.

Вернувшись к профессии своей юности, я почувствовал необычайный прилив сил. Именно тогда я стал автором многих рационализаторских предложений (всего их у меня около тридцати). Может, оттого, что был я в цехе человек новый, видел то, что другим уже примелькалось, у меня постоянно возникали вопросы. Почему, например, рабочий вручную поднимает пудовые тиски на сверлильный станок, чтобы зажать кондуктор? Надо сделать подставку к станку и облегчить тиски. Потом пришла новая мысль: а нельзя ли сделать кондуктор (это уже к другим деталям — шинам) пятнадцатиместным? Посоветовался с технологом. Тот сказал просто: «Пиши рационализаторское предложение».

Раньше за смену бригада обрабатывала всего две-три сотни шин. И тот, кто раньше получал такое задание,— обычно роптал,— работу считали «невыгодной».

— У вас теперь полковник есть,— говорили слесари,— он пенсию большую получает, пусть и делает. Ему всё равно.

Я не обижался, брал. Теперь же с новым кондуктором шины стали «выгодны» для всех: вместо трёхсот — пять тысяч за смену! Я чувствовал, как врастаю в коллектив.

Тем временем в «Ленинградской правде» появилась небольшая заметка о том, что есть, мол, на заводе «Электросила» слесарь, который прежде был полковником... Её прочитали в горвоенкомате. Горвоенком собрал отставников и попросил меня рассказать о своём опыте. Собрание вышло бурное, кое с кем из отставных офицеров пришлось мне поругаться, но нашлись и последователи. И вскоре на «Электросиле» появилась целая бригада вчерашних майоров, подполковников и полковников, которую мне поручили возглавить. Так я стал руководителем офицерской бригады.

И вновь по заводу неслись саркастические прибаутки, но офицеры чести своей не посрамили — втянулись в работу, овладели необходимыми премудростями и в конце концов вышли в число передовиков. «Бригаде полковников» (такое она получила название) было присвоено звание бригады коммунистического труда.

Да, я поступил правильно, что пришёл в цех. Без преувеличения скажу — горжусь тем, что в моей трудовой книжке в графе «профессия» значится: слесарь.

КЕМ БЫТЬ?

Но давайте посмотрим вокруг себя: разве не бывает ещё и сегодня взгляд, что стать рабочим — не самая завидная судьба для парня или девушки?

Вот какое письмо получил я от десятиклассницы Елены Соколовой:

«У меня с друзьями недавно произошёл спор. Разойтись мы во взглядах на вопрос: кем быть? Все мы окончили десятилетку. Двое поступили в институт. Трое не выдержали конкурса. Ждут нового набора, который будет через год. Я же поступила на завод, осваиваю профессию револьверщицы. Встретила как-то своих подруг. Узнав об избранной мною профессии, они подняли меня на смех: «Лучшим математиком в классе была, а пошла к станку!» Почему труд рабочего они считают для себя недостойным? Это же неправильно!»

Мне нетрудно было представить одноклассников Лены. За их удивлением и своего рода сочувствием (в рабочие пошла!) совершенно определённая точка зрения на жизнь, на своё в ней участие. Но ведь молодёжь, приходящая в вузы из заводского коллектива, намного самостоятельнее тех, кто поступает после школы.

К сожалению, не воспитано ещё у многих наших ребят уважение к труду рабочего. Плохо занимаются этим и школа и родители. У некоторой части родителей живучи ещё мещанско-интеллигентские пережитки прошлого в виде снисходительно-презрительного отношения к людям «чёрного труда». Такие родители не прочь даже «попугать» своих отпрысков: «Будешь плохо учиться — пойдёшь в рабочие»!

Другая часть родителей попросту не представляет для своих «чад» иного пути после школы, как только в институт.

Я не считаю, что всех подростков непременно надо ориентировать на то, чтобы они после школы шли на производство. Но так же бессмысленно внедрять в их головы вредную, даже опасную мысль, что только получив диплом, ребята станут настоящими людьми. Прежде всего, такие рассуждения унижают самих родителей (не важно при этом, есть у них диплом или нет) и родителей этих родителей, ибо в подавляющем большинстве наши отцы и деды были рабочими или крестьянами.

Как-то я встретил жену своего приятеля: он тоже на «Электро-силе» работает. Идёт вместе с сыном Сергеем, который, знаю, десятый класс заканчивает.

Естественно, спрашиваю:

— Куда, Серёжа, после школы пойдёшь?

— Хочу к вам,— отвечает.— Вместе с папой будем ходить на завод.

— Вот выдумал,— вспылила мама.— Пойдёшь в институт, и никаких разговоров!

Откуда эта спесь? Ведь Серёжина мама, между прочим, из крестьянской семьи, родители её продолжают работать в деревне.

Да и почему такая простая мысль, что не всем быть учёными, может кого-то всерьёз огорчать? Нравится это нам или не нравится, а учёных обществу нужно меньше, чем токарей. А поскольку мы живём не всяк сам по себе, а среди людей, в обществе, которое так много даёт нам, то и мы должны обществу. И должны много.

Каким должен быть молодой рабочий? Как и где лучше его готовить? Об этом сегодня думают и заинтересованно спорят в партийных организациях многих предприятий и учебных заведений.

Как-то у нас проходил пленум райкома партии. В зале сидели партийные и хозяйственные руководители, рабочие-наставники, учителя. И всех в равной мере волновал вопрос, который был поставлен на повестку дня,— подготовка рабочей смены. И не случайно, по-моему, на том пленуме возникла дискуссия на тему: кто лучше готовит кадры молодых рабочих — завод или профессионально-техническое училище?

Мнения на этот счёт высказывались разные. У одного хозяйственного руководителя (кстати, очень уважаемого в районе) было много козырей: в цехах руководимого им предприятия ученики окружены заботой и за шесть месяцев приобретают профессию, начинают прилично зарабатывать. А их сверстники в профессионально-техническом училище в это время только ещё получают первые трудовые навыки и, придя на завод через полтора-два года, подчас начинают чуть ли не с азов.

И всё же многие склонились к тому, что целесообразнее готовить рабочих в системе профессионально-технического обучения. Как показывают социологические исследования, молодой рабочий с дипломом профессионально-технического училища недолго отстаёт от тех, кто учился на заводе. А к четвёртому году работы их и сравнивать уже нельзя. Один (заводской) топчется на месте, он в основном операционник, другой — специалист широкого профиля. Результаты его труда стабильны, это будущий рационализатор. Жизненный путь такого рабочего определён. Поэтому удовлетворение сиюминутной потребности в кадрах — не что иное, как залатывание дыр. На это и обратил внимание присутствовавших выступивший на пленуме секретарь Ленинградского горкома КПСС.

Перед партийными и хозяйственными руководителями предприятий встаёт задача — думать о перспективе, о подготовке резерва рабочего класса в системе профессионально-технического

обучения. В этой пятилетке по-прежнему будет уделяться большое внимание профессионально-техническим училищам, которые дают юношам и девушкам кроме профессии ещё и среднее образование.

Такую задачу поставил XXV съезд КПСС.

Трёхсоттысячное пополнение рабочих высшей квалификации получают в нынешней пятилетке ленинградские фирмы, заводы, фабрики, совхозы, предприятия сферы обслуживания. Благодаря постоянной заботе партийных организаций в Ленинграде и области создана широкая сеть профессионально-технических училищ. Сто девяносто ПТУ готовят кадры почти по трёмстам специальностям.

В соответствии с планом экономического и социального развития в Ленинграде и области за годы десятой пятилетки будет построено ещё пятьдесят два комплекса ПТУ. Так что есть из чего выбирать молодёжи. В новой Конституции СССР ясно видна мудрая и дальновидная забота партии и государства о подготовке трудовой смены. Этот документ открывает исключительно благоприятные возможности для постоянного формирования достойного пополнения рабочего класса.

Статьёй 40 Конституции предусматривается «...*право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учётом общественных потребностей*». Думается, подросток должен с полной ответственностью использовать это право при решении вопроса о том, где получать среднее образование: в общеобразовательной школе, техникуме или ПТУ. А дело учителей и педагогов, родителей — помогать молодому человеку найти его призвание, раскрывать и развивать его способности.

Безусловно, в этом процессе большая роль принадлежит самому подростку. Подросток — уже не ребёнок,

в этом возрасте человек начинает поиски своего общественного призвания. Очень важно уметь умно и тактично помочь ему связать его мечты, устремления со «взрослыми» нуждами мира, который его окружает.

С этим следует считаться. Особенно, когда придумываем своим детям призвание. А придумывать его не надо.

Прожив шестьдесят лет, я понял, что призвание отнюдь не рождается вместе с нами. Я также думаю, что о своём истинном призвании достаточно точно не осведомлён ни подросток, ни юноша, достигший совершеннолетия. Как правило, призвание открывается, когда человек набрался опыта и многое понял. Да и откуда шестнадцатилетнему знать, что его призвание — физика твёрдого тела, ежели он имеет самое смутное представление о том, что это такое? А если почти у всех девчонок есть (как они считают) призвание быть актрисами, откуда потом появляются прекрасные парикмахеры, замечательные портнихи, знаменитые ткачихи?

Вообще, мне кажется, мы порой путаем призвание с интересом, а интерес иногда возникает не из потребности, не из осознанного стремления приобрести ту или иную профессию, но очень часто из желания следовать моде. Да, да, именно моде! Полетел в космос Юрий Гагарин — и все парнишки решили стать космонавтами. Прошли Олимпийские игры, на которых наши фигуристы одержали победу, — и девочки, а особенно их мамы, решили: их призвание — фигурные коньки (а ведь многие знали об этом виде спорта только по телевизионным передачам!).

Как же, спрашивается, у парня или девушки, выросших в такой атмосфере, может возникнуть тяга к труду рабочего?! В довершение всего они в большинстве своём имеют слабое представление о самом характере труда *современного* рабочего.

В школах на уроках обществоведения, литературы юноши и девушки хорошо усвоили: «Чтобы быть полезным обществу, надо трудиться». Но когда настанет время сделать выбор профессии, оказывается немного охотников идти на завод. Попробуйте поговорить с такими молодыми людьми – они вам ответят: «Мы боимся однообразия в труде рабочего...» Кому же, мол, хочется «привязывать» себя к станку, или к трактору или к слесарным тискам, когда в наше время перед человеком открываются увлекательные перспективы в биологии и астрономии, в философии и экономике? Возникают новые науки. В профессии рабочего, скажут иные, нет дерзания, творчества, а лишь повторяющееся изо дня в день действие...

Однако не будем спешить с выводами. Назовите мне профессию, которая избавлена от неизбежных повторов движений, приёмов. Разве не приходится десятки раз повторять одни и те же расчёты или опыты научным сотрудникам? Ведь с каждым годом объём человеческих знаний растёт, и, как говорят некоторые учёные, всё большее значение для новых открытий приобретает коллективный труд сотен, тысяч исследователей. Это – с одной стороны, а с другой... Задумайтесь, например, над профессией того же токаря-карусельщика Юрия Клементьевича Сидорова, не впервые избранного депутатом в Верховный совет СССР. Он типичный представитель рабочего класса.

Кarusельное дело Юрий Клементьевич начинал осваивать молодым парнем почти тридцать лет назад у нас на «Электросиле». Поставили его учеником к Сергею Александровичу Лышову. Присматривался Сидоров к работе учителя, перенимал приёмы. А потом освободился старый карусельный станок, и его вместе с другим, таким же молодым парнем Евгением Востроносковым (он тоже сейчас на «Электросиле»), поставили к этому станку. Старался, «выжимал» из него всё, что тот мог дать. Потом перевели

на другой, более совершенный станок. В общем, долгим был путь к овладению трудной профессией карусельщика.

Сейчас Юрий Клементьевич, как правило, выполняет в смену более полутора норм. За успехи в труде награждён орденом Ленина. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Почему у него выработка выше, чем у других его товарищей? Наверное, секрет здесь в отношении к своему труду.

Я уверен, многое зависит от самого человека, от его пытливого ума, любознательности. Энергичный, деятельный человек во всякую работу внесёт искру, будет стремиться в совершенстве овладеть своим делом, подчинить себе технику. Значение человеческого труда определяют не по тому, какое у него название и какие он гарантирует лично тебе материальные блага. Важно другое — какое творческое удовлетворение доставляет работа тебе как личности, какую пользу ты приносишь людям.

Наверное, вы замечали одну черту, роднящую хороших рабочих, мастеров своего дела: чувство собственного достоинства. Именно это рабочее достоинство присуще и нашему заводскому рабочему Юрию Клементьевичу Сидорову.

— Главное — чувствовать себя на своём месте,— говорит он.— Быть там, где в тебе больше нуждаются.

У него своя гордость: нередко с ним советуются инженеры-технологи. Кто лучше его, рабочего, знает тонкости обработки деталей на карусельном станке? Крупные электрические машины большими сериями не идут, каждый раз что-то новое. Для творчества — простор. Особенно в этой пятилетке. В сравнении с предыдущими она выделяется необыкновенным размахом. Партия держит курс на широкое применение электричества во всех областях

народного хозяйства. Много новых электростанций будет возведено в европейской части РСФСР, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Эти смелые перспективы, определённые «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы», имеют прямое отношение к нам, электросиловцам. Если принять во внимание, что более половины всех электрических машин (турбо- и гидрогенераторов) для энергетики страны выпускает наше объединение, то задачи коллектива предстанут во всей их значимости. Фирма по праву может быть названа могучим арсеналом советской электроэнергетики.

Новая ступень прогресса, на которую предстоит подняться электросиловцам в десятой пятилетке, грандиозна. Объём производства к 1980 году возрастёт на тридцать три процента. На тридцать процентов увеличится производительность труда. За это время будет закончена реконструкция предприятий — практически родится новая «Электросила» как база для производства уникальных гидро- и турбогенераторов.

В прошлой пятилетке наша фирма вместе с коллективами объединений «Позитрон», «Светлана», ЛОМО им. В. И. Ленина выступила инициатором полезного почина — сокращения в полтора-два раза сроков разработки и освоения новых изделий и процессов, широкого применения в исследованиях и разработках новейших достижений науки и техники. Такого курса мы продолжаем придерживаться и сегодня.

На два с половиной месяца раньше установленного графиком срока было завершено изготовление гидрогенераторов, предназначенных для Усть-Илимской ГЭС. Тем самым коллектив обеспечил выполнение социалистических обязательств, принятых совместно с работниками строительных организаций для того, чтобы

выпустить пятнадцатый, последний агрегат для Усть-Илимской ГЭС к 7 ноября 1977 года. Досрочно отгружены и генераторы для Сырдарьинской, Марыйской, Нижне-Камской, Саратовской и других электростанций.

Воодушевлённые высокой оценкой достижений ленинградцев в ускорении научно-технического прогресса, данной на XXV съезде партии, рабочие, инженеры, учёные объединения с ещё большей энергией борются за сокращение сроков создания и освоения новой техники. Впервые в отечественной практике разработаны (а теперь изготовлены) головной образец уникального атомного реактора мощностью миллион двести тысяч киловатт для Костромской ГРЭС, малогабаритное высоковольтное оборудование. Увеличен выпуск экономичных турбогенераторов мощностью пятьсот и восемьсот тысяч киловатт.

Успехи ленинградских электромашиностроителей, в том числе и коллектива «Электросилы», высоко оценены партией. С большой трудовой победой — досрочным выполнением социалистических обязательств, принятых в честь 60-летия Великого Октября, по обеспечению пусковых объектов юбилейного года высококачественным энергетическим оборудованием — ленинградцев поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. В телеграмме, пришедшей в объединение, говорилось: «Вклад коллективов объединений «Ижорский завод», «Электросила», «Металлический завод» и «Электроаппарат» в оснащение отечественной электроэнергетики современными турбинами, генераторами, атомными реакторами, высоковольтной аппаратурой способствует успешному претворению в жизнь ленинских заветов о сплошной электрификации страны.

Очень важно, что ваше стремление увеличивать выпуск прогрессивного оборудования постоянно подкрепляются совершенст-

вованием организации труда и управления, последовательным сокращением издержек производства, улучшением использования основных фондов, ростом производительности труда. Это и есть практическое воплощение в жизнь установок XXV съезда партии о неуклонном повышении эффективности и качества работы».

Добрые слова приветствия вызвали в коллективе новую волну трудового энтузиазма. Были приняты дополнительные обязательства:

- к 60-летию Великого Октября и до конца второго года пятилетки сверх плана дополнительно реализовать продукции на два миллиона рублей;

- на месяц раньше срока завершить изготовление первого турбогенератора мощностью пятьсот мегаватт для второй очереди Ленинградской атомной электростанции имени В. И. Ленина и гидрогенератора мощностью сто тридцать пять мегаватт.

Особое внимание при этом уделяется качеству. Сегодня практически все гидро- и турбогенераторы выпускаются на уровне лучших мировых образцов. Государственный Знак качества во втором году пятилетки получили ещё одиннадцать изделий. В целом от внедрения изделий новой техники высшей категории качества народное хозяйство страны получило экономический эффект в двадцать восемь миллионов рублей.

Ясно, что передовые рабочие многое сделали для успешного решения этих задач. Эти слова можно с полным правом отнести к Сидорову. Юрий Клементьевич на «Электросиле», как я уже сказал, почти три десятка лет. За это время многое изменилось, развитие шло, как говорится, от простого к сложному, подчиняясь стремительному темпу научно-технического прогресса. А как же рабочий? Не умалилась ли в связи с этим его роль? Судя

по Сидорову, нет. Вопросы технической политики объединения, качества продукции Сидорову близки, понятны, а он вносит в их решение свой вклад.

А теперь возьмём специалистов другой профессии — обмотчика, бригадира-наставника Юлиана Адольфовича Врублёвского и слесаря-инструментальщика Николая Николаевича Русакова. Оба они за свой доблестный труд получили звание Героя Социалистического Труда. Н. Н. Русаков дважды был избран депутатом Верховного Совета СССР. Сейчас он ведёт важную работу — возглавляет районный комитет народного контроля.

«В жизнь пришло самое образованное за всю историю поколение рабочего класса». В этих словах, сказанных товарищем Л. И. Брежневым на XVII съезде ВЛКСМ,— отражение тех знаменательных социальных перемен, которые несёт трудящемуся человеку общество развитого социализма. Вместе с бурным ростом нашей экономики, с углублением научно-технической революции формируется производительник нового типа, в котором гармонично сочетаются навыки физического и умственного труда.

В чём секрет неиссякаемых трудовых успехов сегодняшних новаторов производства, правофланговых десятой пятилетки? «Золотые руки», рабочий навык, опыт? Да, конечно. Но — что не менее важно — и высокая техническая грамотность, умение использовать в своём деле достижения науки. Всё это в сочетании с характерной для советского рабочего политической, общественной активностью и даёт замечательные плоды.

Почти девяносто тысяч сегодняшних ленинградских рабочих — люди с высшим и средним специальным образованием. Свыше шестидесяти процентов рабочих имеют среднее и неполное среднее образование. Сто пятьдесят две тысячи представителей нашего рабочего класса без отрыва от производства учатся в вузах, техни-

кумах, школах. Почти двадцать пять тысяч человек, или шестнадцать процентов коммунистов-рабочих, избраны в руководящие партийные органы, каждый второй депутат местных Советов — рабочий. Эти цифры сконцентрировали в себе огромную работу партийных организации, направленную на повышение уровня общеобразовательной и профессиональной подготовки трудящихся, на развитие трудовой и политической активности рабочего класса.

На XVIII съезде комсомола товарищ Л. И. Брежнев сказал о необходимости «работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать на совесть, умело, результативно, работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за свой труд, и сам бы ты себя уважал».

Достойно продолжать и развивать славные революционные, трудовые и боевые традиции нашего рабочего класса — высокий долг молодого поколения Страны Советов.

Так кем же лучше быть? Конечно, мастером своего дела, каким бы оно ни было — большим или маленьким. Да и разве можно решить, какой труд почётнее? И правомерно ли вообще разделение труда на почётный и непочётный? Унизив дело человека, мы унизим самого человека и одновременно лишим его главного. Ведь работа — это дело всей жизни.

Нельзя забывать, что мы живём в обществе. Каждый делает своё дело независимо от того, по какой специальности он работает, какие создаёт ценности. И если кто-то сочтёт труд рабочего недостойным для себя, на год праздно сложит руки, подыскивая «приличное» дело, общество от этого не обеднеет.

Так что Лена права: чтобы быть полезной обществу, надо трудиться. В этом — счастье, смысл жизни.

Хорошие слова услышал я однажды от своего старого учителя:

«Ищи счастье в труде. Если его не найдёшь в труде, значит, не найдёшь нигде». С тех пор прошло много лет. Я и сам теперь принадлежу к поколению отцов, а слова те не забыл. Куда бы ни бросала меня судьба, сколько ни ставила на моём пути препятствий — всегда выручал труд, он давал мне энергию, бодрость, оптимизм.

Поэтому любовь к труду как эстафету хочется передать молодым, неопытным, тем, кто сегодня кончает школу и завтра придёт на завод. Пусть труд поможет каждому найти своё место в жизни.

ХОРОШО ЛИ ОДИНОЧКЕ?

По вечерам, после работы, я часто забегал в отдел кадров фирмы. Однажды смотрю: толпится молодёжь, человек пятьдесят. И все лет по шестнадцати, семнадцати. Глаза живые, любопытные. С интересом смотрят на проходную. Что там за ней?

Невольно подумал: а всегда ли хорошо их на заводе встречают? Вот директор объединения «Электросила» Анатолий Васильевич Мозалевский (тогда он возглавлял фирму) — как ни занят, а бывает на торжественных вечерах посвящения новичка в рабочий класс. Это хорошо. Подростку на всю жизнь запомнится этот вечер. Ну а дальше?

А дальше в цехе нередко вот что: одному парнишка обуза, другому — тоже, третий крикнет да ещё в руки метлу даст, и получай в результате двадцать рублей зарплаты.

Молодёжь приходит ныне на завод грамотная, интересуется производством. Но и её может отпугнуть недоверие старших. Появится неверие в свои силы, разочарование: в отделе кадров обещали одно, на практике — другое. И такой подросток подчас долго ещё не обретёт своего места в рабочей семье.

Заработок двадцать рублей — не выдумка. Я был свидетелем шумного разговора мастера с матерью Кости Бахарева.

— Три месяца учили. А чему научили? Двадцать рублей в месяц принёс! Виданное ли это дело? — наступала она.

— Сколько заработал, столько и принёс,— отбивался мастер.
— Будет опытнее, станет зарабатывать больше.

Мать парнишки не соглашалась. Ей было непонятно, как это могло получиться, что сын во время ученичества получал в два раза больше, чем теперь, когда сдал на разряд.

Честно говоря, и многим другим это казалось странным. Ведь за три месяца человек чему-то научился, стал не хуже, а, наверное, лучше выполнять слесарные операции. И всё-таки у молодого рабочего действительно снизилась выработка. В чём дело? Над этим стоило подумать: то же самое наблюдалось и у других подростков. И дело было не столько в ребятах, сколько в существовавшем в то время порядке в цехе. Закончил обучение — переходи на самостоятельную работу.

Но хорошо ли работать в одиночку? Плохо. Доказать это может, опираясь на собственный опыт, не только Костя Бахарев, о котором шла речь, но и Сергей Кузнецов, да и другие ребята.

Сергей вместе со своими товарищами пришёл из заводского профессионально-технического училища. Пришёл и занял указанное место у верстака. Справа и слева работают взрослые — у них горка узлов на глазах растёт. А Сергей подолгу возится с каждой деталью. Никому новичок не нужен: зачем такая обуза?

Прошёл месяц, другой. Народу кругом много, а Сергею всё равно одиноко. На душе кошки скребут — разве хочется быть в отстающих? Такие кустари-одиночки, как правило, и половину нормы не выполняли — от силы сорок процентов. Отсюда и заработок. Серёжа Кузнецов однажды даже задолжал заводу восемь рублей, так как браку наделал на двадцать.

Труд день ото дня становился для парня всё более обременительным. На работу идти не хотелось. Начал прогуливать.

Что ж он, Серёжа, злоумышленник, что ли? Нет, конечно. Не привили парню интерес к работе. Не научили. Не поддержали.

Подростки всё больше занимали мои мысли, я всё внимательнее присматривался к ним. Думал о том, что сам слесарному делу учился два года в юности да потом ещё год осваивался на заводе, спотыкался чуть ли не на каждом шагу. А ведь тут подросток. Разве можно его предоставлять самому себе? Он мгновенно падёт духом, этот только-только вступающий в самостоятельную жизнь человек. То, что для взрослого само собой разумеется, для подростка вырастает в проблему. Он не ценит время, подчас не отличает плохое от хорошего и шалость от хулиганства. У него не развито чувство меры.

Малый опыт подростка, тяга к романтике (иногда ложной), дурное влияние иных взрослых подчас толкают его на необдуманные поступки. Ведь даже обычное ребячье озорство, вовремя не пресечённое умными, тактичными людьми, может перерасти в преступление. Не заметили этой грани родители, прошла мимо школа. Так постепенно озорник становится «трудным». Учёба для него превращается в обузу. Некоторые идут на завод и здесь продолжают свои «шалости».

Нет, нельзя, решительно нельзя подростков предоставлять самим себе. Всю жизнь они в коллективе — детсад, школа, пионерский отряд, пионерский лагерь, училище. И вдруг в самый трудный момент жизни, когда тяжело, когда не получается, — вот тебе инструмент, действуй как знаешь. Если у молодого рабочего что и не заладилось — скоро ли мастер заметит это! У сегодняшнего мастера дел по горло. Бывает, час нет парнишки у станка — мастеру не до него. В лучшем случае он отчитает парня, а то и просто не придаст значения такому проступку. Сегодня сошло, завтра, послезавтра — это уже входит в привычку.

Парнишка приобретает репутацию лодыря, неисправимого, и на него машут рукой. Разве уж столь редки ещё подобные случаи?

Правда, к таким ребятам иногда прикрепляли шефов из опытных рабочих. Но в этом деле, к сожалению, ещё много никому не нужной показухи. Почти на каждом заводе или фабрике ежегодно составляют списки шефов и подшефных, ставят против них «галочки». А результат? Результат часто близок к нулю. Бывает, что иной такой «шеф» и в глаза не видел подшефного, а если и видел, то раз или два. А «птичка» стоит — шефствует!

Вообще-то шефство над новичком — форма испытанная, и ставить под сомнение её полезность я не собираюсь. Но мне думается, что сегодня она оправдывает себя лишь в тех случаях, когда речь идёт о шефстве над взрослыми людьми, желающими освоить новую для них специальность или смежную профессию.

Для подростков, особенно трудных, шефская форма помощи и контроля мало подходит. К такому выводу я пришёл, работая бок о бок с шестнадцатилетними, внимательно изучая их психологию и поведение.

И вот однажды на партийном собрании я сказал:

— Ребята у нас сейчас предоставлены самим себе. Надо их закрепить за опытными рабочими. Или объединить в одну бригаду под руководством наставника.

— С вас и начнём, Степан Степанович,— сказал начальник цеха.— Хватит полковникам воспитывать друг друга.

С этого собрания, можно сказать, всё и началось. Собрание рекомендовало всем опытным производственникам, а коммунистам в первую очередь, взять под свой контроль рабочую молодёжь.

Но тут кто-то высказал недовольство по моему адресу. Не понравилось слово «наставник», хотя оно наиболее

точно выражает суть роли воспитателей молодых подростков. В словаре Даля говорится, что наставлять — значит научать, поучать, учить, руководить. Так разумно ли отказываться от хорошего и ёмкого русского слова?

Партийная организация считала: неразумно — и ввела в цехе наставников. Административная это должность или общественная? Отвечу так: и то и другое. Во всяком случае, многие из наставников утверждены приказом генерального директора. В основном это кадровые рабочие, те, кто любит молодёжь и готов «возиться» с нею.

А возиться, конечно, приходится. Ребята в этом возрасте озорники, непоседы, не лезут за словом в карман. Ему слово, он тебе десять. Подростки нуждаются в том, чтобы их труд ежедневно направлял старший.

В чём же отличие работы наставника от обязанностей шефа?

Шеф, как правило, должен преподавать парнишке азы профессии, научить его высокопроизводительно трудиться. Наставничество пошло дальше. Задача наставника куда шире, объёмнее — воспитывать советского рабочего, гражданина. Иными словами, наставник — это учитель жизни. (Наставничество по-настоящему можно осуществлять только в условиях бригады, работающей на один наряд.) У бригады, во главе которой стоит опытный рабочий, большие преимущества. Здесь подросток никогда не остаётся наедине со своими неудачами. В любую минуту ему придут на помощь и бригадир, и товарищ. В бригаде интересуются тем, как подросток отдыхает, посещает школу, что читает, встречаются с родителями. Иными словами, суть этого движения и его отличия от других форм трудового воспитания следующие:

систематическая воспитательная работа с каждым начинающим производственником совместно с коллективом

бригады. Цель — формирование личности молодого рабочего;

непрерывность воспитательного воздействия — в отличие, например, от эпизодического шефства. Наставничество распространяется не только на рабочее время новичка, но и на его досуг;

коллективность воздействия — наставника, коллектива, бригады и комсомольской группы;

всесторонность воспитания. Молодому производственнику прививаются не только трудовые навыки, в процессе воспитания у него формируются коммунистические черты характера, он приобщается к активному участию в общественной жизни. У подростка возникает стремление систематически повышать свой образовательный и культурный уровень.

Итак, наставничество расширяет рамки шефства, делает его более глубоким и всесторонним по содержанию, более продолжительным по времени воспитательного воздействия и коллективным по характеру.

Конечно, и шефство как форма работы с молодыми остаётся на вооружении общественных организаций. В конце концов, все формы хороши, если они в действии. Но в том-то и дело, что за ссылками на «шефство» чаще всего скрывается простое нежелание заниматься распространением наставничества. Там, где наставничество встречают в штыки, там и работают с молодёжью не так, как нужно.

Что мешает развивать новое движение? Скажу прямо: инертность некоторых общественников. Легче прикрепить (что бывает чаще на бумаге) к парнишке или девчухе шефа и считать, что для воспитания молодого рабочего сделано всё, чем заниматься организацией бригад.

Могут спросить, почему я столь рьяно ратую за бригады. Да потому, что тяга к общению — типичная черта молодых.

Практика работы заводских наставников с подростками убедила, что в этих небольших производственных звеньях вернее и быстрее всего воспитываются такие необходимые качества передового советского рабочего, как коллективизм, чувство рабочей чести, профессиональной гордости. И потому, повторяю, надо объединять молодёжь в бригады, создавать коллектив.

Иные возразят: а разве, находясь в цехе или на участке, молодой человек не в коллективе? В коллективе, разумеется. Но при индивидуальной работе молодой производственник привыкает думать только о своей работе, о своём заработке. Скажете, — я сгущаю краски. Возможно. Пусть из этого положения есть много исключений. Но кто опровергнет его? В таких условиях влияние коллектива не всегда своевременно (со стороны не всё видно) и потому часто не даёт нужного эффекта.

Не берусь утверждать, что мои доводы в пользу воспитания молодёжи в бригадах повсеместно находят поддержку. Какие аргументы у моих оппонентов? Назову один, главный: бригады не везде можно создавать, условия технологии, мол, иногда не позволяют делать этого.

Решительно опровергает подобный довод практика наставников «Электросилы». Лет десять назад я руководил молодёжью, занятой механосборочными работами. Получалось. Были под моей опекой подростки, которые трудились на слесарной сборке. И у них дела идут отлично.

А теперь возьмём бригаду девушек-фрезеровщиц. И здесь, на станочных работах, бригадный метод оправдывает себя. Фрезеровщицы, в прошлом не выполнявшие нормы, сегодня трудятся производительно.

Так что я — за обучение подростков в бригадах.

МАЛЬЧИШКИ – НАРОД ОСОБЫЙ

Я не отбирал ребят себе в бригаду. Взял тех, от кого отказывались другие и кто переходил с участка на участок. И вот теперь для них последний этап — наша бригада: авось здесь справятся.

С первого января 1963 года бригада официально начала своё существование. Вот её первый состав: Виталий Осипович Брыкин, мой помощник, из бывшей «полковничьей» бригады; Володя Целуев, Костя Бахарев, Саша Козьмин, Володя Кузьмин, Витя Семёнов, Слава Биркин, Витя Некрасов, Марк Хапман. Десятый — я, бригадир.

У многих парнишек не было отцов. Почти все, окончив восемь или того меньше классов, дальше не учились. На восьмерых — один комсомолец: Володя Целуев.

— Что будем делать, Степан Степанович? — спросил Виталий Осипович.

— Работать.

— Справимся ли с ребятами?

— Время покажет. А пока — за дело!..

Сначала было восемь ребят, потом семнадцать, а спустя некоторое время число их перевалило за двадцать.

Мальчишки в этом возрасте — народ особый. Это уже не дети, но ещё и не взрослые. Сорванцы в буквальном смысле слова — непоседливые, шумливые. Одному скажешь: «Володя, работай!», отойдёшь к другому, а он, глядишь, уже с соседом разговаривает. И понять их непоседливость нетрудно: хоть и на заводе, разряд имеют, а ведь ещё зелёные юнцы — сверстники-то их в школе учатся...

Первое время были они для меня как бы на одно лицо — все озорные. Но постепенно стал в каждом отмечать характерное, своё. Марк Хаппап, например, заявляет, что «работа не волк, в лес не убежит». Где он этой «премудрости» набрался, один бог ведаёт. Отец Марка, ведущий конструктор в бюро, считал, что только рабочий коллектив может дать его сыну то, чего не сумел дать он, отец. Вырос Марк ленивым и, самое неприятное, циником.

— Где бы ни работать — лишь бы не работать! — говорил он и следовал этому правилу.

Однажды меня вызвали к начальнику цеха, а Марк в это время устроил «итальянскую забастовку». Высокий, худой, обхватив колени длинными руками, мальчишка сидел на ящике, устремив взор в пространство. До окончания смены ещё пятнадцать минут, а он уже в пальто. меховая шапка-пирожок лихо сдвинута набок, белое кашне свешивается чуть ли не до колен.

— Марк, почему не доделал детали? — спрашиваю недовольно.

— Время кончилось, Степан Степанович.

— Не кончилось, Марк,— смотрю на часы,— ещё пятнадцать минут.

— Ваши отстают.— Марк показывает свои, специально подведённые вперёд. Толстые, почти квадратные губы парня складываются в замочек. Доволен, думает — обманул.

— Пальто сними, Марк, и закончи партию,— спокойно настаиваю я. — Сборка ждёт. Да и товарищи посмотри как ладно работают. А ты что — гадким утёнком хочешь остаться?

Марк ворчит, нехотя, ломаясь, кладёт пальто на тумбочку. И берётся за дело. А дела-то всего с гулькин нос, два раза зажать детали в приспособление, по десятку сразу, просверлить.

Но станок убрать надо. Не любят в цехе нерях. И самолюбие не позволяет Марку, чтобы его ещё неряхой прозвали. Лодырь — пожалуйста, он не спорит, циник — даже нравится, как-то современно, но неряха... Нет, ни в коем случае!

Да, совсем не просто найти верный подход к ребятам,

А сосед Марка по станку? Сначала его глаза смотрели на меня угрюмо, исподлобья. Отбыв срок наказания в трудовой колонии, он захотел вернуться к честной жизни, но наткнулся на равнодушные. Перед ним нередко захлопывались окошки в отделах кадров: рабочие с такой репутацией, мол, не нужны. Наконец устроили к нам. И ему, как он потом сам говорил ребятам, на этот раз повезло. Здесь его персонально не учили уму-разуму. Он был как все. И, поняв это, парень преобразился, повеселел.

В воспитании ребят, над которыми я взял опеку, в своё время были допущены серьёзные изъёмы — это брак в работе семьи и школы. У многих подростков испорчены характеры. А человек — не бракованная деталь. Вот, скажем, в новенькой отливке обнаружили раковину. Её можно залатать, залить. Человеческий же характер не залатаешь. Подростка перевоспитывать надо, и это может сделать только труд. Но какой?

Принуждение, я знал, плохой помощник в любом деле. Ни строгие распоряжения, ни приказ начальника цеха — жизнь убедила — не могут в этом случае дать желаемого результата. Ребят нужно увлечь, заинтересовать работой, даже в чём-то потакать им, идти навстречу.

— Степан Степанович, разрешите мне встать на зенковку,— попросил однажды Володя Кузьмин.

— А я хотел бы нарезать резьбу,— говорит Витя Семёнов.

— Я на сверловку не хочу,— заявляет Витя Гузанов.— Меня тоже поставьте на нарезку резьбы.

Можно было, конечно, не считаться с желаниями ребят. Но кому от этого прок? Раз хотят, пусть трудятся на тех операциях, к которым душа больше лежит. Таким образом мы расчленили обработку деталей на операции, а пооперационный труд, известно, самый производительный. Другими словами — организовали труд по интересам.

И вот тут-то на бригадном собрании я поставил перед ребятами первую задачу: добиться выполнения задания на сто процентов. Не меньше!

Ребята смотрели на меня с улыбкой. Они и пятидесяти-то процентов нормы не выполняли, а тут — сто! Кое у кого в глазах я прочёл удивление и сомнение.

— Добьёмся, ребята!— Надо было разбить это неверие в свои силы.— Есть в цехе рекордсмены — по полторы нормы дают. А вы что, так всю жизнь и будете в отстающих?

Убедил как будто ребят. Подписали они первое в своей жизни коллективное обязательство. Но подписать — это ещё не слово сдержать.

Вот какая получалась история. Если ребятам нравилась работа — они заваливали меня деталями. Не нравилась — ходили по участку как сонные мухи от станка к станку — и дело не двигалось. Что ни говорил я им тут — всё мимо ушей.

На нашем конвейере собирают основные узлы для контакторов. В принципе это обыкновенные выключатели, только предназначенные для тока высокого напряжения и поэтому имеющие мудрёное устройство.

— К чёрту эти железки,— как-то услышал я.— Надоело! Каждый день одно и то же...

Вижу, Володя Кузьмин вслед за Марком Хапманом прекратил работу. Действительно, ежедневно мы делали десятки тысяч таких деталей. И у ребят вполне мог возникнуть вопрос:

куда и кому нужны эти железки? Надо было что-то предпринять.

Однажды я сказал:

— Завтра, ребята, совершим экскурсию.

— Куда?

— Да на другую половину завода, в гидрогенераторный цех.

Вот когда мальчишки узнали, что такое «Электросила».

В то время коллектив фирмы выполнял заказ одной из африканских стран. В цехах на станках-гигантах обрабатывались детали-гиганты, узлы крупнейших гидрогенераторов. Надо сказать, что каждый подобный заказ приходилось выполнять в так называемом тропическом исполнении. Это значит, что гидрогенератор должен нормально эксплуатироваться в особых климатических условиях. Поэтому и требования к работе были самые высокие. Коллектив цеха с честью справился с заказом. И эта совершеннейшая электрическая машина получила государственный Знак качества.

Ребята с любопытством слушали рассказ заместителя начальника гидрогенераторного цеха обо всём этом. Они побывали в цехе в тот момент, когда испытывалась восьмая по счету машина. Мальчишки дивились объёму генераторов, но самым неожиданным для них было то, что на этих машинах-небоскрёбах, оказалось, стоят маленькие детальки, изготовленные ими, сорванцами. Парнишки гордились этим.

«Железки» перестали быть просто железяками, обретя смысл и значение в глазах ребят.

Эта небольшая экскурсия совершила поистине великое дело: произвела перемену в отношении ребят к своей работе. Они стали более старательными. Особенно в изготовлении деталей в так называемом тропическом исполнении. «Зачем их вылизывать?» —

раньше спрашивал меня Володя Кузьмин. А теперь, когда узнал, где будут «работать» механизмы с этими деталями (в условиях тропической жары и высокой влажности металл быстро портится), стал порой проявлять такое усердие, такую требовательность к качеству исполнения, что даже удивлял меня.

Прошло два месяца кропотливого труда. Выработка больше ста процентов! Ребята с удовлетворением посматривали друг на друга. А ведь прав бригадир, казалось, говорили их глаза: мы действительно кое-что можем!

Подводя итоги, бригада внимательно рассмотрела, как трудились подростки. Организация труда по интересам позволила каждому показать, на что он способен. Самых высоких, прямо скажем, рекордных результатов добился Витя Семёнов. Он нарезал за смену десять тысяч деталей. Никто из ребят не смог угнаться за ним. В бригаде шутя стали звать его профессором-резьбовиком.

Позже, уже во второй бригаде, установили конвейерный принцип работы. Это наиболее рациональная форма воспитания ребят в труде. Судите сами: легко ли парнишке с улицы освоить сборку узла сложного контактора! На конвейере же любую операцию он схватывает буквально на лету и через два-три месяца становится равным с остальными в заработке. А получка для подростка измеряется не только рублём, но и уважением к себе, отношением к нему окружающих.

Кроме того, конвейер подхлестнул любителей работать с прохладцей: одно дело — подвести мастера, и совсем другое, когда из-за твоей нерасторопности страдают товарищи.

Что же касается якобы неизбежного однообразия в работе, то вопрос решается просто: тут каждый волен выбирать себе операцию. В конечном итоге все молодые рабочие осваивают полный цикл сборки прибора.

Из журнала «Молодой коммунист»

Конвейер. Здесь собирают небольшой агрегат — редуктор для силовых установок. Каждый член бригады выполняет какую-либо несложную операцию. Несколько минут энергичной, напряжённой работы — затем один из наиболее юных сборщиков, вихрастый такой мальчишечка, по-видимому, не выдерживает напряжения. Обернулся и бросил какую-то реплику соседу. Тот ответил. Оба засмеялись. Ещё два-три слова — и вот уже определилась тема, пошёл разговор. Второй болтает, работая, первый, тот, что впереди, спиной к товарищу, работу бросает. Вскоре, однако, и второй, не получая заготовок от первого, вынужден бросить работу, затем третий бросает работу, четвёртый... и вот уже ребята весело встают со своих рабочих мест, разминают плечи.

Витченко поднимает на лоб очки и, кинув взгляд на «поле брани», срывается с места, словно его пружина подбросила. Подбегает к одному:

— Коля-Коля-Коля, давай-давай-давай, работать-работать, садись-ка на место, Коля, ну-ка!

Другого — за рукав и опять скороговоркой:

— Саша-Саша-Саша, ты-чего-это-разбаловался-смотри — всех-задерживаешь, ну-ка, ну-ка, ну-ка, садись!

Третьему — грозно:

— Опять? Вот я тебя!!

Четвёртому — укоризненно. Пятого удалось поймать возле самой двери...

Наконец все рассажены по местам, приступили к делу. Тем временем у самого бригадира накопилась куча неотлаженных редукторов, и теперь он спешит к своему стулу, чтобы, сбросив очки обратно на нос, навёрстывать упущенное. Минут пять — десять он занят только своей работой.

А по цепи уже вновь побежали смешки, и через минуту цепь начинает расползаться.

Новый цикл. Очки Степана Степановича взлетят на лоб, маленькие глаза засверкают гневом и... смехом.

Вообще-то, конечно, ситуация довольно комичная.

— Ну прямо наседка с цыплятами, — комментировал происходящее начальник цеха.

Это было очень точно сказано!

Но он-то сам, Степан-то Степанович, он оплачивал свой юмор буквально потом и кровью, бешеным напряжением сердца и нервов.

Он, пока мы смеялись, тянул воз — и какой воз! А всё-таки он смеялся вместе с нами. На минутку он подскочил к нам, вытер пот со лба и почмокал губами:

Каковы черти, а! Вот возьму да выпорю всех по очереди!

А в глазах — в узких, хитрющих щёлочках — плясало веселье.

Едва кончилась смена, некоторые наиболее шустрые «деточки» мигом смылись в раздевалку. А Степан Степанович и те, что остались, взяли метёлки и убрали рабочие места. Свои и тех, что сбежали.

Видите? — гремел начальник цеха. — Оценили? Он в них таким великодушием хочет совесть пробудить! А им плевать на твоё великодушие! Им подавай сейчас гитару и поллитровку на троих... Я тебя серьёзно предупреждаю, Степан Степанович, я этого новенького твоего, вихрастого, больше держать не намерен. Ты знаешь, что мне про него сказали?

Знаю, Роман Евсеевич, знаю, дорогой. А только всё это врут. Он очень хороший мальчик.

— Хороший? Лодырь и хулиган!

— Неправда, Роман Евсеевич, он очень хороший, ты поверь! Он ещё маленький, ты понимаешь? Ещё глупый: ленится, балуется. Но он хороший мальчик, добрый, понимаешь?

— «Мальчик», «маленький»... Да я в его возрасте, в семнадцать-то лет, знаешь как вкалывал вот в этом самом цехе?

— Значит, ты поумнел раньше. А он попозже поумнеет, но обязательно поумнеет, я тебе обещаю.

Со стороны диспут казался довольно забавным. Был он, как видно, не первым и не последним, противники знали аргументацию друг друга наперёд, однако же спорили с увлечением, всерьёз. Они стояли друг против друга: Роман Евсеевич, могучий мужчина лет тридцати пяти, смотрящий на всё и вся с высоты своего почти двухметрового роста, и Степан Степанович, маленький, полный, сложивший руки на животе и время от времени воздевающий их вверх, к своему гиганту собеседнику. Один — сторонник действий быстрых и решительных, другой — неспешных и осторожных.

Кто же из них прав? Пожалуй, оба. Но только исповедуемые ими «педагогические доктрины» лежат в разных плоскостях, имеют разное предназначение.

Конвейер непререкаем. Он дисциплинирует непривычных к труду новичков. Однако дисциплина в бригаде зиждется отнюдь не

на принуждении. Все подростки работают на один наряд. Вроде бы уравниловка: трудятся люди по-разному, а деньги — в общий котёл. Но на практике «уравниловка» обернулась важным средством воспитания коллективизма, заинтересованности ребят во всех производственных делах. А как же иначе: от твоего труда зависит общий успех, а уже от общего успеха — твой заработок. И видели бы вы, с какой не по летам хозяйской смёткой подростки в перерыве прикидывают, как перекрыть вчерашний результат бригады.

Но не может наша бригада стать образцово-показательной. Ведь главная цель организации нашего коллектива состоит в том, чтобы помимо готовых приборов «выпускать» ещё и «готовых» рабочих — бригада постоянно пополняется, как правило, трудными подростками, на умеющими толком даже гвоздь забить...

Сказывается ли появление каждого такого новичка на показателях бригады? Да. Так же, как сказывается и неусидчивость подростков. Вот на конвейере кто-то закурил, перебросился шуточкой с соседом. Подключается второй, третий. Не успел оглянуться, как ребят словно ветром сдуло — убежали пить газировку. Бегу следом, собираю, отчитываю. С одними говорю — другие исчезли. Снова бегу, собираю. Каждого провинившегося — на разбор коллектива. И так на первых порах по два-три собрания в день.

Упорно я искал пути к сердцам подростков. Случалось, спотыкался, образно выражаясь, о кочку, попадал в трясины. Другими словами, не все способы достигали цели. Но я не унывал. С моими задирами просто было интересно и даже весело работать.

Был в бригаде непоседа Лёша Сидоров. Способный. На час возьмёт себя в руки — кучу деталей сделает. А потом болтается по цеху. Как пресечь? Однажды на бригадном собрании

рассказал ребятам, кто как в течение месяца работал. Понятно, укорил Сидорова в отсутствии прилежания. Предложил рассчитать Лёшу не по второму, а по первому разряду (то есть не по общебригадному, а по его личному). Но ребята запротестовали: не надо, поймёт, подтянется Алексей...

Я согласился. Зачем попирать волю коллектива? Через месяц ребята убедились: зря понадеялись на совесть Сидорова — и сами сказали, что следует лишить его поощрения.

Алексей заволновался: как же так? Работает бригада на один наряд, а поощряют по-разному. Разве это правильно?

Лёше разъяснили, что нерадивые поощрений получать не будут. Парнишка больше не спорил, понял: у него есть один выход — тянуться за всеми.

Эксперимент с Лёшей Сидоровым со временем вошёл в практику работы с начинающими. По решению бригадного собрания оплата труда ребят, которые работали хорошо, проходила по высокому разряду. Помню, как однажды всех нас удивил Гена Кулага — он сделал вдвое больше других. Бригада постановила: слесаря первого разряда Геннадия Кулагу рассчитать по третьему!

Замечу, что этот метод поощрения не сразу приобрёл права гражданства. Одно время работники бюро труда и заработной платы упрекали меня не только в нарушении существующих законов оплаты труда, но и в недальновидности. При этом приводили такой аргумент: ребята потеряют интерес к технической учёбе. Жизнь опровергла это утверждение — все ребята за время пребывания в бригаде кончили курсы повышения квалификации, повысили мастерство, а значит, и разряды.

Я убеждён: каждой такой бригаде надо предоставить право материально поощрять старательных. Ребята будут стремиться

не ударить в грязь лицом, оправдать доверие товарищей.

Из каких средств поощряем? Из общих, «котловых». Более опытные в бригаде каждый месяц выделяют из своего бюджета по полтора-два рубля и вносят в копилку поощрений. Сумма небольшая, зато новичок (этот метод, как правило, применяется к тем, у кого первый разряд) за своё прилежание получает дополнительно десять, а то и пятнадцать рублей! Стоит тянуться? Определённо стоит. Не было случая, чтобы старшие ребята возражали против такого порядка. Воля бригады — прежде всего их воля, то есть разумное решение людей, уже вставших на ноги.

Да, мальчишки — народ особый. Сумеешь найти к ним подход — вместе с ними гору сдвинуть можно. Не сумеешь — тогда и материальное поощрение не выручит наставника. Оно хорошо, если уже есть контакт с подростком, взаимопонимание.

В ПЕРЕРЫВ...

Но как найти подход? Этот вопрос, думаю, гвоздевой у любого, кто в той или иной мере соприкасается с подростками. В самом деле: так ли просто завоевать сердце парнишки? Ночью, бывает, проснёшься и думаешь, с какого бока к озорнику подойти, утвердиться в его глазах? Иначе и самая поучительная экскурсия по цехам не даст эффекта. Экскурсия хороша тогда, когда подростки поверили в тебя не только как мастера своего дела, но и как человека.

В тот ранний период, когда бригада, по существу, только ещё создавалась, ребята вроде бы и верили мне, но не настолько, чтобы подражать, а значит и идти за мной, делать, как я, и вместе со мной. Коллектива всё-таки ещё не было. И комсомолец только один — Володя Целуев. Правда, мне помогал бывший мой товарищ по «полковничьей» бригаде Виталий Осипович Брыкин, вместе старались влиять на непосед, но я чувствовал — нет полной откровенности между мной и ребятами. Это мешало добиваться поставленной цели: стать бригадой без отстающих. И я ломал голову: «Как сдвинуть ребят с мёртвой точки?»

Ответ пришёл неожиданно, и подсказал его Марк Хапман.

Как-то во время работы ко мне подошёл Марк и попросил рассказать о службе на границе. Я согласился, но сказал, что рассказывать буду в обеденный перерыв и в том случае, если ребята к этому времени сделают положенное число деталей...

— Да мы больше сделаем,— уверил меня Марк.— Вот увидите — сделаем. Слово даю!

Слышу — идёт по цепочке шёпот:

— Батя в обед о пограничниках будет рассказывать... Поднажмём, ребята!

И они постарались — как и обещали, сделали две трети всех деталей, заданных бригаде на день.

А когда прозвенел звонок на обед — всей бригадой направились в красный уголок. Здесь они наскоро пообедали, уселись вокруг меня в кружок. Глядят неотрывно: что-то расскажет наставник о пограничниках?

— Итак, о службе в пограничных войсках,— говорю я,— Знаю, многие из вас любят такие рассказы. Граница. Романтика. Романтика, конечно, есть. Но главное на границе, как и везде, работа. Честная, самоотверженная работа. Выполнение своего воинского долга. Так о чём же вам рассказать? Вот, скажем, такая операция: ликвидация диверсионной группы...

Ребята придвинулись ещё ближе. Не слышно шуток, никто никого не дёргает за воротник.

— Произошло это на советско-польской границе, ребята. Тогда это была пилсудская Польша. В то время через эту границу пытались пробираться шпионы, диверсанты. И в одиночку, и группами. Провозили и контрабанду, случались и провокации...

Служил я тогда в Тимковическом Краснознамённом пограничном отряде — шёл всего второй год моей службы, и оттого эта операция запомнилась мне особенно.

Служба на границе всегда напряжённая: в любую минуту может объявиться нарушитель. А в ту пору особенно трудно приходилось. Врага можно было ждать не только со стороны, подчас он объявлялся и у себя в доме. В стране совершался процесс коллективизации, который ожесточил классовую борьбу. Всякая нечисть

стала поднимать голову. Так и тут. Братья Дасюкевичи — Илья и Василий бежали за кордон...

— А что такое кордон? — нерешительно спрашивает Семёнов.

— Не знаешь? Из картона коробки для твоих ботинок делают,— съязвил сосед и тут же осёкся: Целуев дёрнул его за рукав.

— Кордон — это государственная граница,— говорю я.— По-другому: отряд пограничной охраны, преграждающий путь через границу. Граница узаконена, уточнена, но это не какая-то каменная стена или ров между двумя государствами. Это территория с реками, полями, перелесками. Только один берег, к примеру, наш, другой — чужой.

Но вернёмся к Дасюкевичам. Илья и Василий уже давно занимались контрабандой. И драпанули они за кордон, понятно, для того, чтобы вредить Советской власти. По ту сторону границы братья предали свою страну, завербовались в диверсионную школу.

Наша разведка однажды доложила: готовится к переходу границы диверсионно-шпионская группа во главе с Дасюкевичами. В нашем отряде была объявлена тревога. В ружьё! Сели на коней и поскакали к деревне. Окружили её, наблюдаем. Мы жителей знали. На границе все друг друга знают. Один из пограничников докладывает командиру: «Илья из дома перебежал в сарай!» Оцепили сарай. Командир кричит: «Илья, сдавайся!» в ответ — ни звука. Словно в сарае никого нет. Час минул, второй. «Илья, сдавайся!» Опять молчание. Но мы знали, он там. Прибыло начальство из отряда, ещё пограничники. Почему, спросите, не применяли оружие? Илью надо было взять живым.

— И взяли живым? — тихо спрашивает Слава Биркин.

— А как же — взяли. Когда наступила темнота, все поняли, Илья мог удрать. И вот тут-то старший командир пошёл на хитрость. Решил взять ночью на испуг. Подогнали машину к самым воротам, привели собак. В последний раз крикнули: «Илья, сдавайся!» И после того, как нарушитель опять не ответил, разом включили фары, мотор и собак заставили лаять. И вот слышим: «Сдаюсь, товарищ начальник!» Это Илья подал голос. «Сдавай оружие!» Полетели из сарая оружие и патроны.

— Вот предатель,— не выдержал Костя Бахарев.— К стенке бы его!

Ребята зашикали на него, в ожидании продолжения моего рассказа. Но я молчал.

— Кончился, ребята, перерыв, пора за работу.

— А как же, Степан Степанович, с остальными? Вы же говорили — группа диверсантов,— не унимались ребята.— Остальных-то изловили?

— С остальными ещё не скоро справились,— сказал я.— Но об этом расскажу в другой раз...

Перерыв в работе... Да, он даётся для того, чтобы снять мускульное напряжение, принять пищу, отдохнуть. Пусть парнишки побегают, поиграют — в их возрасте всё это естественно, оправданно. Но и обеденный перерыв можно при желании использовать с той же воспитательной целью. Мы, например, в такие минуты часто читаем солдатские письма — ребята ведь подрастали и со временем стали уходить служить в Советскую Армию. В бригаду приходили письма, в которых были и юмор, и шутка, и добрые советы. Писем этих всегда ждали в бригаде.

Стоило только прийти в цех, как уже слышалось со всех сторон:

— Ну как? Есть письмишко?

— Есть. В перерыв читать будем.

И читали. И обсуждали. И вспоминали Сашу, Серёгу или Витю. Солдатские письма как бы расширяли горизонт, позволяли заглянуть в будущее.

«Хочу вам сообщить, что о нашей бригаде знает вся Камчатка, ведь в газете напечатали мою статью и по радио передали», — писал Шевырёв.

— Вот это Валентин! Военкором стал! — с восторгом заметил Саша Козмин.

— Не мешай. Пусть Батя дальше читает. Теперь нам всем держаться надо, чтобы не подвести.

— А вот Валентин как раз об этом и пишет: «Так что удержите ту высоту, которую взяли...»

Я заметил, что такие солдатские письма — лучшая агитация и за работу, и за жизнь, и за настоящее, и за будущее. И потому, когда ребята просили почитать письма, никогда не отказывал. Считал, такие порывы надо поддерживать. Случалось, не укладывались в обеденные перерывы, «прихватывали» минут пять–десять рабочего времени. Ребята хором заявляли: «Ничего, Степан Степанович, мы отработаем — задержимся после смены и сделаем всё, что положено».

Они ни разу не подвели меня. Делали даже больше того, что положено. Чтение солдатского письма или очередной рассказ о пограничных буднях (а ребята требовали всё новых и новых историй!) давали подчас больше, чем собрание на тему о дисциплине.

К слову, ту историю о братьях Дасюкевичихах они все знали в подробностях и не раз пересказывали её новеньким.

С поимкой Ильи, я уже говорил, история эта не закончилась. Оказалось, Илья пришёл как разведчик. Остальные должны были прийти через пару дней. Состоялся между ними уговор: если всё спокойно — он в условленном месте в определённый час подаст

световой сигнал. Пограничники, узнав о планах группы, вокруг этого места засаду организовали. Крепких парней поставили. Сюда же привели Илью. В определённый час он подал условленный сигнал. Диверсанты пошли через границу. Шли по одному. По одному и хватали. Кляп в рот. Руки за спину. Без единого выстрела девять человек взяли. На десятом произошла осечка. Десятым был Василий, руководитель группы. Он хорошо знал здешние места и пошёл своей тропкой. И напоролся на засаду. Слышим — выстрелы! Бросились на них — да куда там — ушёл Василий.

Но мы знали, что рано или поздно он сюда придёт. Ждали его. Усилили наряды. Местным жителям про Василия рассказали, сообщили его приметы. А он всё-таки перехитрил нас. Переоделся в нашу пограничную форму и с таким же бандитом, как он сам, перешёл границу. Вдвоём они пробрались в деревню и взяли того человека, который, как им казалось, донёс на братьев пограничникам. Человек этот был зверски убит в лесу. Когда на заставе об этом узнали, было уже поздно. Скрылся Василий.

Это был хитрый и коварный враг. Вся сложность состояла в том, что он хорошо знал места, где проходила граница. Это заставило командиров усилить пограничный дозор. Мы жили в тревоге. Примерно через месяц, как раз во время уборки урожая, Василий снова перешёл границу, но вернуться через неё ему уже не удалось.

Вот как было это. Однажды в деревне появились двое пограничников. Председатель сельсовета видит — незнакомые. Завёл с ними разговор.

— Вы с Минска?

— Да. Вот папирос хотели купить...

— Идёмте, покажу.

Прямо в сельсовет привёл их председатель, а там народ — собрание актива проходило. Только они вошли,

председатель крикнул: «Руки вверх!» Народ поднялся. Отобрали у диверсантов по два пистолета. А у Василия ещё и третий был. Он из него — по председателю, а сам — в окно.

Весь район на ноги поднялся. Пограничники двое суток глаз не смыкали. Василий даже деревню поджёт в расчёте на то, что народ бросится тушить пожар, а он тем временем улизнёт. Но уйти ему не дали пограничники, ликвидировали при переходе границы.

Помню, когда впервые рассказывал ребятам об этой операции, столько вопросов услышал от ребят! Больше всего их интересовало: а кого посылают служить на границу?

— Самых умелых. Самых стойких. Самых храбрых, дисциплинированных, — отвечал я.

И потом видел — появилось прилежание ребят в труде, словно каждый решил без огласки, для себя, стать и умелым, и стойким, и дисциплинированным. Позже некоторые из них во время прохождения службы в Советской Армии действительно стали пограничниками. Сергей Машков, один из моих лучших воспитанников, к примеру, служил на заставе. Был отличником боевой и политической подготовки. Словом, не прошли бесследно беседы о пограничниках, которые я проводил по просьбе ребят в перерывах между работой. Вообще отмечу, руководитель молодёжи не только личным примером в работе, но и ещё чем-то должен увлечь ребят, заставить их так поверить в себя, чтобы они гордились наставником, старались ему подражать. Очень важная деталь воспитания — личный авторитет бригадира, человеческий авторитет.

ЕСТЬ В БРИГАДЕ ТРАДИЦИЯ...

«Ленинградская правда» писала: «Торжество посвящения началось далеко от дворца — на Кировском заводе. Там от пылающего мартена был зажжён факел как символ замечательных трудовых и революционных традиций путиловцев. Ветераны труда провезли факел через весь город по шумным улицам вечернего Ленинграда. И свет факела отражался в тысячах глаз — призывный свет трудовой романтики и рабочего мужества».

Почему я помню эти слова? Да потому, что они удивительно точно и правдиво отражают смысл и значение для жизни юношей и девушек того замечательного дня, когда им торжественно присваивают звание рабочего.

Сегодня спорят, кто первый это придумал, где впервые состоялось посвящение. Согласен, приятно установить за собой приоритет в этом деле. Но столь ли уж это важно? Главное в том, что такая традиция родилась и утвердилась на практике. Этот праздник волнует вступающих в самостоятельную жизнь сегодня так же сильно, как и тогда, когда зажигали первый факел от мартена Кировского завода.

Сердца мальчишек забились чаще от сияния звёзд на груди у знаменитых рабочих, пришедших во Дворец труда на торжество посвящения молодых в рабочий класс.

Среди представителей славной гвардии ленинградского рабочего класса были Герои Социалистического Труда В. А. Смирнов, А. В. Чуев, Н. Н. Русаков, Ю. А. Врублёвский, А. А. Грицкевич, ветеран партии В. П. Виноградов, Герой Советского Союза Ф. Т. Дьяченко.

Вступающим в трудовую жизнь предстояло в тот день дать клятву, что они твёрдо пойдут по дороге отцов, что будут беречь традиции старшего поколения, трудиться для блага Отечества и с честью пронесут через жизнь высокое звание советского рабочего. Парнишки стояли шеренгой, тесно, для храбрости прижавшись друг к другу. Их лица светились радостью, на них можно было прочесть волнение.

И вот началось торжество. Отеческим было напутствие, с которым обратился к юношам и девушкам знатный рабочий нашего города Герой Социалистического Труда Константин Васильевич Говорушин. Он говорил, что нашей молодёжи есть у кого поучиться, есть с кого брать пример.. Старшее поколение советских людей прошло большую школу, имеет богатый опыт борьбы за свободу и экономическое могущество Родины. Константин Васильевич говорил, что боевой, житейский, трудовой опыт отцов, традиции нашего рабочего класса — это для молодёжи самый интересный учебник, самый привлекательный пример для подражания...

— Вы посвящаетесь в рабочий класс. Обещаете ли быть верными его великому делу, делу строительства коммунизма?

— Обещаем!

Юноша звонко и уверенно произносит это большое слово. От имени своих товарищей клятву даёт Володя Целуев. И за ним повторяют все:

— Обещаем!

Казалось, что каждый вспоминал в эту торжественную минуту взволнованные строки Владимира Маяковского:

Я счастлив,
что я
этой силы частица,

что общие
даже слёзы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!

Ещё никогда в жизни подростки не переживали подобной минуты. Потом они по одному подходили к Константину Васильевичу и принимали подарок — набор слесарного инструмента. Первыми были три Володи — Целуев, Кузьмин, Махаев, за ними подошли Костя Бахарев, Марк Хапман...

Да, тот самый Марк, или Марик, как его звали в бригаде, стоял навывтяжку с сияющим лицом. Прямой пробор — гордость парня — строже, чем всегда, делил его гладкие чёрные волосы на две половины. Он улыбался. Ещё месяца два назад Марик постарался бы скрыть и эту улыбку, и ту радость, которая владела им сейчас. Но после памятного разговора в бригаде у него, как говорил Марик, «мозга перевернулась».

Было это так. Я неожиданно засёк его во время очередной «итальянской забастовки». Пришлось воздействовать на парня всем коллективом. Созвали бригадное собрание. В стеклянной конторке, предоставленной нам мастером по такому случаю, стало шумно от мальчишеских голосов.

Марик знал, зачем собрали бригаду. Но ухмылялся, — видел он в своей жизни не одно такое собрание. Подумаешь! Сегодня ты «герой», завтра другой, послезавтра третий. Улыбки, смешки. Развлечение, а не наказание.

Но всё повернулось по-иному. Ребята после экскурсии по заводу, о которой я уже рассказывал, стали работать ровнее, лучше, и получалось, что Марик в какой-то мере прохладился

за их счёт. В парнишках подспудно зрел протест. И он внезапно прорвался тут, на бригадном собрании. Они смотрели на товарища хмуро. И когда я спросил: «Что будем делать с Мариком?» — ребята загудели. Оказалось, у каждого накопилось в душе.

— Марик — продукт капитализма, — сказал Володя Целуев. — Точнее — носитель пережитков капитализма. Точнее — он пытается жить за чужой счёт...

— Не за твой ли? — С Марика как рукой сняло его привычную насмешливую улыбку.

— И за мой в частности, — отпарировал Целуев. — Бригада работает на один наряд. Это что значит?

— А то, что все наши рубли Степан Степанович складывает как бы в один котёл, — вмешался Костя Бахарев. — И мы хотим, чтобы в бригаде действительно жили по правилу: один за всех, и все за одного. А ты только о себе думаешь.

— Точно, только о себе, — подхватил Витя Семёнов. — Каждый вкладывает в общий котёл сколько может. Понимаешь, Марик: сколько может. А не сколько хочет. Правда, Степан Степанович?

Я кивал головой. Говорите, говорите, милые сорванцы. Каждый из вас ещё не один номер отколет. Но сейчас вы правы, бесконечно правы. И этой правдой помогаете мне, бригадиру, Марика вразумить. Но ещё дороже другое: вы воспитываете и себя, в этом споре с товарищем формируете свои взгляды, убеждения, закаляете характер, а Марик...

— Я предлагаю исключить Марика из бригады...

Марик Хапман вскинул голову и встретился глазами с внимательным взглядом Володи Целуева.

— Если, конечно, Марик сейчас не пообещает всем нам изменить своё отношение к бригаде. — Володя тронул за плечо Кузьмина: — А ты, тёзка, что думаешь?

— Я как Степан Степанович.— Володя Кузьмин вздохнул, посмотрел на меня. Я знаю, ему жалко Марина.

— Марик — как земляной орех в шелухе,— сказал он.— А если его от этой шелухи очистить, то какой парень будет! Умный, начитанный...

— Человек получится...

— Я тоже думаю, что из Марика получится человек,— уверенно говорю я и вижу, что ребята с облегчением вздохнули.— Но это дело будущего и всех нас. А пока хотелось бы послушать Марика, что он думает.

Но Марик молчит. Как ни старались ребята, они не выжали из него ни слова. Решили вопрос о дальнейшем пребывании Марика в бригаде оставить пока «открытым». С тем и разошлись.

На другой день Марик в моё отсутствие устроил очередную «забастовку». И был очень удивлён, что никто из ребят не обратил на это внимания. Больше того, они словно вообще не замечали парня. Это беспокоило его.

Так прошёл день, другой... На третий Марик не выдержал, подошёл к Кузьмину:

— Вы это что?

— А ничего,— ответил Кузьмин.— Иди-ка лучше работать...

— Пусть трактор работает,— начал было Хапман по привычке, но, встретив насмешливый взгляд Володи, осёкся.

— Мусора у тебя, Марик, в голове много,— Володя отвернулся.

Перед уходом домой он подозвал Хапмана:

— Вот на, почитай. — Кузьмин вынул из тумбочки брошюру.— Бригадир дал. Уже все перечитали. «Великий почин».

Марин обрадовался, что Володя первым нарушил молчание, взял брошюру, запихнул её в карман. И только потом, как бы спохватившись, спросил:

— Кто автор?

— Ленин.

Через день Марик возвратил брошюру другу.

— Уже? — спросил тот, недоверчиво поглядывая на товарища.

— А что тянуть? Грамотный ведь я,— отпарировал Марик.

Он без лишних разговоров встал к станку.

Ни тот, ни другой больше этой темы не касались. Только по всему было видно, что Марик прочёл ленинскую статью и она произвела на него большое впечатление. В своих рассуждениях он стал употреблять слова, взятые из «Великого почина»: «коммунистический субботник», «работа по-революционному», «сознательная дисциплина»...

Однако Марик вскоре дал повод для нового разговора о его работе в бригаде.

Володя сказал:

— Слова-то ленинские ты запомнил. Это хорошо, А в жизни поступаешь не так, как говорит Ленин.

— Неправда,— обиделся Марик.

— А где у тебя сознательная дисциплина? Ведь ты продолжаешь подводить бригаду...

И такие разговоры вспыхивали между товарищами не раз. Они не проходили бесследно. Постепенно в парне брало верх то хорошее, неиспорченное, что таилось в нём. Марик наконец отказался от своей привычки устраивать «забастовки». И никто уже не слышал от него пословицы «Работа — не волк...».

Вот что произошло с Мариком Хапманом, и этим объяснялась его радость во время торжественной церемония посвящения

в рабочий класс. Он был вместе с коллективом.

...Тёплый вечер встретил ребят, когда они выходили из Дворца труда. Они — рабочие! Равноправные в строю тех, кто создаёт мощные машины, трактора, станки. В этом строю и Константин Васильевич Говорушин с Кировского.

Ребята этим заводом особенно заинтересовались. Пришлось рассказать им о могучих степных кораблях — тракторах К-700, которые создают кировцы.

— Великие мастера — кировцы, — восхищённо сказал кто-то из ребят.

— Конечно, мастера, — подтвердил я. — Со временем и вы станете настоящими специалистами своего дела. Верю. Да ещё какими...

Аккуратные коробочки с эмблемой «Электросилы» приятно оттягивали руки ребят. В них было всё, что требовалось слесарю: молоток, зубило, штангенциркуль, патрон для сверления. Только старайся, только не сворачивай с избранного пути!

Потом разговор невольно перешёл на нашу бригаду: как жить дальше? Ребята решили не отставать от передовиков. Завтра же они объявят в цехе, что бригада будет бороться за звание коллектива коммунистического труда. А раз так — всем надо пойти учиться в школу рабочей молодёжи.

— Кто против? — Володя Целуев посмотрел на товарищей.

Возражавших не оказалось.

Уличный поток нёс ребят по бульвару Профсоюзов, по улице Герцена, затем они вышли на Невский. Здесь остановились. Море огней. Вечно праздничный Невский. Это очень отвечало их настроению.

Домой идти не хотелось. Я понимал состояние ребят. Сказал: «Добро», засмеялся, и мы, свернув направо, зашагали вдоль Невского.

Шагалось легко. Энергия, энтузиазм ребят, их задор невидимыми путями передавались и мне. Рядом с ними я не чувствовал своих пяти десятков лет.

...Праздник посвящения в рабочий класс — это серьёзный большой разговор старших с начинающими жизнь, это доброе и вместе с тем требовательное напутствие. Долг старших — ярко и понятно разъяснить подросткам их ответственность перед обществом, их обязанность трудиться. Они должны понять: чтобы стать настоящим рабочим, надо постоянно учиться, приобретать технические знания, политически закаляться. Словом, воспитывать в себе все те качества, о которых писал Владимир Ильич, характеризуя рабочих нашего города как передовой отряд пролетариата.

Традиция посвящения в рабочий класс получила у нас широкое развитие. И пусть эта традиция послужит благородному делу воспитания молодёжи.

В день посвящения мы, как бы положив на плечо юноши отцовскую руку, говорим:

— Иди, не бойся, поддержим, пока не станешь на ноги...

ДЕЛАЙ, КАК Я!

Когда меня иногда спрашивают, что является главным, решающим в воспитательной работе бригадира-наставника, я отвечаю:

— Личный пример старшего.

Думаю, никакие педагогические приёмы не помогут, если ребята увидят, что слова бригадира расходятся с делом, что сам он и леноват, и выпить любит, и о качество продукции, которую вместе с ними выпускает, не очень печётся. Чтобы требовать от других, тем более от юных, надо быть взыскательным и к себе.

Помню, как-то одна наша девушка, Тоня, сказала мне:

— Я по природе лентяйка, Степан Степанович. Но гляжу на вас: человек не молодой, а как работаете! Завидно...

Раз ты бригадир, да ещё наставник, значит, на тебя, хочешь не хочешь, устремлены двадцать пар глаз.

Я поставил себе за правило начинать рабочий день за час-полтора до прихода в цех молодёжи. Надо проверить, хватит ли заготовок, материала, позаботиться об инструменте. А кто должен членов бригады настроить на работу? Ясно, бригадир. Опоздай я — и в бригаду придёт расхлябанность. Строго спросить с парнишки за опоздание наставник может лишь в том случае, если сам в этом отношении, как говорится, без сучка и задоринки.

Готовя рабочее место к началу трудовой смены, я тем самым задаю ритм бригаде, из которого она не должна выходить в течение всего дня. Многие, даже взрослые, уверен, не раз про себя отмечали: если не начали трудиться энергично с утра, рабочий день

не принесёт большого результата. И потому наш девиз: ни минуты на раскачку! Пришёл в цех — сразу на конвейер, сразу за дело.

Безделье — враг высокой производительности труда. Если парнишке пятнадцать лет, он должен отдать производству триста рабочих минут. Если шестнадцать — четыреста двадцать минут. И не кое-как провести это время, а отработать полноценно, насколько сегодня позволяют силы. Случается, нет деталей — бывают ещё неувязки на производстве. Тогда мне ничего не остаётся делать, как официально объявлять перерыв: «Передохнём немного, ребята». Но, как правило, это размагничивает подростков, и ой как трудно бывает заставить их (особенно к вечеру) вновь включиться в работу. Кто-нибудь обязательно протянет, глядя на часы:

— Да стоит ли, Степан Степанович, до звонка-то всего десять минут осталось...

Но я настаиваю, подбадриваю, шучу. Глядишь, опять работают ребята. Пять–десять минут безделья пагубно влияют на нашу выработку. Трудимся-то мы на один наряд. Постепенно они начинают постигать смысл девиза: один за всех, все за одного!

Нетерпимость ко всему плохому начинается с нетерпимости к лени, нерадивости, пустому времяпрепровождению. Не случайно народная мудрость учит: лень — мать всех пороков.

Я тысячу раз убеждался, что трудовое воспитание начинается ещё в школе — за партой, за книгой. Если этого не произошло, двойная нагрузка ложится на рабочий коллектив, куда приходит подросток, на наставника. Самое главное, самое трудное, что есть в искусстве воспитания,— это добиться, чтобы подросток стыдился своей праздности, презирал лень и нерадивость. И это не только

в часы, которые он проводит в цехе, но и дома, в свободное время.

Вот почему каждый, кто приходит в бригаду, непременно должен принять условие — идти учиться в вечернюю школу. Это совсем не просто — убедить озорника, бросившего школу, вновь сесть за парту, да ещё вечером. Но не сдаёмся. Разъясняем, доказываем (не я один, конечно, но и цеховой комсомол). Я считаю своим важнейшим долгом внушить человеку, которого воспитываю, что отступать перед трудностями стыдно — стыдно не победить лень, не учиться.

Часто можно слышать слова — привить вкус к труду... Никакими средствами и «прививками» этого не сделаешь, если наставник сам изо дня в день, каждую минуту не показывает примера, как надо относиться к делу, как общаться с окружающими людьми, как поступать в тех или иных обстоятельствах.

Иной раз меня спрашивают: «Как вам удаётся справляться с этой оравой?» Секрет тут небольшой. Надо любить мальчишек. Тогда родятся и эффективные педагогические средства.

В данном случае я хотел бы сказать о силе слова, как великом инструменте воспитательного процесса, причём не только доброго, но и строгого, и требовательного, и гневного, и резкого, и ласкового, и уважительного, и просто сурового — вот какова палитра слова! Но при всех обстоятельствах оно должно быть справедливым и целесообразным и сказано так, чтобы подростку захотелось последовать совету наставника. Окрик, приказ, грубость не действуют на ребят. Они рождают в подростке сопротивление, желание на грубость ответить грубостью.

Вот, допустим, такой случай. Пришёл в бригаду Серёжа Машков. Весь заросший, кольца на руках, погремушки на брюках. Пришёл знакомиться. Ребята собрались вокруг,

хихикают (а ведь совсем недавно у многих был почти такой же вид). Сергей ошетинился, словно ёжик.

— Что ж это ты себя разукрасил, будто пугало огородное? Срам смотреть...— сказал мастер.

— Не ваше дело,— отрезал парнишка.

— Как это не наше? — вспыхнул мастер.— К нам в коллектив просишься, и вдруг «не наше». Вот возьму и не дам согласия.

— Ну и не надо. Не больно-то и хочу. Так, пришёл посмотреть. Уж очень картинно пишут о вас в газетах. А выходит — то же, что и везде...

Но парнишку мы всё-таки приняли в свой коллектив. Посадил я его с собой рядом на конвейер. Показал, что на первых порах надо делать. Стараюсь не обращать внимания (пусть привыкнет, акклиматизируется). Только изредка бросаю взгляд и диву даюсь: как старается! Под внешней мишурой — такое здоровое нутро!

Вечером, перед уходом домой, когда ребята разбежались, задержал Машкова на минутку, похвалил за работу, а потом спросил:

— Ну, как нравятся тебе наши ребята? Будь, как они, а то ты у нас словно белый воронёнок...

Я смотрел ему вслед, когда он, окрылённый, летел домой, и думал: поймёт ли парнишка, что мы добра ему, а не зла желаем? Честно говоря, я не рассчитывал на скорую победу. Готов был убеждать Сергея Машкова и дальше. Но не пришлось.

На другой день (в прямом смысле на другой) Сергей пришёл в цех совсем иным человеком. Внешне, конечно. Настолько иным, что ребята его не сразу узнали. Брюки — обыкновенные, без колокольчиков, во зато наглаженные, со стрелками. Аккуратная рубашка. Не на танцы пришёл, на работу. Причёска... Её просто не было. Парнишка начисто снял все волосы.

Зная, как не любит молодёжь «нулёвку», я спросил Машкова, с сожалением поглядывая на его голую голову;

— Что ж это ты так?

— Стричься так стрижься,— энергично и весело махнул он рукой.

Когда я рассказываю об этом факте из биографии Сергея Машкова (через год он стал моим заместителем, комсогруппоргом в бригаде, пока не ушёл служить в Советскую Армию), многие, жаждущие познать «секреты» воспитания подростков, разочарованно спрашивают: «Это и всё? Сказали пару фраз, и парень вдруг перестроился?» И мне становится понятным, что эти люди не придают значения слову в работе с молодыми, недооценивают его силу.

Труднее бывает изгнать грубость и жаргон из языка подростков. Народ в бригаду приходит разный, и каждый привносит в лексикон свои «красоты». Поскольку у ребят особые представления о том, что хорошо, а что плохо, иной балагур сразу завоёвывает авторитет, находит подражателей. Как бы ни был начеку наставник, как бы ни следил за своей речью, его пример в данном случае не имеет решающего значения. Молодёжь считает, что старшие-де отстают от времени...

Положение сложное. Но тут мне помогли девушки. Вернее, так. Девушек у нас в бригаде вначале не было. И я как-то не замечал этого. Но однажды приехали к нам гости из Венгрии, я рассказывал им о делах подопечных и вдруг услышал:

— Степан Степанович, а девушки у вас в бригаде есть?

Да, действительно, девятнадцать членов бригады (в разное время было разное число рабочих в бригаде), и все — ребята. Задумался. Ведь нужны нам девчата. Кому, как не им,

создавать в бригаде атмосферу эдакого «рыцарства».

А тут подходит ко мне старший мастер и говорит: Послушай, Степаныч, не возьмёшь ли Тоню в бригаду? Рабочие из соседней бригады мне покоя не дают: забери её от нас.

Так и появилась у нас в бригаде первая девушка. Поставил её на самую можно сказать «тонкую» операцию — красить заклёпки в узлах.

День Тоня красит заклёпки, два. По сторонам иной раз посмотрит: работают все, и она опять за дело. Сначала выходило так себе, словно и не девичьи у неё руки. А потом всё лучше и лучше. Гудок на обед, а Тонечка моя сидит и красит.

— Нравится. Посмотрите, какие красивые заклёпки, словно шёлком обтянуты,— говорит девушка, любуясь.

Вслед за Тоней одна за другой стали приходиться к нам на практику другие девчата из заводского техникума. Когда Тоня окончила техникум и перешла работать в отдел технического контроля, её место заняла Валя Целуева — сестра одного из ребят нашей бригады. Маленькая Валя — умная, красивая и без пяти минут техник. Уж я-то вижу, как она благотворно действует на подростков. Подтягиваются, один перед другим языки попридерживают,— Валя рядом! Потерять её благосклонность ни один не желает. Поговорить с этой девушкой — одно удовольствие. Радуюсь: какая найдена золотая пружина в воздействии на ребят! С тех пор две-три девушки всегда работают у нас в бригаде.

Когда думаю о значении примера наставника в воспитании молодых рабочих, на память приходит одна из встреч, состоявшаяся на заводе «Электропульт». Собралось тогда в красном уголке завода десятка два рабочих, которые имеют дело с подростками. Пригласили меня, как говорится, поделиться опытом.

Рассказываю о своих. Увлёкся и не сразу услышал, как из последнего ряда реплики бросают мне. Прислушался.

— Вы нам лучше скажите, как приучаете их водку пить...— Это говорил ещё совсем молодой человек.

Ответил, что к водке равнодушен, стало быть, и ребят никак не могу приучать. Потом с тем человеком (он оказался токарем) ехал домой в одном трамвае. Разговаривали уже мирно и в конце концов расстались друзьями. Позже я не раз вспоминал его с вызовом и досадой сказанные слова. Случайно ли они прозвучали? Увы, нет. Ещё, к сожалению, бывает, что молодёжь набирается у старших не трудового, а «питейного» опыта. Видимо, передача такого рода «опыта» и происходила регулярно на глазах у того токаря с «Электропульты».

Расскажу о случае, который произошёл в своё время в нашей бригаде.

...Утром несколько ребят не явились на работу. Взволнованный хожу по участку. На месте Володя Целуев. Этот всегда на месте.

— Где хлопцы, Володя?

Целуев пожал плечами. Мастер Данилович отвёл меня в сторону:

— Пьянствуют твои парни...

— Пётр Семеныч!!!

— Не шучу. Вчера своими глазами видел, как водку покупали.

— Ну, приди они у меня! — в сердцах бросил я и принялся за работу, — сборщики других участков вот-вот поднимут крик из-за нехватки деталей.

На участок ребята пришли с опозданием. Оказалось, ночевали у Володи Кузьмина. Как ни кипело всё внутри, не взорвался, спросил тихо:

— Почему опоздали?

— Проспали, Степан Степанович...

— С чего бы? Водку вчера пили?

— Пили,— смущённо признался Кузьмин.— Не водку, а вино. Вы что же, ясновидящий?

— Не я «ясновидящий», а мастер.

— Данилович? — охнул Володя Махаев.— Наябедничал!.. Да он же сам попросил нас купить ему вина.

Мастер Данилович не первый год работал в цехе. Считался неплохим командиром производства и о воспитании подростков рассуждал правильно. А как только выходил за ворота, забывал о словах, которые не раз говорил с чувством. Встретив с приятелем парнишек, стоявших в очереди в магазине, он попросил их взять водки и на свою долю.

Я долго не мог прийти в себя. То, чего бригаде с таким трудом удалось достигнуть в воспитании ребят, одним махом уничтожено. И кем — мастером! Если зла не пресечь, оно и дальше будет цвести махровым цветом. А тут повод конкретный.

Впрочем, поводов хоть отбавляй. Вот недавно я услышал за своей спиной такой своеобразный диалог. Начал его фрезеровщик с соседнего участка, совсем неплохой рабочий.

— Время есть? — спросил он у молодого токаря, всего год работающего в бригаде.

— Немного есть,— нехотя ответил парнишка.

— А сколько?

— Да минут семьдесят.

— Значит, побреемся...

Зазвенели монеты. Рабочий в обед сам сбегал за ворота завода, купил «маленькую». Разлил в тумбочке по стаканам. Приходи, опрокидывай и — снова к станку. Ловкость рук — и никаких неприятностей. Пусть мастер ломает голову: парень-то вроде

охмелел. От чего бы? Хорошо, вмешался я, и «распив» не состоялся. Но разве это единственный случай?

Я пошёл к парторгу. Собрали заседание бюро. Говорили не только о Даниловиче, но и о тех, кто показывает дурной пример молодёжи. Крепко им досталось.

Но думали и о том, как бы повлиять и на ребят. На их пути может встретиться другой такой Данилович. Нужен иммунитет против воздействия подобных людей.

Я надеялся на членов комсомольского бюро цеха. С ними у меня хороший контакт, понимали друг друга. Активисты вызвали моих сорванцов, пробрали. А те этого больше всего боялись. В бюро в то время были почти одни девчата. И за лохматую причёску могли поднять на смех, и за плохое слово, обронённое ненароком, стружку снимали. А тут тем более... Уходили ребята с заседания бюро словно из бани-парилки...

Старшие в ответе за молодёжь. Эту фразу часто произносят с трибуны, упоминают в газетах. Но только ежедневно соприкасаясь с подростками, постигаешь её действительный смысл, понимаешь, насколько это важно.

БЕЗ ПАСЫНКОВ

В цех вошёл парень в военной шинели.

— Ребята, так ведь это же наш Саша! — крикнул кто-то.

— Посмотрите! Саша... Саша! — послышалось со всех сторон. И через минуту младшего сержанта Александра Бровина окружили товарищи. Они обнимали его, тормозили, пожимали руки и засыпали вопросами:

— Ну как? «Как тебе служится, с кем тебе дружится?..»

И Саша рассказывал... Он сам был счастлив от встречи, и ему многим нужно было поделиться с ребятами.

Саша успешно учится в военном училище, потому что есть подготовка — за плечами средняя школа. На заводе закончил.

— Занимайтесь спортом, ребята,— советует Саша.— Это вам очень пригодится в армии.

Вот сейчас Александр Бровин приехал в Ленинград для участия в лыжных соревнованиях на первенство Вооружённых Сил. У Саши первый разряд по лыжам, и он входит в сборную команду училища.

Я смотрю на него, и тепло становится на душе. Здравствуй, Саша! Здравствуй, сынок!

Вот какой ты теперь. Молодчина, орёл! Только начал служить, и уже звание присвоили — младший сержант. Комсорг, спортсмен — отличился в армии. И как на гитаре играет!..

И я не могу не вспомнить того комсомольского собрания, где вся бригада (в бригаде все до единого комсомольцы) дружно скандировала: «Ис-клю-чить! Ис-клю-чить!» Ребята настаивали на исключении Саши из комсомола.

За что?

В то время я только что пришёл в новую бригаду. И вдруг слышу: на вешалке у одного из ребят пропала нейлоновая стёганая куртка. Кто её взял?

Через несколько дней в новой нейлоновой куртке в цех явился Саша. Только пришил другие пуговицы.

У хозяина куртки глаза потемнели от гнева.

— Моя!

Ребята поговорили с Сашей, что называется, по душам, а вот сейчас вытащили и на комсомольское собрание.

Парень не поднимал глаз. Да и что скажешь? Ему очень хотелось иметь модную куртку, но разве это оправдание? Я сидел рядом с Сашей и по тому, как нервно дёргалась щека парнишки, понимал, что творилось у него на душе. Видать, стыдно ему было за свой поступок.

Как я относился к этому дружному «Ис-клю-чить!»? Оно вызывало у меня двоякое чувство. Мои подопечные — это становилось ясно — научились не просто понимать: вот это — плохо, а переживали из-за того, что это плохое рядом. Они хотели, чтоб окружающий их мир стал лучше, чище. Я не мог не радоваться. Гнев и отвращение к подлому поступку постепенно вызывает отвращение ко всему скверному и в самом себе. Не сегодня-завтра выступивший против недостойного поступка непременно спросит себя: «Я не украл, не соврал товарищу, я только спрятал бракованную деталь. Но разве это лучше? Стыдно...»

И всё же, справедливо ли было применять к Саше высшую меру комсомольского наказания — исключение? Хоть тяжкий он совершил проступок, но случилось это с ним впервые. Нет, нельзя

рубить с плеча: не надо, мол, нам такого в комсомоле! В рядах ВЛКСМ воспитание молодых людей, по сути дела, начинается.

Вот о чём говорил я ребятам, выступая на собрании. Так уж повелось, что я участвую во всех комсомольских собраниях группы. Непросто было убедить ребят, что с исключением Саши спешить не следует. Три раза пришлось выступать. Убедил. Согласились: хватит для первого случая и строгого выговора — дойдёт до парня.

Надо сказать, что сами ребята давным-давно позабыли о том, как они хором настаивали на исключении Саши из комсомола. Но я-то забыть не мог. Поэтому с улыбкой смотрел на возмужавшего в армии парня,— всем своим дальнейшим поведением в бригаде и в армии он доказал, что не зря наставник вступился за него на комсомольском собрании. И авторитет Саши среди молодых армейцев не был для меня неожиданностью. Он говорил только о росте Бровина.

Об этом говорит и такой факт из его биографии, продолжавшейся уже вне стен нашего коллектива.

Собираясь как-то на работу, по привычке открыл почтовый ящик — не сразу и заметил среди газет многотиражку «Моряк Балтики». А когда увидел, мелькнула мысль: чью-то чужую ненароком положил почтальон. Но стоило развернуть — и сразу понял: пришла газета по назначению.

Со страницы смотрел на меня Саша Бровин — только в непривычной для всех нас морской форме,— к тому времени он был курсантом мореходной школы. А рядом большая статья под заголовком «Помощь подросла вовремя». О нашем Саше.

...Легковая машина шла в сторону Морского торгового порта по Двинской улице. Проезжая часть её была и без того узкой, а тут ещё здоровенный МАЗ чуть не всю дорогу перегородил.

Чтобы миновать его, водитель «Жигулей» (за рулём сидела женщина) вырулила на трамвайный путь и вдруг увидела, что навстречу идёт трамвай. Тогда водитель круто рванула машину в сторону, но не справилась с управлением, машина перескочила через барьер моста и... нырнула в Обводный канал.

Всё это произошло на глазах пассажиров резко затормозившего трамвая. В тонущей машине в отчаянии металась женщина и звала на помощь. Один из пассажиров отделился из толпы, сбросил на ходу бушлат и — в воду. Через несколько минут женщина была спасена. А вымокший и продрогший в ледяной воде курсант — это был Саша Бровин — бежал в «мореходку» переодеваться.

Нет, не случайно оказался в моём почтовом ящике этот документ. Он убедительно свидетельствовал, что ростки воспитания, взявшие своё начало в бригаде, дают (и не могут не давать!) богатые всходы. Я ни на минуту не сомневался, что эту газету в ящик положил сам Саша. Ему хотелось (и это так понятно!), чтобы наставник с полным правом мог себе сказать: «В этом парне я не ошибся».

Действительно, не ошибся. Я убедился, что требовательностью, если она справедлива и разумна, не отпугнёшь и не испортишь парнишек.

Через бригаду прошло сто пятьдесят подростков. Чаще всего это были ребята с трудными судьбами. Тридцать семь из них выросли без отцов, девять — круглые сироты. За время их пребывания в цехе с ними случалось всякое. И многие из них надолго запомнили справедливый урок, который преподали им комсомольская группа, наставник. Большинство воспитанников уже давно нет в бригаде, но они не уходят и никогда не уйдут из моей памяти. А к нам прибывали всё новые подростки. И тоже с нелёгкими судьбами.

Вот Сергей Круглов. Он пятьдесят четвёртого года рождения. Сирота. В бригаде с лета семидесятого года. Болезненный паренёк. Как губка впитывал в себя всё хорошее. Охотно слушал рассказы ветеранов о заводе. Ходил в десятый класс школы рабочей молодёжи. Любимые его предметы — история, география, литература.

Тяжёлые испытания легли на худенькие плечи Михаила Чернецова. Парнишка чувствовал себя одиноким — при трагических обстоятельствах потерял мать. Миша замкнулся и не любил, когда ему сочувствовали. Но найти подход к парнишке обязательно надо.

Как и Сергей Круглов, Юрий Басманов пришёл в бригаду из детского дома. У него слабое здоровье. Честно объяснял пропуски занятий в школе: «Очень устаю после работы, хочется поспать...»

Только что получил первый разряд слесаря-сборщика Алексей Макаров. И у него много ещё ребячьего. Когда на комсомольском собрании его пробирали за пропуски занятий в школе, он сказал: «В школу ходить буду» — и, подумав, добавил: «И постригусь...» Лёша тоже воспитанник детского дома.

У большинства таких ребят нелёгким было детство. И как немного надо, чтобы ранить их душу, нанести ей непоправимую обиду. Если подростку причиняются обиды одна за другой, сердце его каменеет, ожесточается.

Было так. К Юрию Фомину, одному из самых трудных в бригаде, приехал двоюродный брат из другого города. Захотел парнишка принять гостя наилучшим образом, показать ему город. Раню утром, перед началом работы, Фомин примчался к мастеру. От волнения сбивчиво рассказал, в чём дело, попросил увольнительную. Мастер показал рукой:

— Иди на конвейер, работай. Вечером наговоришься с братом...

И Юра пошёл. Только не на конвейер, а домой. Мастер не внял и моим просьбам отпустить его. А потом подал рапорт на Фомина за прогул. Записали парнишке выговор.

История с этим выговором вызвала много разговоров в цехе. Комсомольские активисты осуждали мастера за такое решение. И я не мог с этим не согласиться. Во всей этой истории не было главного — справедливости. Правда, разговор в бригаде всё равно состоялся. Говорили Юрию, что мастер не последняя инстанция, можно было оформить увольнительную у начальника цеха. И что характер, мол, не следует так показывать... Но, признаюсь, в этом какая-то натяжка. Про себя я думал: «Будь моя воля — не Фомину, а мастеру я бы объявил выговор за непедагогический шаг».

С подростком можно быть строгим и суровым, его можно и наказать, но во всём этом должна быть справедливость. Работая с молодёжью, очень важно знать: за промахи надо спрашивать со всех одинаково. Старшие, они способны понять, что человек, бывает, ошибается, и что-то простить бригадиру или мастеру. Но младшие — нет, ошибок взрослым часто не прощают. И если кто-то разделит ребят на сынков и пасынков — работать будет трудно.

Надо и поощрять подростков с той же непредвзятостью, объективностью. У нас часто после работы проводятся короткие производственные совещания. Ребята любят их. «А что обо мне скажут?» — думает, знаю, каждый. И не дай бог забыть кого-то, кто старался, похвалить. Испорчен парнишке весь вечер. И на другой день у него из рук будет всё валиться. «Я старался, а меня не заметили. Зачем стараться?» Но зато сколько радости появляется в мальчишечьих глазах, когда они слышат слова одобрения.

Много значит для настроения парнишки выпуск посвящённой ему «молнии». Выполнил, скажем, Саша Рыжов задание на двести процентов — днём ребята «листок» вывесили: «Поздравляем тебя, Саша!» Саша горд.

Но жизнь в молодёжной бригаде богата неожиданностями. Тот, кто вчера показал себя молодцом, сегодня может выкинуть какой-нибудь номер. Подростки остаются подростками. Однако светлых и праздничных дней, ознаменованных победой над собой, в жизни каждого из них будет больше.

Мне вспоминается один, на первый взгляд незначительный случай из жизни нашей бригады, но сильно меня порадовавший.

Тот день мало чем отличался от других. Те же заботы, те же волнения. И только сатирическая «молния», вывешенная в обеденный перерыв, несколько нарушила привычное течение жизни. Героем был... я. С метлой в руке, в фартуке, подобно дворнику, навёл порядок на территории конвейера. Что ж, видно, цеховым активистам надоело смотреть, как я один из всех (ребята со звоном исчезали из цеха) навожу порядок. Вот активисты и раскритиковали меня. Потакаешь ребятам? Получай.

Ребята потихоньку посмеивались, разглядывая карикатуру. А когда кончился рабочий день, по привычке опять ускользнули. Никого на конвейере...

Меня вызвали в тот момент в партбюро. Возвращаюсь и вижу: стоят у лестницы уже в пальто ребята из моей бригады.

— Надо вернуться,— нерешительно предложил Саша Козьмин.

— Да, конечно, и всё убрать,— поддержала Таня.

Ребята пошли за девушкой. И только один продолжал стоять на месте. Сказал: «Я подожду». Но когда он поймал на себе Танин осуждающий взгляд, заторопился

и примкнул к остальным. Убирал конвейер вместе со всеми.

Маленькая, но уже победа. От того, как поступят ребята в сотне, тысяче подобных случаев, также зависит успех их воспитания. И мелочи помогают формировать характер.

Меня могут спросить: «А вы, товарищ Витченко, сами никогда не ошибались? Всегда были справедливы?»

Чего греха таить, когда я взялся за воспитание рабочих подростков, я не был ещё наставником в сегодняшнем понимании этого слова. Донашивал свою офицерскую форму и, естественно, жил ещё привычками военной службы. Конечно, будучи политработником, я имел опыт воспитания армейской молодёжи. Но, подчёркиваю, армейской. Как написал один из моих воспитанников, ушедший служить: «...в армии приказ есть приказ. Попробуй не выполни. А в бригаде, пока договоришься, семь потов сойдёт и горло охрипнет...»

За свою жизнь я не раз брал в руки «Педагогическую поэму» Макаренко. Она произвела на меня сильное впечатление. То, что этот замечательный педагог верил в труд как в главную силу воспитания подростков, делало его книгу особенно полезной. И я в трудную минуту обращался к драгоценному опыту Антона Семёновича.

Можно сказать, мы росли вместе — мои ребята и я как наставник. Если первое время я действовал ощупью, то теперь выработана определённая система взглядов и требований к наставнику. И одно из них, как я уже говорил, — быть всегда справедливым к ребятам.

Бывают ли у меня отклонения от этого правила? Сознательно — никогда. Иной раз подводит характер. Как ни воюю сам с собой, никак не могу избавиться от горячности, дарованной мне с рождения. Один раз здорово она меня подвела.

Вот как это было. Смотрю, нет на рабочем месте Игоря Фетискина — он был тогда одним из самых «зелёных». Я и туда и сюда — нет. Тут и попадись мне под руку мамаша парня — она тоже у нас в цехе работает. Говорю ей: «Видите, все ребята трудятся, а ваш сын неизвестно где...» Расстроилась и она, конечно. Смотрим по сторонам, и вдруг Игорь словно из-под земли вырос перед нами. Мать накинулась на него, а тот — в слёзы:

— Я за осями ходил...

Оказалось, Игорь и в самом деле за деталями ходил. Только он встретил по пути знакомого парнишку, и как водится — слово за слово... Прошло минут пятнадцать.

В общем, извиняться пришлось мне перед матерью парня за свою горячность. С ним же мы поговорили особо. Я объяснил, что нельзя покидать конвейер, что отсутствие даже одного рабочего неминуемо приводит к остановке всей работы. Сказал, что Игорь допустил и вторую оплошность — не предупредил меня, что пошёл за деталями. Вот за это ему и попало...

Меня этот инцидент заставил быть требовательнее к себе. Я лишний раз убедился: никогда не надо спешить с выводами и оценками поступков ребят, пока во всём внимательно не разберёшься.

Неверная оценка поведения подростка, несправедливость, допущенная в отношении к нему, могут навсегда оттолкнуть парнишку от наставника. После этого трудно ох как трудно будет найти тропку к сердцу мальчишки...

Пусть в рабочем коллективе (так же как и в семье) утвердятся правда, доверие и справедливость. Это поможет вырастить наших детей настоящими людьми.

С Володей Кузьминым у меня складывались особые отношения. По характеру он — кипяток. И вместе с тем удивительно любознательный парень. Кузьмин, с трудом окончивший шесть классов, любил философствовать. «Зачем человек живёт? — вдруг спрашивал Володя. — Зачем работает? Ведь всё равно умрёт». Товарищи не в силах были ответить на занимавшие Володю вопросы. Они знали ещё меньше, чем он. Два ноля в сумме тоже ноль. Они или молчали, или принимали любое Володино заключение. Кузьмину становилось скучно. Ему хотелось размышлять и, как говорится, в споре познавать истину. И он обращался ко мне. Как-никак — я бригадир. К тому же человек с известным жизненным опытом.

Я не уклонялся от таких бесед. Увлекаясь, рассказывал о судьбе Корчагина, его духовной требовательности, идейной убеждённости, стремлении прожить жизнь содержательно. К слову, с замечательной книгой Николая Островского «Как закалялась сталь» я познакомился уже в зрелые годы. Прочитал за одну ночь и с тех пор, можно сказать, не расставался с ней. Она помогала мне трудиться, закалять волю.

Павел Корчагин не был для меня книжным героем. С такими, как он, боевыми, находчивыми хлопцами я работал когда-то в «Донугле». Их неуёмная энергия, жажда жизни, деятельности и неистощимый оптимизм покоряли меня. Помните крылатые слова Павла: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»?

Под этими словами, не раздумывая, подписались бы многие из тогдашних моих сверстников. Вместе с Корчагиными мужали, закалялись в борьбе с отживающим миллионы их сыновей. Очередь теперь за внуками — им строить коммунизм.

— Все советские люди коммунизм строят. И мы с тобой строим,— говорил я Кузьмину.— И если бы мне потребовалось ради одного дня будущего отдать свои полвека, отдал бы не задумываясь. А ты говоришь: зачем человек живёт?!

Но проходит день-два, и у парня рождается новое «сомнение»: разве труд — удовольствие? Вот он сделал пятьсот деталей. Настроение поднялось. А Марк Хапман, ссылаясь на Карла Маркса, доказывает: работа — зло, потому что рабочий продаёт свой труд. Значит, надо избавиться от труда? Удовольствие — это жизнь, развлечение. Где же правда?

Объясняю, как могу проще, что Маркс в данном случае имел в виду труд при капитализме. При социализме же, когда рабочий является хозяином средств производства, он не «продаёт свой труд», а работает на себя, на общество.

Неделю-другую нашего «философа» как будто не тревожат никакие проблемы. Но я знаю, у парнишки уже зреет вопрос...

Вот так и приходится всегда быть наготове: вопросы ведь возникают у мальчишек самые неожиданные... Не ответишь — потеряешь авторитет.

Каждое утро, приходя в цех, я всматривался в лица ребят. Что тревожит их, что заботит? Что они принесли с собой из семьи — мир, покой, радость или, наоборот, волнение и стыд за то, что происходит дома?

Я не случайно заговорил здесь о семье.

Разве можно воспитывать человека и тем более помочь ему

в трудную минуту, если не знаешь, что у парнишки творится дома, как он живёт, о чём думает? А как узнать об этом? Прямые, «лобовые» вопросы здесь не годятся: подросток лишь ещё больше замкнётся, ошестинится. Нужно всем своим отношением к ребятам создать атмосферу взаимного доверия. Подросток должен быть уверен, что его всегда не только внимательно выслушают, но и поймут и, главное, поддержат.

Не знаю, насколько я успел в этом, но могу сказать одно: мне никогда не приходилось вытягивать что-то из ребят, всеми своими горестями и нуждами они делились со мной сами. Потом, повзрослев, не один из них признавался, что родителям они часто не рассказывали того, что говорили мне.

Как-то Володя Кузьмин с улыбкой сказал мне:

— Ох, Степан Степанович, и завидую я волку...

— Что так?

— Ну как же, волк поутру проснулся, протёр глаза лапой, обнюхал воздух. Ага, справа зайцем потянуло. Слева — вроде недавно прошла лиса. Догнал, задрал, набил брюхо. И опять спать. Вот житуха. Не надо в семь вставать. Так трудно утром подниматься...

— А ты ложись пораньше,— поддержал я его шутку.

— Не выходит. Дома-то у меня, сами знаете, что творится.— Парнишка отвернулся.

Да, не повезло моим ребятам. В метрической записи в графе «отец» у многих стоял прочерк. А у кого и была запись — проку от этого мало: отцы или пили, или давным-давно исчезли в неизвестном направлении.

Володя Кузьмин жил с матерью и отчимом. Отчим — человек невоздержанный. Если не по нему слово сказал — что попало под руку, то и пустит в ход. И матери от отчима доставалось: ругал нещадно. Парнишке стало казаться, что судьба его обидела. У других мать как мать: хозяйка в семье, тон всему задаёт, а у него всё

терпит. Однажды отчим даже побил её. Ну уж этого перенести Володя не смог. Пытался остановить отчима, но куда там! Тот одним ударом сбил парня с ног.

Пасынок и отчим возненавидели друг друга. Чтобы избежать столкновений, Володя стал дольше обычного задерживаться на работе. Что-то мастерил. Я однажды посмотрел на его поделку и встревожился: ведь это нож...

— Угу, нож.— Володя взглянул на меня невинными глазами и засмеялся: — Да вы не бойтесь, Степан Степанович, я ребят не трону.

Он продолжал снимать с металла стружку. Постепенно с его лица исчезла улыбка. На переносице появилась еле заметная складочка. Потом он оглянулся и сказал:

— Не выдадите, Степан Степанович? Это я для отчима...

— Да ты что?!

— Вы же сами говорили: стрелять в таких злодеев надо...

— Говорил? — Я схватился за голову. — Может, и говорил парторгу, так сказать, в теоретическом плане. А ты что, подслушиваешь, негодный?!

Володя молчал. Я справился с волнением и сказал строго:

— Начнём с того, что сейчас же ты выбросишь этот нож. Ясно?

— Предположим.

— Потом идёшь в школу и учишь уроки. Это тоже ясно?

— Предположим.

— Никаких «предположим». Ни этого куска металла я не видел, ни твоих слов об отчине не слышал. С отчимом я непременно поговорю сам. Понял?

— Понял...

Вот и ещё, товарищ Витченко, тебе задачка. Почему семья подчас не только не помогает бригаде воспитывать сына, а, наоборот, усложняет это дело? Я много думаю о родителях.

Простая и старая, как мир, истина: духовное, нравственное развитие ребёнка идёт нормально только в такой семье, где царит атмосфера подлинной доброжелательности. Как наставник скажу: не жалеете тепла детям, не отталкивайте от себя вольно или невольно.

Сколько бед происходит из-за того, что иным отцам и матерям не удаётся мудрыми, готовыми к пониманию наставниками войти во внутренний мир своих детей!

Нередко подросток оказывается втянутым в сложные отношения взрослых, причём больно его задевающие. При этом родители, занятые своими заботами, даже не пытаются заглянуть в душу сына или дочери, понять их интересы. Да и чему такой человек, как отчим Володи Кузьмина, может научить парня? Он живёт по принципу: хочешь жить — умей «толкаться». Признаёт только силу. Мать? В общем-то славная женщина — домовитая, приветливая, но до сына ли ей, коли с мужем нет мира...

Я на другой же день говорил с отчимом и с матерью Володи. Мать плакала, отчим хмурился, но обещал не нападать на парнишку. После этого разговора в чём-то, может, и стал этот грубый человек потише, но всё равно Кузьмину приходилось несладко в семье. И когда Володя сказал, что завидует волку, это вызвало у меня не только улыбку, но и боль в сердце: парнишка мечтает спокойно выспаться.

— Интересно, а Юрию Гагарину хотелось когда-нибудь вот так просто, как мне, лечь и с удовольствием выспаться?

— Определённо хотелось.— Я засмеялся,— Космонавты выросли из таких же парнишек, как ты, Володя.

Только Юрий Гагарин умел управлять своими желаниями. Всё дело в силе воли, закалять её надо...

— Вы думаете, у меня получится?

— А ты что — не такой, как все? Вот пришёл домой, видишь, отчим косится, а ты не злишься. Прикажи себе: не злишься, не отвечай грубостью на грубость...

— Только-то и всего? — разочарованно протянул Кузьмин.

— Ты сначала попробуй, а потом говори...

Рассказывает Володя Кузьмин

Кому из мальчишек не хочется быть сильным, выносливым, человеком с твёрдой волей? Ещё в школе мы пытались походить на Рахметова — одного из героев романа Чернышевского «Что делать?». Сбрасывали с кровати матрацы, клали доски — спали прямо на голых. Правда, до гвоздей дело не дошло, но горох насыпали, а на другой день друг у друга спрашивали, кто сколько часов выдержал. Случалось, над горящей свечой держали руки — и опять ради того, чтобы испытать волю.

Каждый из нас готовил себя к каким-то исключительным испытаниям, где пригодится подобная закалка души и тела.

Только позже, уже в бригаде Степана Степановича, понял, что начинали не с того. Воля, выдержка нужны и в повседневной жизни, и воспитание характера надо начинать с мелочей.

Чем берёт Батя? Он, казалось, видит каждого из нас на много лет вперёд. И сам как бы подростком стоит рядом. Потому-то и понимает ребят. Степан Степанович в наши головы, как в счётно-решающие машины, закладывал только верную программу. Неверных решений не могло быть...

Вспоминаю, как по совету бригадира начал воспитывать волю... «Отчим на тебя косится, а ты не лезь в бутылку, не отвечай грубостью на грубость!» — «Только и всего?» — «Попробуй сначала...» Попробовал. В первый день — полный нокаут.

Не выдержал, сорвался. После словесной потасовки началась потасовка физическая. Размазывая по лицу текущую из носа кровь, лихорадочно думал: «Я тебя подстерегу завтра...» А назавтра вопрос бригадира:

— Ну как, закаляешь волю, Володя? Кстати, один древний философ сказал, что человек, победивший самого себя, сильнее человека, победившего целое войско.

— Мудро сказал ваш философ.

— Да, мудро. Трудно закалять волю. Только кто хочет, тот успеха добивается, Володя. Знаю множество примеров...

Отчима Володя решил не подстерегать. Держался. Мать переводила грустные глаза с мужа на сына и всё о чём-то сосредоточенно думала.

Володя дома не задерживался: придёт с работы, наскоро перекусит и в школу. Отчим не раз на неделю-две исчезал из дома. Мать — Володя знал — тайком плакала, говорила: «Если придёт, не пущу». А когда возвращался, веселела... Потом я посоветовал парню не вмешиваться в их отношения. Сами, мол, разберутся и наладят жизнь. Но тут произошло что-то необычное. Как всегда после очередной получки, отчим выставил на стол бутылку водки и закуски. Но мать не стала браниться, упрекать его. Она присела сбоку у стола и тихо, но твёрдо сказала:

— Не можешь ты, Павел, быть отцом. Не дано тебе. Долго я выбирала между тобой и сыном. Вот теперь выбрала...

— Его? — Отчим непривычно робко кивнул на стоящего у окна Володю.

— Его.

С тех пор в дом пришла тишина. Павел ушёл, но по вечерам пытался ловить Володю на улице. Он изменил тактику. Бывший отчим хотел, задоблив сына, подольститься к матери.

Но Павел теперь не вызывал у Володи ни злости, ни жалости...

Однако школу Кузьмин всё-таки бросил. У него на это были тогда свои объяснения.

— Зачем учить алгебру? — пожимал он плечами, — Она всё равно никогда не пригодится: инженером быть не собираюсь. Другое дело — литература, история. Но учебники по этим предметам я уже проштудировал за десятилетку.

И с этим он ушёл на действительную службу в Советскую Армию.

А когда вернулся — снова пришёл к нам, в бригаду. И первые его слова были:

— Степан Степанович, хочу в науку податься. Получить аттестат зрелости.

Он пошёл в школу на второй же день. Старательней ученика в то время в бригаде, пожалуй, не было. Понял парень: отстал больше других — надо навёрстывать. Иной раз вечером ребята — в кино, а он:

— Не могу. У меня школа...

Свою роль теперь уже старшего в бригаде Кузьмин хорошо понимал. Однажды он устроил «воспитательный час» Игорю Фетискину (в то время он был единственным в бригаде, кто не ходил в школу). Иду по участку и вдруг слышу голос Кузьмина:

— Ты, Гарик, мне поверь: когда-то и я считал, что школа ни к чему. Теперь жалею. Сколько времени потерял. Без знаний трудно хорошо работать на производстве и повышать своё образование.

Кузьмин только самым близким приятелям открывал секрет, что хотел бы поступить в вуз. А мечтал он увидеть себя на студенческой скамье в Ленинградском университете. Интересовали история, философия. Да вот сказались пробелы в изучении русского

языка: делал ошибки в сочинениях. Володя знал: если грамматику не одолеет — не видать ему университета, не сдать вступительные экзамены.

И что удивительно: парень, у которого раньше проявлялась слабость характера, тут держался твёрдо, настойчиво двигался к цели.

Изменился Володя и в другом — в отношении к матери. Как-то он мне сказал:

— Чтобы приготовить завтрак и отправить меня на работу, мама встаёт в шесть утра. У меня всегда есть чистая рубашка, всегда приготовлен ужин. А ведь на всё это нужны силы...

Силы эти тратились и раньше. Только Володя упорно не замечал этой материнской заботы и потому не мог её ценить. Теперь он говорил: «У меня лучшая мама на свете» — и старался помочь ей по хозяйству.

Тревожит меня, однако, горячность Кузьмина. Вот поссорился с мастером. Повод — пустяк: не было настроения выполнять производственную гимнастику. Мастер сделал замечание, Кузьмин ответил грубостью. Потом, правда, понял свою ошибку, извинился перед ним. Кипяток, а не парень. Видимо, ещё не раз в жизни даст о себе знать эта черта его характера...

Сегодня Владимира Кузьмина нет в нашей бригаде. Он работает на другом заводе, что поближе к дому и школе. У него есть ясная цель в жизни. Осуществит ли он свою мечту? Это зависит только от него. Бригада дала ему путёвку в большую жизнь.

ПОМОЩНИК — КОЛЛЕКТИВ

Жизнь, как известно, такова, что на каждый случай рецепта не припасёшь. И в особенности в период, когда происходит коренная ломка характера, когда подросток становится юношей. Только гляди и гляди. Имея солидный жизненный опыт, и то иной раз теряешься, как поступить в том или ином случае.

Долгое время в бригаде был один учитель, один судья — наставник. Но со временем, когда бригада разрослась, не под силу стало одному человеку справляться с воспитанием подростков. Кто мог помочь мне в этом? Коллектив. В самом деле, ведь в коллективе наша молодёжь трудится, живёт, учится, участвует в общественно-политической жизни, проводит свой досуг и отдых. Именно в коллективе повседневно идёт борьба за нового человека. Это важное звено в общей цепи средств коммунистического воспитания молодёжи.

В бригаде — основной ячейке производственного коллектива — прежде всего выковываются и оттачиваются общественно-политические взгляды молодых рабочих. Но это должен быть коллектив дружный, тесно спаянный, постоянно заботящийся об умножении хороших традиций. Если в нём господствует обстановка подлинного товарищества, взаимопомощи, настоящего соревнования, высокой и принципиальной требовательности друг к другу, то можно быть уверенным в успехе любого дела.

Конечно, не все трудовые коллективы отвечают у нас этим требованиям. Бывает, что за трудовой коллектив выдаётся всего лишь этакая тёплая, приятельская компания,

где подчас не ведётся никакой борьбы с нарушениями дисциплины и общественного порядка.

На своём опыте мы убедились: чтобы стать настоящим коллективом, нужно создать надёжное ядро из ребят, уже твёрдо стоящих на ногах. Такое ядро постепенно выкристаллизовалось. Назвали мы его советом ветеранов. Ветераны они, конечно, относительные,— ведь самому старшему из них едва перевалило за двадцать. Но это были уже слесари со стажем, проработавшие в бригаде по нескольку лет, некоторые из них и в армии отслужили. Это Владимир Целуев, Константин Бахарев, Александр Козьмин, Валерий Грабовский и Александр Бровин,

Каково назначение совета? Коротко: это общественная власть бригады. Совет может обсудить поведение того или иного члена бригады, наказать его. Это первая ступень морального воздействия. За ней следует вторая, более серьёзная,— собрание бригады. Не увильнёшь от ответственности.

После создания совета ветеранов шире и разнообразнее стали методы коллективного влияния на тех, кто нарушает порядок. Одно дело, когда с провинившимся подростком будет разговаривать наставник. Это всё равно останется внушением человека, которому «по штату положено» воспитывать. И совсем по-иному отнесётся подросток к оценке своего поведения, если её даст товарищ, такой же член бригады, хотя и постарше. У него такое же, в основном, молодёжное восприятие окружающего мира. Они разговаривают как бы на одном языке. В таких случаях осечек не бывает.

Рассказывает Виталий Соколов

Меня трудно было упрекнуть в лени. Я старался изо всех сил. Да и мог ли иначе?

Степану Степановичу и бригаде я обязан всем. До них работал в соседнем цехе, возил разные детали на тележке. Почему так получилось?

После окончания восьмого класса я поступил на вечернее отделение техникума при «Электросиле». Надо было работать, как говорили, по профилю. Когда пришёл в цех, сказали: «Нужны подсобники» — подсобником и стал работать. По правде, не очень задумывался над тем, чтобы научиться какому-то делу. Везу как-то большие ящики на тележке — свалились. Поднимать и укладывать ящики помог мне немолодой уже человек — тогда я не знал Степана Степановича. Помог и засыпал меня вопросами: почему подсобником? И не хочу ли я перейти на работу в бригаду, стать слесарем?

Я онемел от неожиданности. В такую перемену не верил. Начальник говорил: найди замену — отпустим. Но легко ли найти замену, когда заводу не хватает рабочих рук? Но Степан Степанович все эти препоны преодолел, воевал за меня и в цехе и в отделе кадров. Отпустили. Так я оказался в молодёжной бригаде, где законом было правило: один за всех, все за одного.

Я уже говорил, что работал старательно. У меня на зенковке никогда не было завала деталей на рабочем месте. А товарищи то и дело попадали в цейтнот. Я считал, что они сами виноваты,— медленно работают. И потому чаще всего отдыхал в такие моменты. Зачем приходить на выручку тому же Саше Бровину, если он, как я считал тогда, еле-еле двигает руками, вставляя закрепки в стойку?

Казалось, не за что было ругать меня. И я был немало удивлён, когда однажды в ответ на моё заявление: «Я своё сделал» — услышал от бригадира: «А ты разве только на себя работаешь?» Глаза у Степана Степановича в тот момент были суровыми. А через минуту спокойно: «Иди и помоги товарищам».

Сколько было таких вот бесед на ходу? Трудно ответить. Но знаю, больше всего я боялся услышать от товарищей презрительное

«кустарь-одиночка» или «индивидуалист». Постепенно менялся взгляд на привычные вещи, «моё» стало «нашим». И большое удовольствие испытываешь от того, что ребятам удалось сделать какую-то работу вместе, что в успехе бригады есть и твоя доля участия. Великое это дело — чувствовать себя членом коллектива!

Теперь, когда к воспитательной работе подключились ветераны, шире и чаще стали использоваться с целью воздействия на ребят стенная печать, заводское радио, боевая наглядная агитация. У ребят фантазия богатая — обязательно что-нибудь новенькое придумают. За последний год в бригаде было выпущено двадцать «боевых листков» и «молний». Каждый «отличившийся» имел возможность почувствовать на себе силу пера сатириков бригады.

Был у нас такой случай. Юрий Фомин закапризничал и не вышел на работу.

— Отдохнуть надо. Почитать,— объяснил он потом.

Мать ушла на работу. Брата отвели в садик. А Юра с книжкой завалился на диван.

Решили направить делегацию к Юре домой. Звонили, стучали. Не открывает дверь, да и только.

— Устал,— говорит,— и от работы, и от вас...

На другой день, когда Юрий вышел на работу, мы обсудили его поступок в бригаде. Никто в этом разговоре не остался в стороне. Каждый выступивший дал свою оценку поведению Фомина. Только сам Юра упрямылся и всё повторял:

— Устал...

Кто-то из ребят накануне обсуждения подал идею — незаметно записать необычный разговор по душам на магнитофонную плёнку (так, на всякий случай,— может, потом пригодится).

Плётку припрятали, а назавтра напомнили Юре о вчерашнем споре. Фомин сделал скептический жест: пустяки, мол, слова — как круги на воде: сомкнулись, и всё снова гладко...

Ребята усмехнулись. А в чём дело, Фомин понял только в обеденный перерыв. Знакомый голос диктора электросилового радио объявил о том, что сейчас будет передана запись вчерашнего разговора по душам в комсомольско-молодёжной бригаде аппаратного цеха, руководимой Степаном Степановичем Витченко.

Краска тронула щёки Юры Фомина, когда он услышал свой слегка приглушённый голос:

— Ну, захотелось отдохнуть и от работы, и от ваших нотаций...

В первое мгновение все (взоры ребят в эту минуту были обращены на Юру) решили, что Фомин сейчас сбежит. Но куда? В самом деле, куда бежать, если этот злополучный для него разговор слушает всё объединение.

Когда Юра прослушал запись разговора в бригаде, он взглянул на себя как бы со стороны. И чётко, ясно увидел всю неприглядность своего поведения. Несколько дней он ходил как в воду опущенный, переживал. Эксперимент с плёнкой помог парню понять главное: нельзя (а если захочешь — не позволят товарищи) жить в отрыве от общества — коллектива бригады, в котором трудишься и который помогает тебе становиться на ноги. Надо прислушиваться к голосу товарищей, к голосу искушённого в житейских делах наставника.

Нам ещё немало пришлось повозиться с Фоминым. Но мы упорно продолжали подбирать к нему ключи.

Здесь к месту будет сказать, что в бригаде существует неписаное правило: о поступке, а тем более об уроке, данном коллективом провинившемуся, товарищи не напоминают,

не подсмеиваются над ним. Парнишки этим дорожат и стараются не подводить бригаду.

Однажды по решению совета ветеранов мы направили Юрия вместе со старшими ребятами на квартиру к новичку, такому же, можно сказать, прогульщику. Перед ветеранами стояла двойная задача: первая — заставить прогулявшего прийти в цех и мужественно принять причитающуюся ему за это дозу суровой критики товарищей и вторая — помочь Фомину войти в роль... воспитателя.

Да, да, Юра Фомин на этот раз выступал в несколько необычной для себя роли: ему предстояло объяснять новичку существующий в цехе распорядок. И Фомин не ударил лицом в грязь. Он беседовал с новеньким как человек, который в бригаде уже не первый год. Собственно, он повторял слова, слышанные от меня и от ветеранов, но повторял их для другого, как бы впервые. И что примечательно: говорил о дисциплине, ответственности перед товарищами убедительно, с полным пониманием того, что надо заботиться о чести бригады...

Бывает, мне как наставнику и не приходится вмешиваться в дела ребят. Они сами наводят порядок среди тех, кто уговорам не поддаётся. Действуют так, как сами считают нужным.

В биографии бригады есть такой факт. Один из рабочих, Юра Лопатко, завёл дружбу с фарцовщиками, стал покупать вещи у иностранцев. Лопатко понимал, что за такие дела бригада вряд ли его похвалит. И когда узнал, что товарищам стало известно о его дежурствах у гостиниц, перестал ходить на работу. Но уклониться от разговора с ребятами ему всё же не удалось. На третий день Серёжа Матышев поднял Лопатко с постели в пять часов утра. Привёл в цех. Здесь и состоялся с ним, как ребята говорят, мужской разговор.

Я пришёл позже. Смотрю — у Юры Лопатко губы распухли, нос красный.

— Кто тебя, Юра?

— Никто.

— Пойдём к мастеру. Разберёмся.

В конторке мастера тот же ответ:

— Дали мне правильно, потому и не скажу кто.

Не буду здесь говорить, что ребята выбрали в данном случае «удачный» метод воздействия. (Мне пришлось проводить с ними после этого соответствующую работу, чтобы подобное не повторялось.) Но, как бы там ни было, они дали понять товарищу: бригада подобное не потерпит. Юра перестал выпрашивать вещи у иностранцев. Видимо, дошло до него, что надо дорожить честью советского рабочего парня.

Строгая дисциплина — правило для всех, и каждый в бригаде это знает. Если провинился — отвечай перед товарищами. И мера требовательности ко всем одинакова.

Произошло, помню, в бригаде ЧП — к началу смены появился в нетрезвом виде Валерий Грабовский. Чтобы понять, какой это из ряда вон выходящий случай, расскажу несколько подробнее о парне. Он из ветеранов бригады. Работает у нас с шестьдесят четвёртого года. В бригаде вступил в комсомол. Отслужил в армии. Женится. Слесарь из него вышел отличный, один из немногих в бригаде имеет третий разряд. И вот — на тебе: пришёл Валерий в цех, как потом говорили, на шатких ногах. Правда, поначалу мало кто заметил это. Можно было отозвать его в сторону и, «не подрывая авторитета», потихоньку провести соответствующую проработку.

Но комсомольский устав един для всех. По этому случаю созвали комсомольское собрание. Очень тяжёлое собрание для Валерия. Не узнать было даже тех парнишек, которые только что пришли в бригаду. Многие из них осуждали

поступок Валерия. Ему объявили выговор. Мне стало ясно: нет уже у нас в бригаде просто мальчишек, хотя некоторые ещё и любят порезвиться, а есть принципиальные товарищи, комсомольцы.

Однако подростковый коллектив, как вода в родниковом колодце, постоянно меняется. То часть ребят уйдёт на службу в ряды Советской Армии, то оперившихся переведут на другой, более ответственный участок, а на их место становятся снова желторотые, почти мальчишки. Так появились в нашей бригаде семеро воспитанников детского дома: Саша Иванов, Юра Неверов, Лёша Макаров, Серёжа Горбачёв, Серёжа Круглов, Юра Басманов и Володя Осипов.

Подростки пришли летом, и сразу стало шумно и хлопотно в бригаде. Первая забота — ребята должны быть сыты и ни в чём не нуждаться: семьи-то у них нет. Им выхлопотали бесплатное питание в диетической столовой завода на месяц. Купили всякую утварь — тазик для стирки, бидон, кастрюли и будильник, чтоб не просыпали на работу. Я видел, как хлопотали члены цехкома, старшие ребята из бригады. Сколько было всякой беготни ко всякого рода начальникам!

После собрания новичков (такая у нас традиция) ветераны показали каждому его рабочее место, дали инструмент, рассказали, с какой операции парнишка начнёт свою жизнь в бригаде. Когда у новичка что-то не ладилось в работе, рядом с ним возникала фигура ветерана бригады. Он не отходил до тех пор, пока не разъяснит подростку, что это за детали, куда они идут и как лучше и быстрее выполнить работу. Понял новичок — и ветеран удовлетворённый уходит к себе.

Начинать самостоятельную трудовую жизнь воспитанникам детского дома было вдвое труднее, чем остальным их сверстникам. У тех — родители, всегда помогут. Эти же могли рассчитывать

только на товарищей по бригаде и на воспитателя общежития на Киевской улице, 28, Елену Николаевну Мошкову. Ребятам повезло. Елена Николаевна — человек с большим жизненным опытом, воевала на фронте во время Великой Отечественной войны, многое повидала и пережила. И ребята возле неё постоянно крутятся. Елена Николаевна для них и мать, и интересный собеседник. Любят ребята слушать её стихи. Пишет она с душой.

Беспокойства с ребятами, конечно, хватает и воспитателю и членам совета ветеранов. Как-то зашли мы в общежитие, видим: белые пикейные одеяла на кроватях сплошь в грязи. Оказалось, ребята завели собаку. Она прямо с улицы, с грязными лапами,— и на постель. Пришлось всем вместе наводить порядок в помещении.

«Все вместе» — эти слова часто можно слышать от членов бригады. Вместе работают, вместе отвечают и за неприятности, которые возникают в бригаде.

Однажды в профсоюзный комитет объединения пришло письмо от учительницы вечерней школы. Она сообщала, что новички из нашей бригады не посещают занятий. Члены профкома забеспокоились. Вызвали провинившихся на одно из заседаний, чтобы поговорить с ними. В назначенный час в кабинет председателя ввалилась ватага — тридцать членов бригады (одно время их было тридцать). Все до единого.

— Отвечать — так всем! — объяснил Саша Козьмин, заместитель комсогруппорга.

Трудно пока бригаде, идёт ломка характеров у ребят. Но пройдет какое-то время, и они выйдут в люди. И этим будут обязаны коллективу, который, когда это необходимо, уверенно берёт на себя функции наставника.

В ТРУДНУЮ МИНУТУ...

Решение перейти в новую бригаду у меня созрело не вдруг. Как-то после собрания актива аппаратного производства меня догнал курносый сероглазый парнишка. У себя в цехе я что-то такого не видел.

— Да я из «восьмёрки»,— кивнул парнишка на новый красавец цех, выросший буквально на наших глазах за полтора года. Туда приняли много новеньких. Всех не запомнишь.

Парнишка помялся, а потом сказал решительно, что разговаривает со мной по поручению всей бригады сборщиков.

— Надоело ребятам так работать: получают только одни шишки. Заработок плохой. Вот и действуют по принципу: лишь бы день прошёл. И прогулы есть, и брачок водится. Чего скрывать? Только сыты ребята этой свободой, вот как сыты! — Володя Марчуков (так звали парнишку) провёл ладонью по горлу.

— А что ж бригадир смотрит?

— Эх, бригадиры... Был уже не один. Трудно, уходят туда, где полегче. Так и перебиваемся, а порядок навести некому. Вот пришёл звать... вас к нам в бригаду...

— К вам? — опешил я.— Но у меня ведь есть бригада, одиннадцать таких, как ты...

— Знаем. Но вы сами только что на собрании говорили, что ваши ребята отличные рабочие. Чего ж их ещё воспитывать? А нам вы нужны во как! — Он ещё раз резанул ладонью по горлу.

— Не могу... Понимаешь, не могу оставить ребят...

— А может, нас испугались? — Веснушчатый нос Володи сморщился.— Я и про прогулы и про брак — всё как есть. А может, не надо было? Вы так и скажите: боитесь?

— Ты это брось... Боитесь, боитесь. Ничего я не боюсь.

— Тогда что же ребятам передать?

— Требуйте от начальника постоянного бригадира.— Я начинал сердиться. Вот сколько, оказывается, неустроенных подростков в объединении. Без присмотра остаются многие. Даже те, что объединены в бригады.

— Сколько вас? — спросил я у подростка.

— Да двадцать два,— уже безразлично ответил Марчуков.

Двадцать два парня в бригаде, и не находится никого, кто бы по-отечески позаботился о них? А коммунисты куда смотрят? Случай, достойный разговора на заседании парткома объединения.

В парткоме обещали помочь молодёжной бригаде, где трудится Володя Марчуков.

Недели через полторы я наведалься в восьмой цех, чтобы узнать, как обстоят дела у Володи и его товарищей.

— Дали бригадира? — спрашиваю у Марчукова.

— Дали, но ворчит, недоволен. Сказал, что терять на нас время больше не станет. Ему, дескать, жизнь не надоела ещё...

— А ну покажи свой конвейер,— попросил я.

Володя бросился со всех ног. Я еле поспевал за ним. На конвейере меня встретили холодные глаза ребят. Кое-кто сидел сложа руки. Я молча обошёл конвейер. Постоял у контейнеров с табличкой «брак». Многовато. Спросил у появившегося бригадира, почему молодёжь не работает.

Попробуйте заставить,— обозлился бригадир,— У одного за плечами трудовая колония, другой — рекордсмен по прогулам.

— Не я им, а они мне диктуют. Не верите? Встаньте на моё место. Может, у вас лучше получится.

Не сказав ни слова, я пошёл от конвейера. Слышал, как сразу же за моей спиной загудела бригада. И громче всех обиженный голос Володи:

— Эх вы, петушинные головы. Не могли встретить Степана Степановича! А ещё говорили: пусть только придёт...

У выхода из цеха меня догнала какая-то девчушка.

— Вы не верьте бригадиру, не верьте,— зачастила она.— Не такие они безнадёжные. Если на них не кричать, да с такими ребятами...

— Вот защитник нашёлся. Хорошо.— Я с любопытством разглядывал девушку. Маленькая, аккуратненькая. В синем халатике с белым воротничком.— А ты кто такая?

— Я слесарем работаю. Комплектую детали рядом. Мне всё видно. Не верите? Спросите у мастера. Моя фамилия Шпатенко. Таня Шпатенко...

Всю неделю грустные глаза Володи Марчукова и взволнованное Танино: «Не верьте. Они не безнадёжные...» — не давали мне покоя. Конечно, моя бригада теперь совсем другая, чем была два года назад, когда я её собрал. Первое место по заводу завоевала и звание бригады коммунистического труда. За этим умение. Знания. Сейчас у ребят второй разряд. Есть и чувство дисциплины. Этого тоже не отнимешь. Но можно ли их сейчас оставить? И тут же возникал встречный вопрос: а имею ли я право, как коммунист, равнодушно отнестись к зову ребят из соседнего цеха? Судьба этих двадцати двух зависит и от меня. Что важнее: продолжать выхаживать уже ставших на ноги ребят или ринуться в бой за тех, кто ещё спотыкается?

Решил рассказать об этом ребятам моей бригады, пусть они скажут, как поступить коммунисту Витченко, с кем оставаться: с ними или взять под опеку новеньких. Им виднее, они знают свои силы.

Только теперь, по прошествии нескольких лет, я понял, какой это был важный момент и для меня и для моих подопечных. Скажи они: «Нет, мы ещё маленькие» — их наставник без лишних слов остался бы рядом, пока они не ушли в армию. Ну принял бы я ещё двух-трёх новичков — цех-то небольшой — и воспитывал бы их. И не было бы у меня ста воспитанников, а это значит — и достаточного опыта воспитания рабочих-подростков.

Но члены моей бригады оказались на высоте. Правда, в первую минуту ребята растерялись: как же это мы будем одни? Но потом спокойно и трезво обсудили создавшуюся обстановку и сказали просто: «Отпускаем мы вас, Степан Степанович!» В этот час ребята проявили поистине высокую сознательность, поставив общественные интересы выше своих личных. Что же касается нового бригадира, они рассудили просто: бригаду возглавит Володя Целуев.

Дав своё «добро», ребята и не представляли, как усложнили мне жизнь.

Чтобы было понятнее, о чём идёт речь, вернёмся назад, в тот период, когда шло становление бригады.

Увы, новое движение рождалось нелегко. Даже когда стало ясно, что наставничество перспективно, многое обещает, нашлись люди, которые не только не верили в пользу этого дела, а, наоборот, подчас мешали работать. Соппротивление новому нет-нет да и прорывалось наружу.

В цехах ещё было немало людей, предпочитавших работать в одиночку. А рядом так же в одиночку мыкались новички. Взрослым — работу повыгодней, а молодым — что останется.

Мог ли я молчать? Выступил на очередном партийном собрании, сказал, что нельзя ребят держать в одиночку, надо объединять их в бригады. И не дело, что многие коммунисты оказались в роли наблюдателей. Даже члены партийного бюро... Аплодировали. Возражавших не было. А когда шёл домой, догнал один из активистов, сказал с усмешкой:

— Много берёшь на себя, Степан.

— Так то же я беру,— говорю, стараясь быть спокойным.— Вот ты не берёшь...

Об этом неприятном разговоре мне приходилось вспоминать ещё не раз. Когда успех бригады был уже налицо, к нам вереницей потянулись люди. Всех интересовало: как удалось шалопаев-парнишек за столь короткий срок (хотя два года срок не такой уж малый) перевоспитать и вместе с ними перешагнуть годами установившийся потолок в выработке?

Пришёл на участок к ребятам и Степанов. Это он тогда подходил ко мне после собрания.

Коротко об этом человеке. Степанов — из нашей бывшей «офицерской» бригады. Человек грамотный. Неплохой пропагандист. Но одно дело говорить, другое — делать. И вот на практике у Степанова личные интересы не всегда оказывались в дружбе с общественными. Он подобрал себе в бригаду не подростков, как решено было, а людей постарше: с ними хлопот меньше. Потом моё критическое выступление на партийном собрании, видимо, возымело действие. Степанов принял к себе одного парня и теперь спокойно ходил в наставниках молодёжи. С одним, чувствовал, сладу нет, а в соседней бригаде, то есть у меня, тринадцать подростков. Скептически поджав губы, он слушал, как на партийных собраниях ставили нашу бригаду в пример другим. И остался при своём мнении: нельзя успешно воспитывать сразу тринадцать сорванцов.

А раз так, значит, у меня что-то не чисто...

Особенно негодовал он, когда видел, что я, как наседка, пес-тую своих подопечных. Доброта в отношении с ними казалась ему чрезмерной и даже парадоксальной. В самом деле, зачем я то и дело беру под защиту юного прогульщика («Не дам уволить, не позволю, в сто инстанций буду жаловаться») и юного хулигана («Отдайте на поруки, право же, отдайте, мы всей бригадой глаз с него не спустим!»)?

Как-то мы с ним схватились. Он заявил:

— Твой метод воспитания смахивает на христианское все-прощение.

— Ну уж нет! — отрезал я. — Не согласен! Всепрощение, на-сколько я могу судить, предполагает отказ от борьбы со злом, а я-то злу не сдаюсь, я с ним, чёрт побери, воюю изо всех моих сил. Другое дело — каким оружием. Когда работаешь с подростками, надо быть терпеливым. На этой ниве прополка противопоказана. В таких случаях непременно вырвешь заодно какой-нибудь доб-рый, полезный злак. Прищемишь драчливость — глядь, вместе с нею храбрость исчезла; придавишь бахвальство — оказывается, фантазию притушил. Вот так... Стало быть, воспитатель должен сеять, а не полоть...

— А сорняки?

— Их подросток сам в своей душе выполет. Вы только научи-те его отличать зёрна от плевел.

Долго ни я, ни ребята не понимали, чего добивается Степанов. Придёт на участок и стоит у станков. Ребята работают. Горы дета-лей на тумбочках. Горды. Глаза сияют. А Степанов вдруг словно ледяной водой окатит:

— Разве это работа? Они же — как автоматы. Не рабочий — придаток машины!

Дали ребята полторы нормы за смену — Степанов этого не замечает. Зато случайный промах — забракованные детали — вытаскивает на всеобщее обсуждение (Степанов был членом партбюро). Убытку на копейки, а разговору и пересудов на всё рабочее собрание.

Однажды — это было в тот день, когда на бригадном щите появились новые показатели,— он дольше обычного изучал их. А вечером меня вызвали на заседание партбюро. Степанов высказал своё мнение:

— Витченко совсем не тот человек, за которого вы все его принимаете. Он... уродует ребят профессионально — держит на одной операции. Второй год сидят на первом разряде. Я полдня простоял у его знаменитого щита. Цифры впечатляют. Но что за ними?

— За ними — труд. Огромный, напряжённый труд,— возразил я.

— Это с вашей точки зрения,— невозмутимо продолжал Степанов.— С моей — очковтирательство, да-да, очковтирательство. Вы специально проценты гоните. И я знаю зачем!

— Знаешь — объясни.

— К славе рвёшься...

— К славе? — Эти слова ударили меня словно электрическим током. Всё закачалось перед глазами: и Степанов, и парторговский стол, и начальник цеха поплыл куда-то со своим стулом.

Какое-то время все молчали.

— Не переживай, Степан Степанович,— чувствую руку парторга на своём локте.— Знаем мы тебя и ребят твоих знаем. Николай Алексеевич хватил через край...

— До края ещё далеко.— Степанов и не думал униматься. — Процент-то он гонит ради чего? Ради показухи. И ребят к показухе приучает — таскает во Дворец труда... Чтоб все видели его заслуги.

Разговор на заседании партбюро с самого начала принял нежелательный оборот, и, чтобы положить этому конец, парторг примирительно сказал:

— Поговорили. Хватит. Забудем.

Казалось бы, хорошо, когда в цехе спорят о путях воспитания молодых рабочих, если бы со стороны Степанова не проскальзывало что-то личное, мелкое. Ну почему бы не сказать просто: «Ребята работают хорошо. Пора тебе, бригадир, и о повышении их разряда подумать». Это верно, справедливо, я действительно не подумал о том, что ребятам пора сдавать на второй разряд, забыл как-то в сутолоке дел об этом. И теперь надо было принимать меры, исправлять промашку.

Быстро уладили это недоразумение (по-другому и не назовёшь) с отделом подготовки кадров. Определили ребят в группу повышения квалификации. Они стали ходить на занятия два раза в неделю, изучать теорию. Это было нелегко: молодёжь училась в школе, пришлось уплотнить неделю до предела. Зато за практику был спокоен — ребята знали операции.

И всё-таки Степанов не оставил в покое нашу бригаду. Наоборот, продолжал зорко следить за ней и, что бы бригада ни делала, всё подвергал критике и сомнению. Обновили стенд — показуха, повесили выработку — тоже показуха. Пригласили меня выступить по телевидению — не иначе, как сам напросился, шумиху разводит. Написал статью в газету — опять нехорошо: славу себе организует.

Чтобы положить конец этим пересудам, парторг ещё дважды собирал членов партийного бюро, но конфликт не погас. Он даже ещё больше разгорелся. Конечно, не всё в моей работе как наставника складывалось гладко. Дело новое, готовых рецептов получить негде. Здесь особенно ценна поддержка товарищей, а не «рогатки».

Окажись на месте Степанова какой-то другой человек, который шёпотом, исподтишка подрывал авторитет молодёжной бригады и её наставника, всё тут было бы просто. Разобрали бы и наказали. Но Степанов не наушничал, не искал уголков. И не выступал против самой идеи наставничества. Наоборот, он специально ждал дня партийного собрания, чтобы «скрестить копыя» в борьбе за новое дело. Он говорил:

— В нашем цехе родилось наставничество, и мы ответственны за то, по каким путям пойдёт его развитие.

Активисты колебались. Члены партийного бюро понимали, что не всё в работе наставника можно измерить и определить в показателях, что и время является здесь критерием. Но это время шло, а спор с одного собрания переходил на другое.

Может, Степанов со временем и утихомирится бы, не положи я на стол начальнику цеха заявление с просьбой разрешить мне перевод в другой цех, в другую бригаду. Степанов снова «активизировался».

— Я вас предупреждал. Теперь убедились, чья правда? — Он радостно потирал руки.— За то, что он бросает мальчишек, его надо наказывать...

Трудные это были дни. И опорой, как ни удивительно, стали для меня в тот момент мои мальчишки. Они не пошли на поводу у Степанова, не приняли на первый взгляд убедительные возражения руководителей цеха. Им казалось: раз бригада отпустила наставника, то не должны отказывать и цеховые руководители. Уходит-то он не на лёгкую работу. Выиграет от этого завод? Факт, выиграет. Так думали ребята.

По-другому расценили происшедшее руководители цеха. Администрация и члены партийного бюро поддержали тогда обвинение Степанова. Раз Витченко бросает цех, бригаду — значит, он предаёт большое дело, которое родилось в цехе, и его надо за это

судить по-партийному. И даже те активисты, что всегда поддерживали нашу бригаду, сразу взяли сторону Степанова.

О том, что вопрос об их бригадире будет стоять на партийном собрании, Целуев и Кузьмин узнали от самого Степанова.

— Ничего, не дрейфьте, ребята,— говорил он. Завтра коммунисты вправят мозги вашему бригадиру...

Только позже я узнал, как много пережили в те дни ребята. Они ходили к начальнику цеха, его заместителям, к парторгу Николаю Ивановичу Копылову. В чём-то горячо убеждали их, доказывали, но слова ребят никто всерьёз не принимал. Тогда они пошли к своему комсоргу и вместе с ним настояли, чтобы комсомольцам разрешили присутствовать на собрании. Их голос, они считали, должен быть учтён при обсуждении такого вопроса.

Взволнованно спорили Володя Целуев и Володя Кузьмин, кому из них выступать на собрании. Ребята готовились, и не их вина, что им не удалось защитить своего наставника: в последний момент их всё же не пустили на собрание. Сами, мол, разберёмся. Но ребята весь вечер пробыли около красного уголка, за дверью которого «чистили» их бригадира. Разве это забудешь?

Отпустили меня из цеха. С шумом, с угрозами, но отпустили. А сражение за бригаду, за наставничество продолжалось. Не только Степанов, но и другие считали, что с моим уходом бригада захиреет. Однако этого не случилось. Ребята к тому времени уже прошли определённую школу жизни и потому не отступили назад. Возглавил их Володя Целуев, восемнадцатилетний бригадир.

И вот что скажу: не надо ограждать от испытаний входящих в жизнь. Подобно тому, как огонь закаляет сталь, делает её твёрже, так и трудности, выпадающие на долю семнадцатилетних, воспитывают в них волю, стремление быть лучше,

чем они есть в действительности.

Я ушёл из цеха, но мог ли выбросить ребят из сердца? Разумеется, по-прежнему оставался их наставником, только как бы на общественных началах. Цехи наши рядом, и я дважды в день обязательно забегал проинструктировать Володю, посмотреть, что и как.

Приходя на участок, радовался. Рано руководители цеха решили «похоронить» бригаду. Наоборот, коллектив в хорошем настроении. Темп, прямо скажем, ударный — сто семьдесят процентов! Ребята посещали курсы технической учёбы и все сдали на второй разряд. Сдали самостоятельно, без помощи наставника.

Я верил в ребят, и они не подвели меня. Они понимали, что моя честь и мой авторитет наставника в их руках.

Но главное-то не во мне. Воспитанники моей первой бригады доказали пользу наставничества!

Что же касается Степанова, то жизнь рассудила нас.

На очередном отчётно-выборном партийном собрании цеха коммунисты спросили Степанова:

— Вы признаёте свою неправоту в отношении бригады Витченко?

— Нет, не признаю,— ответил он упрямо.

Больше вопросов не последовало. Но коммунисты не избрали Степанова в новый состав партбюро. Спустя некоторое время он ушёл с «Электросилы». Видимо, неловко стало смотреть товарищам в глаза.

Да, было такое в истории бригады. Из песни слова не выкинешь.

СЕРДЦА РЕБЯТ ОТКРЫТЫ...

Снова читаю Макаренко. Делаю выписки: «...И девушкам и мальчикам нужно рассказывать об ответственности за каждый прожитый день, за каждый кусок чувства, потому что за всё приходится платить жизнью, причём надо рассказывать не два-три раза, воспитывать каждый день». «...Я считаю, что в таких случаях полезен прямой разговор о любви... Не только можно, а нужно учить любви».

Но всё по порядку.

Помните: в бригаде появились девочки. Сначала Тоня Варганова. Потом Галя Новикова, Нина Щеглова. Перед тем, как им появиться, в бригаде состоялось собрание. Мои подопечные хором протестовали:

— К чёрту их, — заявлял категорично прямой и резкий Костя Трофимов.

— Пусть они к нам приходят, но только после работы, — сострил под общий смех бригады Лёша Сидоров,

— А кто ж их воспитывать будет? — я решил охладить пыл разволновавшихся ребят. — Какими вы сами ещё совсем недавно были. Да и сейчас, если откровенно, не все ещё ангелы...

Смеялись, спорили, протестовали. Но в конце концов, после бурных дебатов, ребята согласились принять в бригаду девочек.

На другой же день я просто не узнал своих ребят — они подстриглись, надели чистые рубашки. И ругаться меньше стали. Раньше, когда я пытался внушать любителям сильных выражений, — мало действовало. А тут ругань как рукой сняло. Правда, Костя Трофимов порой не выдерживал, но ребята тут же его

останавливали:

— Костик, брось! Договорились же!

Словом, душа моя радовалась. Я видел: подтянулись ребята, как бы повзрослели и поумнели за столь короткое время. Этим я обязан был, конечно, девочкам.

Наступил в бригаде период спокойствия и благоденствия: мальчишки старались один перед другим, но я-то знал: каждый из них хочет показаться перед девочками в лучшем виде. И добро! На работу это не влияло, точнее, влияло, но положительно. У ребят было хорошее настроение: хотелось сделать как можно больше. Когда другие цеха задерживали подачу деталей, ребята возмущались:

— Почему стоим? Где детали?

Теперь в обеденный перерыв все непременно шли в красный уголок. Выяснилось, что у Тони Варгановой хороший голос. Иногда затянет негромко:

— «Что стоишь качаясь, тонкая рябина...»

А ребята прислушиваются: хорошо поёт, грустно только...

Зато бодрые, мажорные песни у Саши Бровина и Славика Туркина. Эти и со сцены петь могли.

Хорошие установились отношения у моих ребят с девушками — настоящая крепкая дружба. Но вот стал я замечать какие-то странные явления. Вдруг загрустил всегда весёлый Коля. Потускнел заводила Лёша. Поссорились Володя с Серёжей. В слезах Галя.

— Что с вами, ребята? — спрашиваю.

Молчат.

Я отвёл в сторону заместителей — Колю и Сергея.

— Что случилось? Поясните.

— Что тут пояснять,— отвернулся Коля.

Сергей высказался более определённо.

— Девчонки всё, Степан Степанович...

— Вот тебе — девчонки! А почему не вы? Дружить надо уметь. В дружбе от вас многое зависит.

Но ребята словно воды в рот набрали — молчат. Не узнаю заместителей. С кем всегда находил общий язык? Кто был моим верным помощником? Они. А сейчас стоят, как чужие.

— Вот что, ребята, — говорю. — Давайте завтра соберёмся после работы. Поговорим о любви и дружбе. Как на это смотрите?

— Нормально! — пожав плечами, ответили заместители.

Вот почему я сижу и штудирую науку. Смешно сказать: в мои годы рыться в книгах и искать советы по вопросам любви и дружбы. А как быть, если жизнь поставила перед наставником и такую проблему?!

На другой день состоялся откровенный разговор.

Собственно, говорил, в основном, я. Ребята по-прежнему молчали. Кто-то кого-то подталкивал, кто-то подхихикивал, кто-то смотрел в сторону. Я увидел чьи-то сочувствующие глаза и начал:

— Так вот о чём хочу с вами поговорить, дорогие мои ребята. О любви человеческой, — я начал, быть может, несколько высокопарно, но по-другому не сумел.

Я говорил о красоте любви, о её силе, чистоте, о том, что не надо её омрачать, тем более торопить, приводил примеры из жизни моих друзей, из литературы и всё время опасался: хоть бы вопросов не задавали. Посадят наставника в калашу. Ну какой из меня теоретик по вопросам любви и дружбы?

Но я напрасно надеялся на стеснительность и сочувствие ко мне ребят. Первым поднялся, конечно, Костик Трофимов и не без ехидства спросил:

— А от любви до ненависти действительно один шаг?

Вопросы сыпались со всех сторон. Самые неожиданные и сложные для меня. «Чем отличается первая любовь от последней? Что такое секс? Почему любовь проходит, а дружба остаётся?»

Конечно, я не мог ответить ребятам на все эти вопросы и пообещал пригласить к ним на беседу специалиста. А пока суд да дело, посоветовал мальчишкам приглашать девушек на вечера, которые устраиваются для молодых рабочих во Дворце труда. Пусть, думаю, отвлекутся от наших повседневных, будничных дел, пусть дружат — они молодые.

А тут новая неприятность свалилась на мою голову. Дело в том, что о беседе, проведённой мною в бригаде, узнали в цехе — шила ведь в мешке не утаишь! Пошли всякие разговоры. Один из цеховых активистов иронизировал так:

— Это, по-моему, уже не воспитатель. Это по-другому называется.

Я вспыхнул, конечно... Сказал, что не с роботами дело имею, людей воспитываю. И подобные беседы входят, так сказать, в мою компетенцию наставника...

— Тогда свяжись с роддомом. Пригодится, может...

Поднялся шум. Не обошлось без разговора на партийном бюро. Вступилось оно за меня. Начальник цеха Роман Евсеевич сказал:

— Никакого ЧП нет. Всё правильно, товарищи, — и, обращаясь ко мне, добавил: — А ты про любовь неплохо придумал, потому что это жизнь, и на работу, на настроение влияет...

Жизнь в бригаде как будто вошла в свою колею. Между мальчишками и девочками установились ровные, спокойные отношения. Снова я слышал хор голосов своих ребят в красном уголке. Пели как никогда голосисто. Радовало другое: мальчишки понимали, что они физически сильнее, и потому старались помочь девчатам.

И те в долгу не оставались: награждали парнишек улыбками и соглашались пойти на вечер во Дворец труда.

Особенно заметно было благотворное влияние Тони на Сергея Машкова: он доставал в библиотеке самые дефицитные журналы, прочитывал, чтобы затем блеснуть своими знаниями перед Тоней. И Тоня, и он, таким образом, были в курсе самых последних достижений пауки и техники, знали, что делается за рубежом. Они были всегда вместе, работали с улыбкой, с удовольствием и других увлекали. Я не мог нарадоваться, глядя на них. И вдруг, как гром среди ясного неба, звонок в субботний день, открываю дверь — стоит Серёжа:

— Не хочу я жить, Батя. Не хочу,— и спрятал лицо в воротник пальто.

Было, оказывается, объяснение у Сергея с Тоней, и та сказала:

— Ты хороший парень, Сергей. Но я же старше тебя — и поэтому будем просто друзьями.

Спрятав лицо в воротник, Сергей плакал. Он страдал, словно от физической боли. Я сделал вид, что не удивился ни его слезам, ни его словам, будто это самое обыденное дело для наставника выслушивать мальчишечью исповедь. Важно было внимательно выслушать и успокоить его сейчас.

— Ну что ты так, Серёжа,— пытался я успокоить парня.— У тебя же всё впереди. Встретишь ещё девушку, которая тебя полюбит...

— Тоню люблю, Батя,— качал головой Сергей.— Больше жизни люблю.

— А я разве говорю — не люби?! Если любишь по настоящему — подождёшь, потерпишь.

А спустя неделю-другую увязалась проводить меня с работы Галинка. Идём вместе по Московскому проспекту. Галинка шагает

рядом — то и дело по сторонам оглядывается, то на один пустяк обратит внимание, то на другой. Чувствую: чего-то девчонка сказать хочет, да не решается. Так мы дошли и до Парка Победы.

— Давайте посидим, Степан Степанович,— просит Галинка.

Присаживаемся на скамейку. Хорошо в парке! Солнце высвечивает кружево кустарника. Тополиный пух вьётся вокруг нас. На глади пруда плавно скользят лодки. Я понимаю: разговор предстоит важный — и потому не тороплю Галинку — пусть сама начнёт.

— Беда у меня, Степан Степанович,— произнесла девушка почти шёпотом.— День и ночь думаю о Серёже — люблю его. И как поступить, не знаю...

— И я не знаю, Галинка,— сочувственно отвечаю ей,— Ведь тут всё от Серёжи зависит.

Девушка краснеет, голова опускается всё ниже и ниже.

— Не вешай голову, Галинка! — стараюсь говорить бодро.— Оглянись вокруг себя. И если Сергей...

— Нет, нет,— обрывает меня девушка.— Он ничего не знает, я вам первому...

— Так чего ж расстраиваешься? Не спеши. Если любишь — он сам увидит. Поймёт. Сергей — парень хороший...

Повеселела Галинка. В самом деле — чего грустить? Жизнь только начинается, может он, Сергей, тоже её полюбит...

«Любовная эпидемия» несколько поутихла. Но сердца девчонки и мальчишек оставались для меня открытыми. Это облегчало мою роль как наставника. Мы вместе обходили встречающиеся на пути рифы, старались не сесть на мель. Словом, плыли уверенно, взяв курс в океан жизни.

Можно ли запланировать свадьбу?

(из истории семьи Колёсниковых)

На одной из фотографий, которые вы найдёте в книжке, Степан Степанович снят со своими воспитанниками Анатолием а Татьяной Колёсниковыми. Это сейчас Таня носит фамилию мужа, а несколько лет назад, когда пришла в бригаду, была Ивашенцевой — так она в книге всюду и названа.

В начале девятой пятилетки, на собрании бригады, когда речь шла о составлении планов социального развития личности, Таня в шутку спросила:

— А можно запланировать свою свадьбу?

— А почему же нет? — ответили ей товарищи, подчёркивая этим, что создание семьи — вопрос для молодых людей тоже немаловажный.

Однако в плане Тани Ивашенцевой такого пункта не появилось. И не потому, что она спасовала взять на себя столь непривычное обязательство. Скорей всего, к тому времени не было у неё ещё настоящего друга.

Он появился позже. И как это ни удивительно, Таня неожиданно открыла его в парне, который работал рядом с ней на конвейере, в бригаде: это был Толя Колёсников. Пришёл он сюда по настоянию матери — сама она в транспортном цехе работает. А до этого сделал попытку поступить в Инженерно-экономический институт. Не повезло: конкурс оказался большим — шесть человек на место! Пристраиваться лишь бы куда — не захотел, и, когда мать сказала: «Поступай к нам на завод», — согласился. Присился прямо в бригаду Степана Степановича Витченко — мать плохого не посоветует!

Взяли. И началась рабочая жизнь. Быстро освоил все операции: шлифовку, зенковку, клёпку... С приходом Колёсникова бригада приобрела отличного вратаря — любой мяч мог взять. Но главное, что привлекало к нему товарищей, — характер: спокойный, любого выслушает, чужую беду поймёт как свою. А. улыбка...

Хороший парень... И как это Таня раньше его не замечала?! Или тут сыграли свою роль те самые беседы о любви и дружбе, которые затеял наставник? Как замечательно он однажды сказал: глаза слепы, учитесь видеть друга сердцем. А Танино сердце не обманывает: Толя из «настоящих», которые не предадут ни при каких обстоятельствах. Если и будет у неё соперница — так это только бригада...

Таня всё предвидела верно. Когда Анатолий вернулся со службы в армии (сразу же по его возвращении сыграли свадьбу Тани и Толи — на ней присутствовали всей бригадой), он с упоением взялся за работу.

И вот Колёсников за конвейером, где всё известно «назубок», где руки знают каждый выключатель на ощупь. Так кажется поначалу, глядя на сидящий рядом «молодняк» — шестнадцатилетних мальчишек, присланных райисполкомом и детскими комнатами милиции на перевоспитание. У тех самое простое не ладиться, а у него...

Впрочем, если равняться не на них, а на самого себя: разве нельзя ему, Толе, улучшить свою работу, не «ехать» на приобретённых навыках, а совершенствовать их? Конечно, можно. Это и будет его творческий рост, повышение квалификации.

Так проявилась рационализаторская жилка. Толя заметил, например, что при операции, которую они называют «задняя скоба», тяжело идёт клёпка. Контактёр то и дело соскальзывает с приспособления, работа чистой не получается. Придумал сделать ручку, как у сковородки. Теперь приспособление цепко держало основание, и всё шло как по маслу.

На другой операции применил обжимки, чтобы устранить зазоры при обработке узлов. Словом, где подмечал какое неудобство, сразу прикидывал, как его избежать. День за днём повышал норму выработки, добрался почти до двойной, и это при увеличенной нагрузке! Раньше ребята собирали двести — триста узлов, а теперь их надо было выдать за смену пятьсот пятьдесят — стали обслуживать три бригады на общей сборке вместо одной.

Но и этого Толе казалось мало. За время службы в армии он здорово изменялся — возмужал, а теперь вот отцом семейства стал. Как-никак это тоже кое-что значит. К тому же Степан Степанович то и дело, когда нет Володи Целуева или Юры Гартвига, поручает ему быть своим заместителем. Но дело даже не в этой ответственности «зама». Признаться, тянет его к новичкам: так интересно подбирать к сердцу того или иного мальчишки ключик!

Недавно Колёсников взял под «крыло» Витю Кузьмина. Он прибыл из колонии. По дурости полез с приятелем в газетный киоск за выручкой, да и попался. Мягкий, с виду застенчивый, он вовсе не походил на грабителя, но Толя, на всякий случай, глаз с подопечного не спускал: следил, с кем дружит, как проводит время, добросовестно ли работает.

Витя старался вовсю: придаться было не к чему, и знакомство водил разве что со своими бригадными... А в одном из сердечных разговоров, смущаясь, признался «наставнику»:

— Мать меня попрекала, что дармоедничаю, вот из самолюбия и решил добыть денег. Первое и пришло в голову: киоск.

Толя ничуть не усомнился в искренности парнишки — в такие годы часто сначала делают, а потом думают — и ещё больше привязался к Кузьмину.

У Толи Колёсникова таких забот по горло. Он ведь ещё и секретарь цехового товарищеского суда, и заместитель партгруппорга, и...

Да что перечислять! Из-за этих «и» чуть-чуть не начались разногласия с Таней, с женой. У них сейчас семья: двое ребятишек — трёхлетний Павлик и годовалая Юлечка. Папа, конечно, и погуляет с ними, и поиграет, и по хозяйству поможет, но общественные-то дела в сторону не отставать, отрывают они время от семьи, забирают драгоценные минуты Колёсниковых.

А в доме — хлопот полно. Не так давно справили новоселье, переехали супруги в отдельную квартиру. Надо бы благоустроиваться потихоньку, а у Толи то с пьяницей на суде разговор, то он к Вите Кузьмину торопится, то партгруппу надо ему к собранию готовить.

И так каждый день. А уж не дай бог, если на заводе проходят игры по футболу или хоккею, тогда не жди Толю и к ужину...

Разобиделась Таня и однажды не выдержала, упрекнула мужа:

— Всё бригада да бригада, а мы как?

— Вот уж от тебя-то не ожидал такое услышать,— заулыбался Анатолий,— вместе же работали, знаешь, что у нас иначе нельзя!

— Да я не потому,— притихла Татьяна,— меня в цех, на конвейер, тянет, вот и ревную...

Она была права: её соперницей оказалась бригада.

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕК УЧИТСЯ

Вот он стоит передо мной, симпатичный, современный, очень молодой и очень самоуверенный, ни в чём решительно не сомневающийся человек и, как бы снисходя, как бы заранее отменяя возможные возражения, говорит:

— А для чего учиться на инженера, например, когда толковый водитель троллейбуса вдвое против вашего инженера заработать может?.. И инкубационный период сравните — у инженера лет пять, а то и шесть, у водителя — год...

Он смотрит на меня выжидательно, он совершенно убеждён — сейчас последует контратака, а я молчу, молчу и думаю, и вспоминаю.

Когда мне было тринадцать лет, я едва окончил два класса сельской школы — по тем временам и этого было за глаза сыну простого крестьянина. Позже, когда отгремела революция, и я получил возможность снова сесть за парту (в военном училище уже), учителя говорили:

— Учись, учись, учись, а то в люди не выйдешь.

Тема имела вариации, но смысл её всегда оставался неизменным — чтобы чего-то достичь, надо много, долго и обязательно учиться. Постепенно я понял, что без знаний нельзя построить социализм и главное дело моё сейчас — штудировать науки на пятерки. И трудно это было малограмотному-то, но зато какой мир чудес ежедневно открывал для себя!

— Ну так как же, придумали? — не скрывая иронии, спрашивает мой юный собеседник. — Так для чего всё-таки учиться?

Как наставник я слышу этот вопрос всё чаще и чаще, ибо каждый, кто изъявляет желание работать в нашей комсомольско-молодёжной бригаде, должен принять условие: непременно учиться. И прежде чем сказать «согласен», парнишка хочет знать: для чего учиться? Только ли потому, что в век научно-технической революции негоже быть малограмотным,— управление современной техникой, мол, требует от рабочего больших знаний? На подобный вопрос отвечают и так. Только это не до конца верно.

Несколько лет назад мне пришлось разговаривать с одной известной в стране женщиной. Она Герой Социалистического Труда, мастер. Коснулся наш разговор новой техники, которую получил её участок. И я спросил, намного ли повышаются требования к рабочим, обслуживающим автоматические линии. «Чем автоматика совершеннее,— ответила женщина,— тем требования к тем, кто её эксплуатирует, должны быть выше. Но дело не только в этом. Учиться надо не для зарплаты, не для тщеславия и карьеры, а чтобы быть человеком среди людей...»

Очень хорошо сказано, и точнее, пожалуй, не скажешь.

Когда я слышу: «Зачем человеку учиться?» — привожу эти самые слова. Не до всех, понятно, смысл их сразу доходит. Но уж если парнишка принял условие бригады — учиться — наша задача помочь ему постигнуть до конца смысл этих слов.

Строительство коммунизма невозможно без всестороннего развития самого человека. Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы.

В нашей стране (взять хотя бы наше производственное объединение) создано всё для того, чтобы человек развивал свои

способности, оттачивал самые тонкие грани своей души, познавал сложный и прекрасный мир. Но каждый должен пройти свой путь, чтобы научиться пользоваться этими возможностями.

Первый вопрос, который встаёт перед вступающим в самостоятельную жизнь человеком: где учиться? Конечно, право выбора остаётся за самим юношей или девушкой. Но и совет старших нужен. На «Электросиле» есть вечерняя школа рабочей молодёжи, техникум, действует отделение заочного Северо-западного политехнического института. Иногда выбор диктует теоретическая подготовка рабочего: если нет за плечами у парня восьмилетки — в техникум, а тем более в институт такого не примут. Ему прямая дорога в вечернюю школу. Но таких, всем известно, становится всё меньше и меньше — осуществляется Закон о всеобщем среднем образовании. Приходят уже с десятилеткой, грамотные, уверенные в том, что с таким багажом знаний они преспокойненько будут чувствовать себя в рабочем коллективе.

И очень скоро понимают свою ошибку. Это лишь на первый взгляд кажется, что в бригаде (не только в нашей, а в любой) люди одинакового уровня знаний, культуры. На самом деле «потолок» разный. Однажды я заметил, что новичок (это был Игорь Жгиров) высокомерно относится к товарищу, соседу по конвейеру. Тот чувствовал это и страдал. Я счёл нужным объясниться с Игорем. Отозвал в сторонку, внушаю: «Не хорошо обижать, Игорёк, товарища...» И вдруг слышу:

— Нужен он мне. С ним даже не о чем поговорить!

Вот в чём дело: не о чем поговорить! Признаюсь, мне стало больно за того мальчишку: сирота, воспитывался в детском доме. Игорь же пришёл к нам из английской школы, хорошо знал литературу, и разговаривать с ним на равных было совсем не просто. Сегодня, уточню, было не просто. Но можно и — главное — надо

догнать таких, как Игорь, наверстать упущенное!

Тот мальчишка, подчиняясь требованиям бригады, учится, окончил одиннадцать классов школы рабочей молодёжи. В институт он не пошёл — работает на одном из соседних участков, но как изменился парень — появились уверенность, чувство собственного достоинства. Встретившись с Игорем, вряд ли он сегодня спасует в разговоре.

Или вот чудесная метаморфоза другого парнишки — Лёши Филимонова. С какой стороны на этого человека сегодня ни посмотри — во всём пример. Один из лучших молодых рабочих, комсомолец-активист, много читает, всем интересуется. А каким пришёл Лёша? Робким, неуверенным в себе. В медчасти предупреждали: здоровье у парня слабое — не справится парень с работой. Пришлось под расписку взять Лёшу в бригаду. Тогда ему не было ещё и шестнадцати лет, но парень наотрез отказался от «льготных» условий, которые, учитывая его слабое здоровье, хотели создать для него бригада. Одну за другой начал он осваивать операции на конвейере, пошёл в школу. Редкое у парня было усердие. За три года — ни одного нарушения трудовой дисциплины! Большая мать радовалась: у Лёшеньки жизнь налаживается!

К нашему всеобщему удовольствию, не оправдывались и прогнозы бывших Лёшиных учителей, которые из-за слабого здоровья не предъявляли к парнишке больших требований и привыкли считать его не способным к учению.

В вечерней школе учителя были довольны Лёшей, которому вера товарищей придавала силы. Учился он хорошо, закончил одиннадцатый класс, получил аттестат зрелости. То-то было радости в бригаде! Удивительно: и физически Лёша Филимонов стал крепче. Он не только «на равных» чувствует себя в умелом споре,

но «на равных» идёт по лыжне, участвует в кроссах.

И парень чувствует себя счастливым.

Но вряд ли будет правильным преподносить эту проблему в столь облегчённом виде. Совсем непросто заставить молодого рабочего три дня в неделю садиться за школьную парту. Да ещё дома над книгой надо работать. Тяжело. Случалось, терпели поражения. Перед началом года все говорят: «будем заниматься», а начался год — и пустуют парты. Подбирали «ключики» к таким ребятам постоянно — и в конце концов втянули в учёбу всех.

Без помощи «ветеранов», без влияния членов комсомольского бюро цеха на нерадивых наставник вряд ли тут добился бы успеха.

**Рассказывает секретарь
комсомольского бюро цеха
Юрий Гартвиг**

Часто у нас происходят споры в бригаде. И всё из-за учёбы. Легко сказать: всем до одного учиться! Но что это значит — учиться? Ежедневно вставать ни свет ни заря, а ложиться за полночь. И выходные просиживать за книгами. Это просто только для человека с сильной волей, целеустремлённого. А какая целеустремлённость может быть у парнишки, если он под нажимом принял условие бригады учиться? Вот и идут чуть ли не ежедневные «выяснения отношений» то с одним, то с другим.

Должен сказать, что комсомольское бюро цеха очень серьёзно относится к вопросу повышения образования молодёжи.

За последние годы, хотя и увеличился приток в цех молодёжи со средним образованием, но приходят и такие, которые еле-еле одолели восемь классов. Они и в школе-то занимались с грехом пополам, думали, на заводе отдохнуть от учёбы, а мы их напрямик — снова за парту! Потому приходится с ними трудно. И всё дело тут в постоянном, чуть не ежедневном контроле. Если упустить неделю-другую, парень отстанет,

навёрстывать будет сложнее. Тогда он совсем опустит руки. И потому немедленно, что называется, по горячим следам бьём тревогу.

Есть у нас в бюро комсомолка Таня Садовникова. Аккуратная и пунктуальная девушка. Учится в школе. Вот ей и поручило бюро следить за этой работой. Спасибо Тане. Ежедневно она представляла своего рода рапортчики в нашу бригаду о том, как ребята посещают школу. Я брал эти рапортчики, выяснял у ребят причины пропусков, а потом мы с бригадиром шли в наступление.

Начинал, как правило, наставник:

— А ну Расскажи-ка, почему не был третьего дня в школе...

Парень пытался отнекиваться: был, мол. Уличённый неопровержимыми доказательствами (назывались пропущенные предметы, неудовлетворительные оценки, полученные на предыдущем занятии), он в конце концов понимал — запираться бесполезно — и опускал молча голову.

Батя к этому времени выкрикивал любимое: — Душа из тебя вон!

Это означало: возмущён и накалён наставник до предела.

— Ладно, Степан Степанович, плюньте вы на него, пусть в дворники идёт — там аттестата о среднем образовании пока не требуют...

Парень хмыкал — в дворники ему не хочется. Мало-помалу мы вразумляли его — надо пойти в школу и выучить пропущенный материал. Надо отдать должное преподавателям нашей вечерней школы — они всегда готовы были помочь отставшему, растолковать теорему или закон физики. Дело «упиралось» в самого ученика, в его желание или нежелание наверстать пропущенное. Ну а это мы брали на себя.

Много подобных баталий у нас было с Игорем Гусевым, Васей Моргуном. Записавшись в девятый класс, оба чуть ли не на другой день забыли об этом и были очень удивлены, когда мы с Батей потребовали от них за это ответ. Позже им пришлось отвечать и перед всей бригадой.

Игорь и Вася пришли в наш коллектив совсем недавно, с ними предстоит ещё большая работа. Но я могу назвать ребят, которые одержали победу над своей ленью, несобранностью, победу над собой, благодаря вот такому влиянию коллектива, его требовательности. Александр Ивано-

вич, Константин Бахарев, Сергей Круглов не только успешно закончили школу, но навсегда подружились с книгой.

Особо хочется сказать о Валентине Шевырёве. Он не был ленивым. Наоборот, его способностям многие завидовали — благодаря прекрасной памяти он схватывал всё на лету. И вдруг нашла на парня дурь: зачем учиться? Случилось это в девятом классе. Убедили тогда. После службы в армии он сам пошёл в одиннадцатый. До выпускных экзаменов оставалось всего две недели, когда мы узнали, что Валентин решил оставить школу.

Ох, что было в бригаде, как кипятился Степан Степанович! Разом вся хандра слетела с Валентина, засел он за книги, занимался день и ночь (бригада дала ему отпуск). И наверстал упущенное, сдал экзамены на аттестат зрелости.

Казалось бы, надо оставить парня в покое. Но Батя не мог успокоиться: хорошая голова у Валентина! Спустя три года Степан Степанович стал наступать на молодого рабочего: «У тебя жена технолог (Валентин к этому времени женился). А ты что — отставать от неё будешь?»

Задел наставник самолюбие парня. Пошёл Валентин в заводской техникум, сразу на третий курс!

К нам в бригаду всё чаще приходят ребята из подшефной школы-интерната. Мы рассудили, что подобное знакомство сегодняшних школьников с жизнью нашей комсомольско-молодёжной бригады, с её укладом, принятыми в ней законами будет полезно не только школе, но и нам. Взяли шефство над 6-б классом и уже не первый год дружим с ребятами. Ответственным за эту работу мы назначили Мишу Ильина. Он пришёл из этой школы после восьмого класса и, конечно,

быстро найдёт контакт со школьниками. Так мы думали и не обманулись. Миша бывает и на школьных собраниях, и на пионерских сборах. В 6-б у него много друзей.

Крепнет связь с подшефным классом и у всей бригады. Мы организовали для них экскурсии на завод, они побывали уже во многих цехах. О нашем я и не говорю — ребята у нас пробовали даже ряд операций на конвейере выполнять. Как-то на стадионе Ленинградского мясокомбината играли мы в футбол с другой, соседней бригадой (мы с ней соревнуемся). И наши школьники пришли за нас «поболеть». Приходят они к нам и на комсомольские собрания — слушают, чем живёт заводская семья.

А в праздники — первого сентября, например, — мы — их гости. Прошлый раз бригада делегировала меня. На торжественной линейке я передал ребятам наши поздравления и подарки. От школьников выступила староста класса.

Надо сказать, что наши подшефные радуют нас: среди них нет второгодников, нарушителей дисциплины.

Через год ребята закончат восьмой класс и будут решать, что делать дальше. Но некоторые уже определили свой путь: к нам пойдут, в нашу комсомольско-молодёжную.

И уверен, их уже не поставит в тупик вопрос: «согласен ли учиться?» Уже сегодня они знают — не учиться дальше нельзя.

Всей своей атмосферой бригада учит: не ленись, впитывай знания, иди вперёд. Но срок пребывания в бригаде ограничен: три-четыре года. Ребята вырастают, повышают свою квалификацию. Потом иной коллектив, иная атмосфера, иные традиции. Хорошо, если и там микроклимат такой, как в нашей бригаде, — не дадут человеку застыть на месте. А если нет — значит, пошла насмарку вся наша наука?

Бригада делает многое для того, чтобы этого не случилось. Аттестат зрелости, диплом техника — не самоцель.

Всеми средствами мы стараемся развить в молодых рабочих любознательность. Тогда, где бы они ни оказались, они будут тянуться к книгам, к искусству, к творчеству. Оглянитесь вокруг. Зачем, устав после рабочего дня, люди бегут на курсы иностранных языков? Вновь и вновь открывают томики стихов? Идут в картинную галерею, где они не раз бывали? Мёрзнут в очередях у театральных касс? Думают над книгой? Зачем? Наверное, без этого они чувствовали бы себя беднее, наверное, без этого они не представляли себе полноты жизни.

«Надо учиться в школе, но ещё гораздо больше надо учиться по выходе из школы», — метко заметил Д. И. Писарев. Герцен говорил, что человек учится всю свою жизнь, только проходит через разные ступени ученичества. В обоих этих высказываниях одна и та же мысль — о вечном стремлении вперёд, о том, как страшно остановиться, в конечном счёте — о самовоспитании.

Несколько лет назад мне пришлось познакомиться с дневниками и письмами Сергея Лазо. Это имя стало символом мужества и бесстрашия для нашей молодёжи. Человек кристальной чистоты и необыкновенной душевной мягкости, он умел быть непреклонным, когда дело касалось идеалов революции. И вот, читая то, что Сергей Лазо написал в двадцать с небольшим лет, почти зримо видишь, как он создавал себя, как вырабатывал характер, волю, мировоззрение, как дорого ценил каждую минуту.

«Горе тому человеку, который ничем не интересуется, — он мёртвый человек, живой труп», — писал Лазо в одном из своих писем. И сам он далеко не сразу стал тем Лазо, которого мы знаем теперь по его жизни, по воспоминаниям современников, книгам биографов. Лазо сознавал, что не всегда знает, как учиться, как читать, как регулировать своё время и вообще, как жить. Но он хотел научиться.

Хотеть научиться — это главное, к чему стремится бригада в воспитании характеров подростков. «Можно не уметь,— говорим мы,— но не хотеть научиться — стыдно».

День за днём мальчишки выросли и постигали смысл тех самых слов: «Учиться надо не для зарплаты, не для тщеславия и карьеры, а чтобы быть человеком среди людей...»

Если для многих новичков свободные часы в первое время были утомительным грузом, от которого они не знали, как избавиться, то теперь поняли: это богатый источник обогащения личности.

...Зашёл как-то в красный уголок. У стола сидели двое моих питомцев. У одного на коленях книга. Второй читал журнал, но неожиданно оторвался от чтения и возмущённо бросил товарищу:

— Ты что разговариваешь с самим собой — не в себе, что ли?

Тот улыбнулся и, не изменив позы, не отрывая глаз, произнёс:

— Французский учу. Понимаешь?

— Французский? — присвистнул второй парнишка и неожиданно спросил: — А зачем это тебе надо? Экзамены в техникуме ты все сдал. В институт, по-моему, не собираешься...

— А затем, чтобы хвост у меня не вырос! — пошутил товарищ.— В тот день, когда человек перестаёт учиться, он начинает движение назад — к обезьяне...

— Ну, это выдумки,— начал было второй парень, но его перебил товарищ:

— Ты не спорь, а проверь хорошенько, не растёт ли. А то и не заметишь, как вырастет...

ПРИШЛА БЕДА...

«Пришла беда — отворяй ворота»,— гласит русская пословица. А беда пришла в бригаду неожиданно-негаданно. Как раз с той стороны, откуда её меньше всего ожидали.

Комсогруппорг бригады Гена Кулага (в то время он возглавлял группу), крепко сбитый, с ёжиком коротко подстриженных волос парень, пользовался среди ребят непререкаемым авторитетом. Если Гена сказал — тут уж никто в спор вступать не станет. Кулага никогда сгоряча ничего не решал. А если уж говорил «надо», значит, всё заранее взвесил. Был он уравновешенным и рассудительным. Легкомысленным его назвать никому бы и в голову не пришло. Тем сильнее поразило нас происшествие, участником которого он оказался.

Вместе со своим другом, таким же семнадцатилетним рабочим Юрой Пастушенко, выйдя из заводской проходной, Кулага решил прогуляться по Московскому проспекту. Когда ходить бесцельно по улице наскучило, ребята зашли в один из дворов, в скверик, посидеть на скамеечке. Скверик был уютный, тенистый, в кустах щебетали птицы. Казалось, ничто не предвещало грозы.

— Гена, Ген,— воскликнул вдруг Пастушенко и, по-озорному подмигнув дружку, показал в сторону деревянного детского коня: — Превосходный коняга... Покатаемся?

— Покатаемся...

Ребята с гиканьем сели верхом. Как потом признался Кулага, вспомнили детство.

Увлёкшись игрой, ребята не заметили, как перед ними выросла фигура пожилого рослого мужчины.

— А ну, слезай! Приехали...

— Не совсем,— попытался отшутиться Пастушенко и продолжал сидеть на коне.

Через мгновение он почувствовал руку, крепко схватившую его за воротник.

— Слезай, говорю,— крикнул мужчина (как потом оказалось, это был один из активистов домохозяйства по фамилии Портной) и спихнул парнишку на песок детской площадки. Оба покатались по песчаному ковру. Кулага, чтобы освободить товарища, вцепился в пиджак Портного. Завязалась борьба, и в азарте парнишки не услышали, как обидчик закричал:

— Помогите! Убивают! В милицию их, бандитов!

Милиция не замедлила явиться. Объяснений ребят никто слушать не стал. Составили акт. Пригрозили судом.

Матери юношей отправились на квартиру к Портному в надежде смягчить его гнев. Им казалось, что нельзя не учитывать возраст парнишек — отсюда ведь идёт их озорство. Именно озорство, а не какое-то там хулиганство. Но Портной не пожелал даже выслушать женщин. И составленный в милиции акт вылился в «дело». Геннадия вскоре же вызвали к следователю.

Вот такая неприятность произошла в бригаде. Я говорю — в бригаде, так как каждый остро переживал случившееся с Геной Кулагой.

Признаться, я несколько ночей не спал, раздумывал над этим случаем. В чём был, так сказать, его наибольший драматизм? Да в том, что по сути-то дела не ребята были виноваты, а старший, тот, кто забыл, каким он сам был в их возрасте.

Мы часто не учитываем, что подростковый возраст самый сложный и что тут могут быть всякие неожиданности.

Смотрим на подростка и видим, что он груб. Бьём во все колокола: виновата компания, нужны спасительные меры. Но он сам хочет огрубеть, он к этому стремится. Это доказательство его взросления. И не только взросления. Самоутверждения. Подросток, как никто другой, ищет постоянства. Это только внешне кажется, что он шарахается из стороны в сторону. На самом деле он мечется в поисках стабильности. И первое ощущение утверждения собственного «я» — это ощущение физической силы. Грубость — защитная реакция таких ребят. Не больше. В глазах подростка тот, кто грубее, кажется более сильным, пользуется авторитетом среди окружающих, получает определённые преимущества.

Пока ребёнок остаётся ребёнком, для него всё сосредоточено в доме, в родителях. Он привык выполнять то, что ему укажут старшие. А став подростком, он начинает критически относиться к указаниям старших, он уже не просто живёт, а смотрит на себя со стороны, сравнивает себя с другими. В эту самую пору шестнадцатилетний парнишка уже пытается вмешиваться в дела, которые его, казалось бы, не касаются: где-то двое дерутся, где-то обидели девочку — он вступается (другой разговор, что из этого получается), утверждает себя как личность. Происходит общественное становление подростка.

Что касается поведения Гены Кулаги и его товарища, то и здесь был налицо тот же случай, только в другом варианте. Парнишки на грубость ответили грубостью, на физическое воздействие — силой.

Всё было бы иначе, поступи Портной более правильно педагогически. Почему нельзя было спокойно объяснить ребятам, что в их возрасте уже неприлично впадать в детство, занимать игрушки малышей? Может, такой разговор устыдил бы ребят, заставил извиниться. Разобрались бы и подобру-поздорову пошли каждый своей дорогой. А тут чуть ли не рукоприкладство, насилие.

А потом — «Караул! Убивают...»

Словом, я никак не мог принять стороны «пострадавшего». И очень переживал, что никто не хотел смотреть, как говорится, в корень этой истории, видеть истоки столь печального факта.

А Кулага начал сторониться людей. Ему казалось, что и знакомые и незнакомые люди посматривают на него с опаской, что никто ему не верит. Это больше всего расстраивало парня. Геннадий стал нервным и однажды сказал мне:

— Не хочу я быть в комсомоле, Степан Степанович, раз нет справедливости...

Я обеспокоился не на шутку. Ведь парнишка только вступает в жизнь, ему самому предстоит эту жизнь строить. И в такую пору утратить веру в справедливость... Нет, тут никак нельзя остаться пассивным наблюдателем. Будущее парня зависит от всех его товарищей по бригаде и в первую очередь от меня, коммуниста.

Он, конечно, виноват в том, что там, в дворовом скверике, произошла драка. И бригада прямо сказала ему об этом. Но на том же собрании Кулага почувствовал, что в своей беде он не один: рядом с ним товарищи, они способны отстоять и защитить его. Разве он хочет снять с себя вину? Совсем нет. Он жаждет только объективного отношения к его поступку.

Много мне в тот период пришлось обойти всяких организаций и руководящих товарищей, говорить с ними, доказывать непреложную истину — нельзя смотреть на случайно попавшего в беду парнишку как на закоренелого преступника. Со мной спорили, показывали всякие циркуляры, но в конце концов соглашались более внимательно отнестись к разбору дела Кулаг. Пока я ходил по разным инстанциям, члены бригады не давали впасть в

отчаяние Геннадия. Они подбадривали его как могли — и шутками, и советами.

Мы одержали победу и над настроением Кулаги, и над несправедливостью. После суда он остался в нашем коллективе: год исправительно-трудовых работ должен был отбыть в цехе, на своём рабочем месте.

Случившееся заставило Геннадия серьёзно задуматься о своей жизни. Он понял и правильно оценил совершённый поступок. Человек вырослел. И естественно, от того отчаяния: «Нет правды, нет справедливости!» — не осталось и следа.

Скоро наш подопечный ушёл служить в Советскую Армию. Часто писал из части, где служил. С восторгом отзывался о своих армейских воспитателях.

Кстати, об армейских воспитателях. Я часто бываю в райвоенкомате (с его работниками у меня хорошие связи) и нередко слышу, как родители просят: «Возьмите, пожалуйста, сына в армию. Сладу с ним нет. В армии из него человека сделают...» И я невольно задаю себе вопрос: почему за два года службы в Советской Армии разболтанный юноша действительно становится человеком, мужчиной с правильными взглядами на жизнь, труд, на вопросы морали?

На мой взгляд, секрет здесь в том, что, прибыв в воинскую часть, юноша, вчерашний несовершеннолетний, ученик в школе или на заводе, «салага», «букварь», сразу чувствует, что на него уже не смотрят как на несмышлёныша. К нему адресуются как к мужчине, бойцу, защитнику матери-Родины. В такой обстановке у юноши прежде всего меняется взгляд на себя как на личность. И те самые меры воспитания, какие в школе или на заводе не давали нужного результата, те же самые слова о долге и ответственности в армии воспринимаются по-иному, во всей полноте их значения.

Служба в армии положительно повлияла и на Геннадия Кулагу. Можно сказать, в армии произошло, окончательное становление его характера.

Отрадно отметить, что, вернувшись на завод, Геннадий Кулага вместе с нами энергично включился в работу. В ту пору цех завершал восьмую пятилетку. Кулага сразу же взял большое производственное обязательство и боролся за его выполнение. Это был уже взрослый человек. Он не нуждался в том, чтобы ему разъясняли азы. К Геннадию пришёл серьёзный интерес, увлечённость профессией. Пытливая мысль его искала для себя дела — в нём пробуждался рационализатор. Бывший воин трудился отлично.

Сейчас Кулага работает в соседней бригаде.

Через год снова произошла неприятность в нашей бригаде. На сей раз «героями» оказались парнишки из нового поколения, два Николая — Богомолов и Иванов.

Коля Богомолов — весельчак. К нему, как к магниту, тянутся ребята. Помню его шестнадцатилетним пареньком, тоненьким, словно тростинка, хрупким, как девушка.

— Я хочу к Степану Степановичу!

Его мать в соседнем цехе работает. Как откажешь?

Парень оказался на редкость способным. Всё горит в его руках. Сметливый, изобретательный, наш рационализатор.

И вот как гром среди ясного неба: угодил Богомолов в милицию за хулиганство. А с ним и Николай Иванов, моя правая рука в то время. Как было не расстраиваться...

Эти ребята — опора бригады, лучшие работники. Помню, уехал в санаторий в Старую Руссу, а у самого сердце болит: как там ребята себя ведут? Бригадирство поручил Коле Иванову. Чуткая

душа у парня. В день моего рождения (ребята хорошо его помнят) получаю от Коли телеграмму: «Батя, мы перекрыли все наши прежние рекорды. Изготавливаем за смену до пятисот узлов».

Тут же пошёл на почту, ответил: «Поздравляю с производственной победой! Батя».

И вот сейчас такой сюрприз от первых моих помощников. Что же произошло?

Коля Богомолов узнал, что через три месяца его призовут в армию. Ребята решили отметить это событие. Казалось бы, чего в том плохого — проводить человека в армию? Но всё дело в том, что без вина такие проводы не обходятся. Вот и ребята организовали и стол, и музыку, и вина достали гораздо больше того, чем следовало.

Когда мать Коли вернулась с работы, ей это не понравилось. Она открыла дверь и строго потребовала:

— Мальчики, по домам!

Ребята переглянулись.

— Пошли прогуляемся, ребята! — предложил Богомолов,— Пивка попьём.

И ребята двинулись.

У пивного ларька решили выпить без очереди. Коля Богомолов задел кого-то из стоявших у ларька. Началась потасовка. Выручая товарища, в драку вмешался и Коля Иванов.

Много в те дни передумал я о ребятах. Иванов, я понимал его, не мог в такой ситуации поступить иначе — не вступиться за товарища. А Богомолов? Ведь при всём желании его не оправдаешь. Случайный ли это поступок в его жизни? Нет, к сожалению. Год назад Коля под хмельком пришёл на работу. А потом и вовсе исчез на пятнадцать суток — отбывал наказание за мелкое хулиганство. В то время мне пришлось выдержать стремительный натиск ребят: на одном из комсомольских собраний

Коллю решили было исключить из комсомола. Обещал не повторять подобного. Оставили. И вот теперь опять.

Откуда у Богомолова склонность к выпивкам? Поговорил с сослуживцами родителей, с соседями по квартире.

— Так Богомолова-старшего после работы мы редко видим трезвым...— сказали они.

«Вот так штука,— думаю.— Отличник производства, портрет на доске Почёта (он работал в соседнем цехе) — и такой пример в семье».

Да, было у кого Коле учиться дурному. А дурное, как известно, к подросткам пристаёт легко: хочется ведь показать себя взрослым не только в добром деле, но и в таком, как выпивка. Появляется этаким нездоровый задор: «А я что — не мужчина?!» Сначала к стопке, а потом и к стакану. Чего греха таить — есть ещё папаши, которые поддерживают ухарство. Пусть, мол, растёт мужчиной. Мало того, что нальёт стопочку, а ещё и в магазин сгоняет за водкой.

И всё-таки Николай Богомолов не был потерянным для общества человеком. За него следовало бороться. Трудовые колонии прививают полезные навыки, но не нужно думать, что ребята, побывавшие там, во всех случаях окончательно исправляются. Влияние таких ребят друг на друга может привести к неожиданным результатам.

А потому прихожу к выводу: не надо доводить ребят до колонии, необходимо делать всё, чтобы они оставались в коллективе. Хорошо, если коллектив найдёт возможным поручиться за них.

Взять оступившегося человека на поруки — это не новая форма воспитания. И у меня к ней, признаюсь, своеобразное отношение. Не секрет ведь, что для некоторых злостных нарушителей общественного порядка и норм нашей жизни это стало своего рода удобной лазейкой, через которую можно уйти от ответственности,

от советского правосудия. А иные общественные организации оказываются на поводу у таких людей, сознательно уводят их от наказания. Тошно становится, когда какого-нибудь сорокалетнего дядю, пьяницу и расхитителя, берут... на поруки. Помогает? Как правило, нет. Человек очень скоро опять принимается за старое. Такое бывало, и нередко. Я считаю, что коллектив должен брать на поруки провинившегося (это эффективная форма воспитания), но брать, пока ещё не поздно, пока есть уверенность, что это на пользу.

В цехе считали: Иванов и Богомолов не настолько испорчены, чтобы воспитательные усилия коллектива были уже бесполезны, не действовали. Наоборот, за время пребывания в цехе и тот, и другой доказали свою приверженность интересам коллектива, взяли от него много хорошего. Так что был смысл коллективу взять их на поруки. Он это и сделал.

В цехе состоялся суд общественности над оступившимися. Пригласили на него и родителей Коли Богомолова. Пришлось краснеть передовику производства за некрасивый пример, который он подаёт сыну в личной жизни. Думается, что этот суд послужит молодым людям хорошим уроком.

Коллектив в столь трудный для ребят момент проявил и великодушные, и большую ответственность за дальнейшую судьбу ребят. И они не подвели. Вскоре Иванова и Богомолова проводили в армию — торжественно, как и всех. Только письма, которые приходили из армии в бригаду, я читал с особым пристрастием: как они там, всё ли у них благополучно, не берёт ли в парнях верх плохое? И каждый раз облегчённо вздыхал: нет, не берёт. Не ошибся коллектив, когда-то поверивший в них.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Пришла весна с весёлой капелью, с чириканьем воробьёв. Мы вышли из цеха и подивились: рабочий день кончился, а на улице ярко, светло, солнечно. Рядом со мной шёл, с улыбкой поглядывая по сторонам, Олег Сизов. Взглянув в бездонную высоту голубеющего неба, он с наслаждением расправил плечи и тихо сказал:

— Если бы вы знали, Степан Степанович, как хочется жить...

Эти слова подействовали на меня столь сильно, что, придя домой, я не мог не думать об Олеге, не вспомнить дни, когда он появился у нас впервые.

С некоторых пор я веду дневник. Это толстая тетрадь в коричневом дерматиновом переплёте. Первая запись сделана второго апреля шестьдесят пятого года. День моего вступления в обязанности наставника второй бригады, когда под моим руководством оказались сразу двадцать два новых подростка. Тогда, будучи в первой бригаде, я надеялся на свою память, кажется, помнил каждый день, каждое событие из жизни бригады. А вот теперь записываю. Записываю коротко. Случилось что-то в бригаде — в дневнике остаётся пометка. Всего несколько строк, а своего рода узелок на память: у кого-то из ребят день рождения, вручили сувениры — пометка. Кого-то избрали заместителем бригадира (это ведь большое событие для подростка) — новая строчка в дневнике. Бригада отправила парнишек служить в армию — тоже достойно быть отмеченным. Дневник тем и дорог, что помогает фиксировать внимание на деталях, и если их собрать вместе, то станет

очевидным, как шло становление каждого подростка, да и бригады в целом.

Но вот о Сизове всего одна запись, и то из трёх слов: «Сегодня Олежкин день».

Объясняется это просто. История Сизова не нуждалась в «узлах на память». Она накрепко вошла в моё сердце. Хотя этот сложный и, по мнению многих, очень трудный парень, как ни удивительно, не доставлял особых забот бригаде и мне. Наоборот, приход Олега даже положительно повлиял на ребят. Когда с ним случилась беда, мальчишки не отошли в сторонку, а отнеслись к Олегу искренне, чутко, заботясь о его судьбе. В тот момент особенно глубоко раскрылись добрые чувства парнишек, которые я стараюсь развивать в них, чтобы сделать эти чувства нормой поведения.

Но всё по порядку.

Ребята уже привыкли к тому, что в бригаду мы берём всех, от кого отказываются другие. Мальчишки сами стали своего рода вербовщиками рабочей силы в наш коллектив. Услышат, что в соседнем цехе не ладится дело у сверстника, приглашают:

— Идём к нам. Бригадир возьмёт...

И брал, конечно. Тут же ребята мнутя.

— Есть у нас, Степан Степанович, знакомый парнишка,— начал один.— Работу ищет. Только он из... трудных.

— Но ведь и ты был трудный,— смеюсь я.

— Нет, он совсем трудный, — вступается второй. — Его нигде на работу не берут. Голодный ходит...

Сказали — и разом умолкли. Смотрят, как реагировать буду. Что же делать? Парень явно в беде. Живо представил, как работники отдела кадров захлопывают перед ним окошки: парень не один раз побывал в исправительно-трудовых колониях.

Чего скрывать, есть ещё среди таких работников перестраховщики.

Говорю весело:

— А ну ведите в бригаду этого совсем трудного...

Олег оказался невысоким, худеньким парнем. Только глаз угольки выдавали в нём человека беспокойного, с характером. Глаза как бы говорили: «Смотрите: весь тут. Не нравлюсь, боитесь — могу уйти».

И ушёл бы: гордый и независимый характер был у Олега. Он не упрашивал работников отдела кадров. Сизов молча показывал им свои документы и так же молча брал их обратно. Чем он жил? Где-то что-то грузил через два дня на третий — вот и весь заработок. И так жил длительное время. Всё это, конечно, наложило свой отпечаток на характер парня: он стал замкнутым и в то же время вспыльчивым.

Бригада взяла парня. Правда, меня в отделе кадров предупредили: «Крепкий орешек этот Сизов, смотри, Степан, не промахнись». Восстали и родители моих подопечных: как бы Олег не испортил их ребят... Я пообещал: если замечу что за ним, немедленно сделаю оргвыводы.

Но оргвыводов делать не пришлось. Олег Сизов так обрадовался настоящему делу, что работал не зная усталости. Каждый день осваивал новую операцию. Их у нас двадцать, и все двадцать ему оказались подвластными. У этого парня уже появилось чувство рабочей гордости: он может! Вообще я должен сказать, что человека трудно перевоспитать, если он не увидит в себе хотя бы маленькую толику красоты, что не всё в нём плохо. Здесь ведь и берёт своё начало чувство собственного достоинства в человеке.

Я видел: Олег обретает уверенность, вырастает в собственных глазах. Прошёл месяц, и я как-то оставил

Сизова за себя в бригаде. И тут открылась вторая сторона в характере парня — у него явно были задатки руководителя. Он требовал непреклонно, и ребята при нём не решались нарушать бригадный порядок. Теперь мамы, если я бывал в отлучке, прямо к нему: «Ты, Олежка, присмотри за моим».

И всё-таки сердце этого парня оттаивало медленно и неохотно,— слишком оно ожесточилось за последние годы жизни в исправительно-трудовых колониях. Вылечить его могли лишь внимание и уважение товарищей, простая человеческая доброта. И всё это он нашёл в коллективе.

Неожиданно Олежка заболел. На год поселился в больничной палате. Год для молодёжной бригады — срок немалый. Кто-то уходит служить в армию, кто-то приходит. Но все знали: об Олежке забывать нельзя. Был специально учреждён Олежкин день — вот откуда та короткая запись в моём дневнике.

Чаще всех навещали Олежку в больнице его ближайшие друзья — Виталий Малышев и Геннадий Кулага. «Мы из бригады»,— говорили они, и обычная строгость медицинских сестёр смягчалась перед этой привязанностью подростков к товарищу. Ребята рассказывали Олегу цеховые и бригадные новости, привозили подарки. С этой целью, бывало, «трясли» цеховой комитет или собирали деньги с членов бригады — по двадцать копеек. Маленькая деталь, но как красноречива! Подросток выделяет из своего скромного бюджета двадцать копеек. Он знает — это для больного товарища. Он приучается думать о тех, кто рядом. Так идёт воспитание чувств.

Олега любили. И как знать — может быть, помогло ему встать на ноги именно это сознание: обо мне помнят, я кому-то дорог. Выйдя из больницы, он перешёл в другую, в старшую по возрасту бригаду, сам стал наставником. И пошла его жизнь по верной колее, со всеми радостями бытия. Он женился, растит дочь.

И вот звучит это долгожданное, закономерное: «Как хочется жить!» Что может быть для меня, наставника, дороже этих слов?

Листаю дневник... Есть подростки, которым, подобно Олегу Сизову, посвящены одна-две записи. Но есть и такие: что ни день — то происшествие. Вот, скажем, Костя Трофимов.

Представьте мальчугана, который отбился от родительского дома с малолетства.

Двенадцатилетним он был возвращён из Киева, куда уехал, чтобы «посмотреть мир». К семнадцати он побывал уже в двух исправительно-трудовых колониях. За один год на «Электросиле» совершил семьдесят прогулов, мотался из бригады в бригаду, пока наконец от него не отказались все. Старший мастер Роман Евсеевич Воскобойников привёл Костю к нам:

— Может, возьмёте?

Вопрос о том, принять или не принять Трофимова в бригаду, как всегда, решили коллективно. Комсогруппорг Серёжа Машков был немногословен:

— Взять.

В дневнике есть такая запись:

«2 декабря 1966 г. Собрал на совет всю бригаду. Рассказал о Косте всё как есть. Решили — берём.

3 декабря. Наш новичок К. Трофимов стоит на клёпке угольника. Работает отлично. Бригада выполнила «урок» и ушла раньше, в 14.00. Костя продолжал работать. Говорит, нравится.

12 декабря. Обсуждали Трофимова в бригаде — за безбилетный проезд в трамвае и опоздание на работу: задержали в милиции. Сожалеет? Похоже, стыдно перед ребятами. Отпустили в отпуск.

10 января. Досрочно появился на рабочем месте Трофимов: соскучился по делу. Отправил домой, — в отпуске положено отдыхать.

3 марта. Трофимов оставил конвейер и 20 минут отсутствовал, проболтал со знакомой девушкой. Бригада его предупредила.

31 мая. Программу месяца выполнили отменно. Изготовлено 3800 узлов. С первого предъявления сдано 3652 узла, со второго — 147. Лучше других работали Машков, Смирнов, Большаков, Некрасов. Значительно старательнее стал Трофимов.

12 июня. Костя Трофимов сдал на первый разряд. Его поздравили. Горд парень».

Костя — рослый, красивый, уверенный в себе парень. И всё ему давалось легко. Если брался за освоение новой продукции, то показывал необыкновенную сметливость, так что товарищи только дивились: толковый парень Трофимов! Но у Кости, как это часто случается, не было главного — настойчивости и терпения. Поэтому его энтузиазма в труде тоже хватало ненадолго. Добился первого успеха, и сразу наскучило. Решил «поразвлечься».

Первое, с чего он начал,— это перечить бригадиру. Я скажу: сделай так, Трофимов делает по-иному. И слова, и мимика — всё с издёвкой.

Как воздействовали? По-всякому — не только я применял испытанные приёмы рабочей педагогики, но влияли на непокорного и сами ребята. Предупреждали, обсуждали его поведение на собрании. Не раз вопрос стоял так: быть или не быть Трофимову в бригаде? В коллективе оставили, а вот воспитывать продолжали.

Однажды произошло ЧП. Костя опрессовывал узлы и после опрессовки бросал их на конвейер так, что женщины

на противоположной стороне подсакивали. Костя «развлекался».

— Не тратьте на него слов, Степан Степанович,— рассердились ребята.

Они пошли за ним в раздевалку — двадцать парней.

Костя выскочил оттуда бледный.

— Батя! — Он впервые назвал меня так.— Всякие дозы я принимал, но таких ещё не приходилось.

Трудно вмешиваться в подобный ход событий, и всё-таки вмешиваться надо. Не может наставник спокойно созерцать происходящее. В силу коллектива надо верить и доверять ему самостоятельно воздействовать на каждого своего члена (по мере необходимости). Но А. С. Макаренко говорил, что «это вовсе не значит, что мы, педагоги, и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей».

Эти слова, думается, особенно справедливы в случаях острых ситуаций.

Можно ли вообще разрешать «силовые приёмы» в работе с подростками? Думаю, они не исключены, но тут много «но».

Во-первых, это допустимо только в самых крайних случаях, когда использованы все средства воздействия коллектива на личность.

Во-вторых, такие приёмы, конечно, не метод воспитания, а «взрывной» элемент выражения общественного мнения коллектива по поводу случившегося ЧП.

В-третьих, «силовой приём» не должен быть физическим издевательством.

И последнее. Все такие случаи обязательно должны сопровождаться последующим серьёзным разговором с ребятами.

В случае с Костей мне пришлось много говорить с ребятами по поводу использования «силовых приёмов». Они сделали необходимые выводы, — подобные случаи не повторялись. Что же касается самого Кости, то главное состоит в том, что, выражаясь языком ребят, бригада всё-таки «вправила ему мозги». Он стал квалифицированным рабочим. Вступил в комсомол. Но рассказ о нём вряд ли будет полным без одного, на мой взгляд, существенного эпизода.

Ленинградская студия кинохроники снимала в бригаде фильм. Настоящий фильм из двух частей. Его можно было видеть на экране под названием «18 моих мальчишек». Этот фильм мог быть ещё более интересным, если бы в процессе съёмок не произошла такая история.

Идея молодого режиссёра Валерия Гурьянова была хорошая: снять ленту без прикрас, иными словами, запечатлеть жизнь молодых рабочих бригады так, как она есть. Поэтому было решено некоторые съёмки произвести скрытой камерой. Один из подростков, предположим, прогулял. Как будет реагировать коллектив? Но в бригаде, чувствуя присутствие кинематографистов, ведут себя образцово-показательно. Тогда режиссёр решил «организовать» эпизод. Он изучил биографии, как ему казалось, самых неустойчивых ребят и в конце концов остановился на самом Косте Трофимове. У Кости вся «академия» — четыре класса, дважды побывал в исправительно-трудовой колонии. Да и те семьдесят прогулов за год пребывания на «Электросиле» тоже о многом говорят, «Этот пойдёт», — решил режиссёр.

Пригласив вечером Костю в отдел кадров, руководитель съёмки стал уговаривать парня опоздать на другой день на работу.

Костя поначалу сопротивлялся, а когда увидел, что в отделе кадров готовы простить ему это ради пользы дела организованное опоздание, согласился.

Всё было продумано. Костя опаздывает, а заранее установленная скрытая камера фиксирует естественный ход событий: реакцию бригадира (я и члены бригады ничего не знали), ребят. В «заговоре» участвовали только руководители цеха и Костя.

Утро началось в полном соответствии со сценарным планом. Перед началом смены ребята всегда делают зарядку — это помогает войти в трудовой режим. Пришли все, кроме Кости Трофимова. Встревожены ребята. Они недоумённо переглядываются. Волнуюсь и я. Что с Костей?

Зарядка окончилась. Огорчённые члены бригады расходятся по рабочим местам. Стрелки часов неумолимо движутся к урочному часу. И вдруг... в цех влетает Костя Трофимов. Режиссёр онемел от удивления. «Не мог же я подвести ребят...» — сердито заявил парнишка.

«Заманчивый» режиссёрский замысел не удался. Зато удалось другое, неизмеримо более важное,— трудный парнишка стал настоящим рабочим человеком, осознавшим меру своей личной ответственности за общее дело.

ГОРЕ МОЕ ЛУКОВОЕ"

В жизни мне нередко приходилось встречать родителей, которые, образно говоря, стремятся убрать с жизненного пути своего растущего сына или дочери все камни и камешки. Не дай бог споткнутся!

Как-то одна из матерей (общественница, кстати) пожаловалась мне, что не знает, как ей быть с сыном. В один цех устроила — там «сплошь сквернословы». Долго ли до греха — научиться мальчуган ругани. Взяли оттуда сына. В другом — курят. Перевела в третий, и здесь, видит, не все идеальны: есть и нарушители дисциплины, и просто недобросовестные. И оттуда взяла. А теперь что делать? С этим вопросом она и пришла ко мне.

Я, конечно, сказал, что напрасно она сквозь чёрные очки смотрит на рабочие коллективы. В каждом из них есть передовые люди, с которых можно брать пример, и хорошие традиции. Но есть и то, что так возмутило мать: некоторые сквернословят и трудовой порядок нарушают. Как уберечь подростка от дурного влияния? Переводить из цеха в цех в поисках коллектива, где и в помине нет подобных явлений? Вряд ли от этого толк будет. Самое разумное — воспитать в ребятах иммунитет против такого рода воздействий. И воспитывать этот иммунитет нужно не где-нибудь под стеклянным колпаком, в тепличных условиях, а именно в рабочем коллективе. Нарушителями могут быть отдельные личности, а коллектив в целом всегда высоко нравствен, всегда готов противопоставить влиянию аморального человека силу сплочённости, стойкости и неуязвимости. Хочется сразу сказать: если ваш сын или дочь хорошо воспитаны, не надо бояться, что друзья

обязательно окажут дурное влияние на них. Скорее будет наоборот. Взаимосближение и взаимообогащение характеров подростков при умелом и тактичном руководстве взрослых, как правило, дают хорошие результаты.

Правильно говорят: не всё то золото, что блестит. Надо, чтобы подростки, выбирая друзей, знали об этом. Мы обязаны учить ребят не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться. Эти нравственные критерии должны быть, думается, определяющими при советах подросткам в выборе друга — искреннего, сердечного, настоящего.

Многие психологи и педагоги считают, что одна из наиболее примечательных особенностей подростка, его психологического склада — постоянное стремление иметь перед собой живой авторитет, образец, которому хочется подражать, к которому в любую минуту можно обратиться за помощью, советом, поддержкой. Социальная психология среди других потребностей растущего человека отмечает неудержимую потребность в общении.

В моей педагогической практике было немало случаев, когда ребята с отклонениями в поведении делались лучше, чище, интереснее под влиянием друзей, коллектива сверстников. И что отменно: это всё чаще и чаще понимают родители, которым трудно даётся воспитание детей в семье.

В бригаду пришёл отец Максима Н. и сказал:

— Возьмите моего сына. Только рабочий коллектив может поправить сейчас его характер.

О Максике (такое уменьшительное имя закрепилось за ним среди ребят) хочется сказать подробнее. Он вошёл в коллектив бригады сразу, но долго не поддавался его влиянию. И я в шутку часто называю его «Горе моё луковое».

Отец Максима — заслуженный человек. Семья хорошо обеспечена, и недостатка внимания к мальчишке не ощущалось (лишнее доказательство того, что не одна безнадзорность портит детей). Но как это часто случается, последний ребёнок оказался кумиром всей семьи. «Я его одними желточками кормила», — рассказывала мне потом, сокрушённо покачивая головой, мать.

Учился парень в школе с преподаванием ряда предметов на английском языке. Вот строки из его школьной характеристики: «В восьмом классе не успевал по пяти предметам. Дисциплина удовлетворительная. Часто прогуливал, не бывал на уроках. Общественно полезным трудом заниматься не любил...»

Читаю дальше: «Максим проявил артистические способности, участвуя в школьных спектаклях и концертах. Имел постоянное общественное поручение — проведение информации в классе. С поручением справлялся хорошо».

Такая характеристика кого хочешь поставит в тупик. По всему видно, классный руководитель, подписавший её, не в ладах с логикой. Думаю: так кто же этот самый Максим — растущий обыватель, не испытывающий любви к «общественно полезному труду», или просто озорной мальчишка, которому наскучила школа?

В этом предстояло разобраться. Ну а пока мы зачислили его в свою семью. И началось воспитание.

Первые дни на работе шли хорошо. Любое поручение Максим выполнял с жизнерадостным юмором, легко и охотно. Сразу же прослыл в бригаде эрудитом (он действительно много знает, любит рассказывать) и своим парнем.

И вдруг исчез Максим. Нет его на работе день, другой. «Может, заболел, — подумал я. — Всё-таки ломка привычного образа жизни. Подождём ещё денёк-другой».

Между тем парнишка вместе с отцом каждое утро отправлялся на работу. Ехали в метро. Отец — до «Московской», сын — до «Электросилы».

Размахивая поднятой вверх рукой, сын кричал отцу:

— Славно потрудиться!

— И тебе! — отвечал тот радостно.

И сын исчезал в неизвестном направлении. Возвращался домой, как и всегда, в положенный час. Матери показывал какие-то замысловатые конспекты по технической учёбе, в которых она, разумеется, не могла разобраться. Хвалила Максима: «Молодец, осваивай дело...»

Но вот из бригады позвонили домой и Максима разоблачили. Оказалось, что он просто бродяжничал по городу.

Встревожился комсорг, забил тревогу совет ветеранов. Мы вместе искали пути воздействия на подростка. Рассудили так: к провинившемуся поедут не члены совета ветеранов, а Миша Фёдоров. Я видел, с каким восхищением смотрит Максим на Мишу Фёдорова, когда тот с помощью своего виброклепа сноровисто и ловко клекает ушки к стойкам. Миша действительно работал с увлечением, талантливо. Рядом с ним словно сами собой вырастали стопки деталей. В глазах Максима Фёдоров за это короткое время приобрёл неоспоримый авторитет. Его не мог не послушаться парнишка.

Ход сделали правильный, Максим снова встал к конвейеру. Но недолго он был дисциплинированным, старательным. Через несколько дней снова исчез. Где же он?

Вместе с родителями (надо отдать им должное — они уверовали в здоровое влияние рабочего коллектива и всячески поддерживали бригаду) подняли на ноги милицию. А он через две недели живой и невредимый явился сам: отдыхал со школьными ребятами в спортивном лагере...

Подсчитываю: за четыре месяца работы двадцать восемь дней прогула. «Смело» начал парень! Этак, пожалуй, установит рекорд по нарушениям...

Рекорд и в самом деле остался за ним. Он допёк всех — родителей, мастера, меня, ребят. Что было делать с пятнадцатилетним шалопаем?

Совет ветеранов постановил: пусть судьбу Максима решает коллектив. Разумеется, администрация цеха не смотрела благодушно на то, как новичок попирает установленные нормы поведения. Впоследствии она во всю силу проявила свою власть (об этом скажу позже), когда чаша терпения переполнилась. А пока за подростка отвечала бригада, она его воспитывала.

Очень рассердились на Максима ребята. Даже Саша Травкин, один из самых юных моих воспитанников (он пришёл к нам четырнадцатилетним), добрый по характеру парнишка, и тот не выдержал:

— Не верю я Максику. Его честное слово затёрто до дыр. И потому я — за исключение.

И всё-таки коллектив большинством голосов (из двадцати выступавших членов бригады пять были за исключение) оставил мальчишку в бригаде, веря в хорошие качества, которые в зародыше есть у каждого подростка.

Что было потом? Опять нарушения. Испробована вроде последняя мера — бригадное собрание. Максим не сдержал слово, данное товарищам. Надо избавляться от подростка, иначе это пагубно отразится на воспитании других, ослабнет дисциплина в бригаде (Максиму, мол, можно, а нам — нельзя?). Об этом мне уже не раз говорили начальник цеха и председатель цехового комитета.

Но мы не сдавались. Снова и снова начинали, казалось, с нуля борьбу за Максима Н. Ни свет ни заря приезжали ребята по моему поручению, а то и я сам к нему на квартиру, чтобы он не уехал с приятелями за город, увлекали на завод.

Каждое ЧП обсуждалось в тот же день — шумно, бескомпромиссно... Саша Бровин втянул его в эстрадный оркестр — не было там «ударника», и им стал Максим. Парень заинтересовался оркестром, но выходки свои продолжал.

Словом, способы и меры воздействия на Максима П. мы применяли те же, что и в отношении других подростков. И потому не буду подробно на этом останавливаться. Скажу только: в период взросления Максима мне пришлось пережить немало «приятных» минут, разговаривая о нём с руководителями цеха.

Тут я несколько отвлекусь от рассказа о парне, потому что вопрос о взаимоотношении руководителей и наставников важен не только для нас, электросиловцев, но и для работников других предприятий, где внедряется наставничество.

Очень часто во время встреч с наставниками других предприятий меня спрашивают: «Как цеховое начальство относится к подросткам-нарушителям?» Да так же, как и везде: терпит.

Что значил, например, двухнедельный прогул того же Максима Н. для цеха? Коллектив не получил классного места в соревновании. Восемьсот человек (и это из-за одного подростка!) лишились премии. Ясно, на молодёжную бригаду начинают смотреть косо не только администраторы, но и рабочие. Но выход из столь сложного положения всё же можно найти.

Я не предлагаю менять условий соревнования. Думаю, что коллектив правильно лишается классного места, если в нём есть нарушение трудовой дисциплины. Однако надо учитывать, кто нарушитель. Если взрослый рабочий, то коллектив в силах на него воздействовать. А подросток? Чтобы он всё понял и стал считаться с интересами других рабочих, мало одного желания наставника, нужно время.

Вот поэтому нельзя подходить ко всем с одной меркой — пора выработать свои требования к цехам. А то получается несправедливо: наставники воспитывают новичков, и они же за это и наказываются. Поправить положение в наших силах.

А пока страдают не только наставники, но и подростки. История с Максимом И.— красноречивый тому пример. «Шалости» парнишки, как мы видим, дорого обходятся коллективу. Один и восемьсот! Весы клонились явно не в пользу мальчишки. В душе я хорошо понимал начальника цеха, когда он, потеряв терпение, решил уволить Максима. Но мог ли я, наставник, согласиться с этим? Излишне об этом говорить.

Меня вызвали на заседание цехового комитета, да не одного, вместе с Максимом. Мои протесты (считаю непедagogичным воспитывать наставника на глазах подростка) ни к чему не привели. Мы сели рядом. Проект приказа об увольнении подростка по ходатайству начальника цеха был уже подготовлен. Речь шла только о согласии цехового комитета на это увольнение.

Я понимал: упустить момент сейчас никак нельзя. Обрушился на всех — и на начальство, и на членов цехового комитета. Говорил о том, что против славы воспитателей рабочей молодёжи (за цехом она укрепилась прочно) они не возражают, а когда приходится из-за молодого рабочего пострадать, хотят отделаться от трудного подростка. Разве это укрепляет авторитет цеха? Мои слова только подлили масла в огонь. Дали мне здорово за моё, как сказали собравшиеся, самоуправство.

— Вы не удельный князь,— заявил мне начальник цеха.— Заставим вас считаться с решением коллектива.

Летели от меня, как говорится, пух и перья: ни во что не ставлю интересы коллектива, унижаюсь перед мальчишкой (обвинили и в этом), еду к нему по утрам домой

(помните — бригадный уговор ловить его, пока он спит, и везти в цех). А парнишка не безродный — отец ответственный пост занимает. Просмотрел сына, а теперь коллектив страдает...

Максим сидел и широко раскрытыми глазами смотрел на это сражение. Когда речь зашла об отце, он вспыхнул, вскочил со своего стула:

— Вы обо мне говорите. Я вас подвожу. А папу не трогайте, не трогайте! — И убежал, заплакав.

Что сказал я в своё оправдание? То же, что сказал бы на моём месте любой другой: отец парнишки не жалел себя для Родины в годы Великой Отечественной войны. И теперь, когда он попал в трудное положение с воспитанием сына-подростка, коллектив обязан помочь ему.

...На конвейере меня ждал Максим. Видимо, он сочувствовал мне. Подошёл и, сжав кулак, погрозил куда-то в сторону:

— Ничего, Степан Степанович, мы им покажем!

Мы — это и я. Негласный союз наставника и трудного мальчишки. Что-то он даст?

Резкий разговор на заседании комитета, конечно, не мог пройти бесследно. Это была встряска и мне и ему. Я думал: либо поведение мальчишки теперь изменится (приказ об его увольнении директор отменил) в лучшую сторону, либо для него не останется больше авторитетов и бороться за него станет ещё труднее.

В жизни каждого человека бывают моменты, когда он по-другому начинает смотреть на окружающий мир, на себя. Разговор на заседании цехового комитета неожиданно стал для Максима таким поворотным моментом. Волнения этого дня заставили его задуматься о себе, о ребятах, которые без разговоров приняли его в свою семью, о родителях, тяжело переживающих за сына, отбившегося от рук.

**Рассказывает отец Максима Н.
Филипп Ерофеевич**

Когда допустили ошибку в воспитании сына и в чём именно, мы с женой долго не понимали. Но такое, увы, случилось, и было бы верхом беззаботности не видеть дурных последствий. С родительских собраний жена приходила с головной болью. Учителя один за другим сообщали ей неприятные вещи: Максим не выполняет домашних заданий, Максим подрался с товарищами, Максим ушёл с урока...

Сын становился, как говорят, неуправляемым. В этом, как пи тяжело, необходимо признаться. Все наши попытки повлиять на него не приносили результата. Он сочувственно выслушивал наши уговоры, соглашался, что пора браться за ум, и... делал по-своему.

В ту пору он кое-как перешёл в восьмой класс. Его будущее было для нас совсем неясным. Допустим, он окончит ещё класс, другой. Но скоро ли человек с его ленью, неверием в авторитеты найдёт своё место в жизни? Такой вопрос приводил в растерянность и меня и жену.

Вот тут-то я и прослышал про удивительного кудесника (а как точнее скажешь?!) с «Электросилы», который умеет покорять сердца мальчишек, обуздывать их упрямые характеры. Специально приехал на завод, разыскал Степана Степановича. Побывал в бригаде, поговорил с его подопечными. Решение пришло тут же: возьму Максима из дневной школы (можно учиться и в вечерней), пусть познаёт, как создаются материальные ценности, и сам научится трудиться и уважать труд других. Тем более, что Степан Степанович обещал мне в этом всяческую помощь.

Стоит ли говорить, что такое решение у многих моих знакомых вызывало недоумение: «Сына — в цех? Большой пенсии, что ли, не хватает?» Но сам Максим, по всему видно, по-своему обрадовался: не надо рано вставать и идти в школу — опостылела она ему.

Но вставать пришлось — работа в бригаде требовала дисциплины. «Вы не волнуйтесь, Максим хороший мальчик», — весело пощёлкивая глазами из-под очков, успокаивал меня бригадир. Я же, признаться, поначалу не верил в оптимизм Степана Степановича. Думал, пройдёт неделя-другая, и мой сын покажет себя. И он действительно показал. Были и опоздания, и прогулы. Но удивительно: здесь не говорили: «Забирайте своего сына», не теряли в него веру. Просто с ним, как и с другими неподатливыми на воспитание, воевали много и долго.

Члены семьи, повседневно соприкасающиеся с Максимом (у меня есть ещё сын и дочь), не сразу заметили перемену, которая происходила с ним. Очевидно, и он сам был в этом виноват: демонстративно старался быть прежним — грубым, неводержанным, самовольным. И только однажды, когда собрались в доме гости (не помню, по случаю какого торжества), Максим поразил всех. Он не рвался куда-то, не дёргался, как обычно, а вместо со всеми чинно сидел за столом, предлагал старшим закуски и не забывал при этом говорить «пожалуйста». Роль заботливого хозяина ему так понравилась, что он решил в тот вечер до конца удивить нас: взял гитару и спел несколько песен для гостей. Раньше он не снисходил до них...

Наши друзья не узнавали Максима. «Уж не болен ли он?» — спросил один из них. Нет, он не был болен. Он вырос, и давала себя знать (не могла не дать) та большая работа, которую вели с подростками бригада и её наставник.

В чём секрет рабочей педагогики С. С. Витченко? В егоприятии мальчишек такими, какие они есть. Он считает, что и поозорничать они должны, — такой у них возраст. А вот мы, старшие, часто этого не понимаем, требуем от подростка, чтобы он в пятнадцать лет и думал и поступал, как мы в сорок — пятьдесят.

Дело воспитания молодёжи сложное, и главное здесь вот в чём: с одной стороны, надо ребят направить на определённый путь, а с другой — не парализовать волевую сторону характера.

Подстерегает большая опасность: можно сделать ребят скучными, раньше времени старающимися быть взрослыми людьми. У Степана Степановича подростки долго ещё остаются подростками, только отношение к окружающему у них, естественно, меняется.

И ещё. Витченко ведёт себя с ребятами не как командир, а как друг, понимающий и их обиду, и горечь, и ещё детскую порой радость.

Однажды передо мной во всей ясности открылась его воспитательная лаборатория, если можно так сказать. Я сам получил наглядный урок педагогики.

Было так. Днём домой позвонил бригадир: «Максим не пришёл на работу. Что с ним?» Семья — в недоумении. В пять вечера является сын. Говорит — с работы. И началось! Каждый высказал всё, что он думал о Максиме. В ответ — презрительное молчание, потом обрывки каких-то фраз и в довершение крик: «Я ухожу от вас. Ухожу навсегда!»

Хлопнула дверь. Можно представить, в каком мы были состоянии. Первая мысль: бежать, вернуть. Но не будет ли такая уступка последней на пути утраты родительского авторитета?! Казалось, мы больше никогда не сумеем найти общего языка.

Но вот раздаётся звонок. Открываю. В дверях Степан Степанович, около него сын — пальто нараспашку, по лицу размазаны слёзы. (Наставник, обеспокоенный разговором по телефону, после рабочего дня приехал к нам на квартиру и на улице, оказалось, встретил сына.) Витченко уже знал, что произошло: ему по дороге обо всём рассказал сын.

Перед наставником встала дополнительная задача — вернуть сына семье, без этого дальнейшее воспитание подростка невозможно.

Они сидели рядом в соседней комнате. Я слышу тихий участливый голос наставника и задиристый моего сына: «Нет, я не буду с ними жить!»

Снова спокойное «Подумай!» и снова «Нет». Но это «нет» звучит уже менее уверенно. Максим выходит в прихожую, снимает и вешает пальто, — он согласен подумать.

Степан Степанович отдал вечер трудному мальчишке. И мне, отцу. Он не давал мне советов — два часа он проговорил в соседней комнате с сыном. О чём — могу только догадываться. Но когда дверь за ним закрылась, ко мне пришёл сын и сказал: «Прости меня, папа!» Я заснул в ту ночь с облегчённым сердцем.

Увы, это была не моя победа. Что только я не предпринимал, чтобы хоть раз услышать это: «Прости, папа!» Но тщетно. Это сделал наставник — просто, без нажима, ни разу не повысив голоса. Вот почему я зову его кудесником.

Степану Степановичу Витченко я во многом обязан тем, что в нашу семью пришло спокойствие. Мы не волнуемся, как прежде, за завтрашний день сына. Максим обещает быть честным и трудолюбивым человеком. А это уже немало.

Что помогло нам выстоять в борьбе за Максима Н.? Терпение. Сколько раз наши попытки завладеть сердцем этого парнишки, найти к нему ключик кончались ничем... Мы терпели неудачу за неудачей. Велик был соблазн оскорбиться за себя, сказать: «Всё, хватит. Раз человек не ценит хорошего, пусть живёт как знает».

Я знал немало отцов (не наставников — отцов), которым вот так отказало терпение, и они предоставляли свободу своим непослушным сыновьям: живи как сможешь. Отцы потом спохватывались, вновь пытались взять под своё влияние вконец испортившихся подростков. Насколько теперь было всё сложнее!

Терпение нам не отказало. Максим год проработал в бригаде. За это время он заметно изменился, хотя борьба за парня продолжалась. Сомнений не было — рос интересный и трудолюбивый человек. Кое-кто усмехнулся: ну а начальник цеха? Да, и он тоже

терпел. Роман Евсеевич Воскобойников — хороший хозяйственник, он понимал, что готовить рабочую смену надо у себя в цехе.

Однажды начальник заглянул в бригаду. Подошёл ко мне, кивнул на Максима.

— Работает-то, работает-то как! — сказал он восхищённо. Незлопамятный Воскобойников человек.

— Верить в молодёжь надо, Роман Евсеевич...

— А я что — не верю? — смеётся.

(А подтекст такой: если он не верит в молодёжь, так кто же верит?)

Трудно Воскобойникову. Это так. Сегодня в цехе все подростки сведены в бригады. Нет кустарей-одиночек. Нет предоставленных самим себе. В цехе теперь тридцать бригад, работающих на один наряд. Во главе ребят — наставник. Хвалят Романа Евсеевича на совещаниях и собраниях: прогрессивный, дальновидный. Почётно.

И никто не знает, что на сердце у начальника кошки скребут: а вдруг какой-нибудь подросток уже «отмочил номер» и лишает всех завоёванного в соревновании места? Ох и не легко быть «прогрессивным»!..

Зато когда кто-то из мальчишек становится на ноги, перестаёт быть трудным — начальник рад. Заинтересованно печётся о его дальнейшей судьбе, думает, куда его определить в будущем.

...В тот период в бригаде было тридцать воспитанников. Почти все они теперь твёрдо стоят на ногах. И в этом помог ребятам рабочий коллектив.

Запрокинув рыжую вихрастую голову и прищулив один глаз, парнишка с минуту стоит в раздумье возле проходной. Чтобы пройти, нужен пропуск. Это он отлично знает. Два года с видом хозяина ходил он мимо строгой вахтёрши в форме. А сегодня у него пропуска нет... Как же поступить? Парнишка решает: была не была! Обогнув завод, он лезет через забор и попадает в объятия... дружинника.

Вот факт в его, так сказать, голом виде. Из него следует: молодой рабочий нарушил установленный пропускной режим. Ему полагается дисциплинарное взыскание.

Если подходить формально, то да, положено. Ну а если вникнуть в существо, в детали, если понять психологию поступка?

Давайте попробуем войти в положение юноши. Сашко Рыжов — призывник. Только вчера распрощался с заводом: оформил «бегунок», снялся с комсомольского учёта и получил деньги. Теперь уже, если и захочешь пройти мимо вахтёра с независимым видом, не выйдет: пропуска нет, он сдан.

Что ж, с близкими друзьями договорились встретиться вечером, а с остальными ребятами не успел. Не дело, не может он ещё раз не повидаться с ребятами.

Вот что, собственно, заставило его перемахнуть через забор. Меняет ли это дело? В принципе нет. Но ведь можно сделать скидку на причину поступка. В душе где-то даже возникает уважение к Сашко: пошёл на неприятности (он не мог об этом не знать) лишь затем, чтобы проститься с ребятами.

Как непохож этот Сашко на того парня, который пришёл когда-то к нам в бригаду! За этим «нельзя не проститься с товарищами» — человек с ясными представлениями о дружбе.

Каким был Сашко, когда впервые появился в нашей бригаде? Мы знали одно: он недавно вышел из исправительно-трудовой колонии. А раз так — никто к нему с расспросами не лез (такой у нас уговор), чтобы не бередить рану. Он потом всё рассказал сам. Семья у него, как мы говорим, неблагополучная. Мать вынуждена много работать, отец пьёт. В доме пятеро детей.

В жизни Сашко было всё: и скитания по домам приятелей, и ночёвки в склепе на кладбище, и, наконец, исправительно-трудовая колония.

Его освободили досрочно. Уезжал из колонии не по годам повзрослевший. И только «Рыжик, иди сюда!», услышанное им на перроне вокзала от случайно встреченного товарища, напомнило ему, что у них ещё пора детства.

Сашко было шестнадцать, когда он пришёл к нам в бригаду. Мы его учили работать, поставив перед собой задачу вернуть его в круг сверстников. Вернуть ему семью мы были не в силах. Бригадная семья должна была заменить Сашко настоящую, окружить его вниманием.

Не уверен, всё ли мы сделали, но старались. Во всяком случае, ребята не раз слышали от Сашко: «Я в бригаде отдыхаю. Здесь мой настоящий дом».

Дома у него фактически не было. Но Сашко помнил — он в семье старший, приносил матери деньги с получки и исчезал на неделю-другую. В семье не знали, да, пожалуй, и не особенно интересовались, где Сашко. Поэтому на бригаде лежала двойная ответственность за него. Товарищи всегда были в курсе, у кого Сашко сегодня ночует, вместе думали над тем, что купить ему с получки.

Был ли я, как бригадир, строг с Сашко? Старшие ошибаются, когда думают, что молодёжь тяготеет к добреньким наставникам. Наоборот, она предпочитает, несмотря на внешние проявления недовольства, строгих наставников. Я требовал от Сашко так же твёрдо, как и от остальных, помня, однако, о его семье. Прежде чем принимать какое-то решение, старался взвесить все «за» и «против».

Вот, скажем, такой факт. Сашко опоздал на работу. Первое, что обычно приходит на ум,— наказать за опоздание. Уж только потом следует вопрос: почему человек опоздал? А должно быть наоборот: сначала необходимо выяснить причину. А причина есть: пьяный отец на час позже завёл будильник, и у всей семьи — опоздание.

Сашко смотрит мне в глаза и морщится от огорчения. Он боится: наставник может не поверить. Стоит ли удивляться,— ведь раньше мало кто ему верил. Но я не сомневаюсь, и не только потому, что меня подкупает этот чистый взгляд, естественное смущение. Сашко каждое утро раньше всех на полчаса, а то и на час приходит в цех (привык рано вставать), и мы вместе готовим конвейер к началу рабочего дня. Он не виноват в случившемся. И я знаю: приказа по цеху на Рыжова не будет, и мастер меня поймёт.

Как-то поведение Сашко разбирали на бригадном собрании,— прогулял. Тут уж не было никаких послабляющих моментов. Всыпали парнишке товарищи как полагается. Понял. Дал честное слово: больше такого не повторится. А раз понял — чего сердиться? После собрания все вместе пошли в буфет пить газированную воду. Сашко постоянно чувствовал, что он не один, он в коллективе.

Вернёмся, однако, к вопросу: осуждать или не осуждать парня за его последний поступок, когда он, чтобы попасть на завод, перелез через забор? Многие, надеюсь, другими глазами посмотрят теперь на провинившегося.

Во всяком случае, надо иметь жестокое сердце, чтобы не понять, как важно было для Сашко проститься с товарищами.

К сожалению, мы очень часто забываем, что иногда должны быть снисходительными к подросткам. Забываем, что когда-то мы сами были такими же, и вводим строгий запрет на всё. И уж судим безапелляционно: разгильдяи, отпетые. А какие же они отпетые, когда многим из них нет и шестнадцати?

Куда было бы проще, будь у бригады взаимопонимание с родителями Сашко. Но их самих, отца в частности, надо воспитывать. Очень уж мы деликатничаем, по-моему, с теми, кто бестолково воспитывает своих детей, будущих граждан нашей Родины.

Прямо скажу: не уважаю и считаю душевно малокровными людей, которые бросают своих детей на произвол судьбы. Я при этом и таких родителей имею в виду, которые кормить-то кормят и даже как картинку одевают своё дитя, а характером его, внутренним содержанием всерьёз заняться у них, видите ли, времени не хватает. «Пусть школа воспитывает...»

Не случилось мне вот уже много лет видеть, чтобы какого-нибудь папашу так же серьёзно, как за брак на производстве, отчитали при народе за неправильное воспитание сына или дочери. А разве это только личное, внутреннее, семейное дело?! И ведь испорченная молодая судьба в тысячи раз дороже, чем запоротая на производстве деталь. Так почему же мы столь снисходительны к горе-отцам и матерям?

Сколько крови пролито, сколько жизней отдано, чтобы наши великие идеалы восторжествовали! И судьба этих идеалов — в руках наших детей. Нет и не может быть поэтому вокруг нас «чужих» мальчишек и девчонок. Все они наши дети и наши наследники.

Рассказывает
Александр Рыжов

Как попал в исправительно-трудовую колонию? По глупости. Встретил ребят — вместе в хоккей играли. Спросили: можешь спрятать спортивный инвентарь? Привели в сарай. Смотрю, целое богатство — клюшки, коньки. Спрятал у себя на чердаке.

...Из колонии за хорошую работу освободили досрочно.

Приехал в Ленинград днём. Нашёл в условленном месте ключ от квартиры. Завалился спать. Слышу: «Витька, ты опять в школу не пошёл?» Сорвала с меня одеяло мать, а как увидела, что за брата Витьку меня приняла, залилась слезами: «Пришёл, сынок, вернулся... Как жить-то дальше будешь?!» Станный вопрос. Ясно как: пойду работать.

Так я оказался на «Электросиле».

В бригаду Степана Степановича пришёл после того, как побыл кустарём-одиночкой в другом цехе. Специальность та же — ученик слесаря. А какая разница! Пришёл на завод — гол как сокол. Хочется заработать, чтоб приодеться. А мастер, смотрю, даёт мне одну мелочь. За три копейки день пробегаю. Надоело. Пришёл в отдел кадров, говорю: куда хотите переводите — работать на старом месте не буду. В это время в отделе кадров сидел Степан Степанович, он и говорит: «Переходи к нам».

Тогда я не знал, какое это счастье работать в молодёжной бригаде. Согласился так, чтоб от мастера отвязаться. А когда пришёл в бригаду, сразу понял: вот где здорово!

Поставили меня на виброклеп. Вставляю втулку в приспособление — нажимаю на рычаг. Снова вставляю. Потом развальцовываю. И так деталь за деталью. Ящик наполняется. Бригадир глядит из-под очков. «Хорошо. Хорошо,— приговаривает.— Теперь посмотрим, как у тебя будет получаться сверловка». А сверловку стоек из специальной стали поручают не каждому. Это потом сказали. А когда встал, ловлю на себе любопытные взгляды: как, мол, чувствуешь? А чувствую себя плохо: не успел вставить сверло — затупилось.

Вставляю другое — не берёт. Кровь прилила к щёкам — стыдно. Костя Бахарев смеётся: «Не робей, сталь-то эта особенная, и затачивать свёрла надо особенно».

Свёрла мне затачивали и бригадир, и ребята. Думал, в конце смены ругать будут, а они удивляются: для первого, мол, раза молодец. Пришла получка, когда заглянул в ведомость у кассира, то увидел, что моя зарплата мало отличалась от зарплаты других ребят. Бригада меня приняла в свой коллектив без испытаний и липших слов.

Я понимал: расположение должно быть взаимным, старался не подводить ребят. Но однажды, после очередной скандальной ночи дома, проспал. Ругали здорово на собрании. Но ни рапорта начальнику цеха, ни жалобы старшему мастеру на меня не последовало. Бригадир сказал: «Сами разберёмся». Мог ли я подвести их ещё раз?

Прошло семь месяцев. И вот ко мне подходит Костя Бахарев: «Санька, почему не вступаешь в комсомол?» — «В комсомол? А разве мне можно, Костя?» — «Это ты брось, Саня! — Костя развернул меня своими сильными, крепкими руками, внимательно заглянул в глаза,— Завтра собрание...»

Я не верил своему счастью. Принимали меня вместе с Таней Ивашенцевой. Вечером за ужином один из братьев сообщил: «В нашей семье теперь есть комсомолец...»

Мной гордились — я это чувствовал. Никогда в жизни не было так хорошо и спокойно на душе. Особенно нужным я себя почувствовал, когда дали мне общественное поручение — шефствовать над восьмиклассниками школы-интерната. Иногда думаю: ну какой из меня шеф?! А как приду в класс к ребятам, вспомню, что сам бегал от занятий,— понятнее для меня роль воспитателя становится. Может, я пришёл к этим ребятам в самый трудный момент их жизни? Может, мне проще, чем кому другому, их понять и уберечь от ошибок? Обо всём этом я много думал сначала. Пришёл к выводу, что нужен этим ребятам. И мне с ними интересно.

И в бригаду пришли вчерашние школьники. Будут у нас работать. Пока ещё желторотики, но ничего, быстро вникают в дело. Особенно этот задиристый — Юра Басманов. Скоро я уйду служить в армию. Он встанет на моё место. Всё в бригаде идёт как надо.

Особо хочу остановиться на контактах с родителями. Тема эта большая, требующая педагогического исследования, и я не беру на себя смелость осветить её со всех сторон. Это дело педагогов, учёных. Скажу лишь о том, без чего нельзя, на мой взгляд, успешно воспитывать рабочих на производстве.

Пока подросток ходит в школу, родителей вовлекают в педагогический процесс. Получил «двойку» — в дневнике отмечено; набедокурил — строгая запись: «Зайдите к классному воспитателю». Кончилась четверть — идёт обстоятельный разговор о поведении, прилежании и характере ученика или ученицы. К этому мы все привыкли. Родители знают: не придёшь на собрание в школу — вызовут, а ещё хуже — сообщат на предприятие, где работаешь. Так что со школой шутить не следует.

Но пришёл подросток на завод, и рвутся эти самые контакты. А что там в цехе, какие парнишка несёт радости и огорчения коллективу и самому себе — этого чаще всего родители, не знают. Скрыла мальчугана заводская проходная от глаз... А почему? Ведь он по возрасту тот же школьник, только обстоятельства изменили условия, в которых он живёт.

У себя в бригаде мы решили открыть заводскую проходную для родителей. Без тесной и, главное, регулярной связи с ними бригаде трудно было рассчитывать на успех в нелёгком деле воспитания подростков. Есть в нашем плане работы с родителями и официальные встречи — собрания отцов и матерей совместно с ребятами непосредственно в цехе.

Устраиваем мы для родителей новичков экскурсии на конвейер, показываем рабочее место сына, знакомим с ребятами, которые работают рядом. Они начинают ясно представлять, как проходит жизнь их подрастающего сына в цехе. По вечерам отцу с матерью есть теперь о чём спросить его. Не было случая, чтобы мы не пригласили родителей на какие-то бригадные торжества во Дворец труда. Это, так сказать, работа, которую видно, за неё можно отчитаться. Но не менее важно и то, что не поддаётся «учёту».

Вася Клыков решил посмотреть Москву. Бабушка в смятении — матери дома нет, парнишка на её попечении. Звонит наставнику.

— Выручайте, Степан Степанович! У Васи билет уже на руках!

Звонок вовремя. Вася ещё не ушёл из цеха. Разговариваю. Аргумент у парня, как ему кажется, веский:

— Мне уже шестнадцать. Я взрослый. Что она (бабушка-то) привязалась. Хватит меня за ручку водить...

Вместе пытаемся разобраться, так ли уж плоха бабушка и надо ли ехать в Москву. А что, если, предлагаю, организовать поездку в столицу всей бригадой?

А через день снова звонок, уже на квартиру:

— Уехал всё-таки Вася...

В понедельник Вася оправдывался:

— Ездил я не один, Степан Степанович. Скажите, разве можно было подвести товарища?

— А бабушку можно?

Вася молчит. Думает. Это уже хорошо. Чаще всего подростки не размышляют над своими поступками. С утра до вечера в беготне. Одни шалости сменяются другими. А думать надо. Полезно побыть наедине с собой, вспомнить свои поступки — всё ли было правильно?

Я не предотвратил поездки Васи в Москву, но зато знаю:

в союзе с бабушкой в конце концов мы победим строптивый характер парнишки: он доверяет мне и на бабушку начинает глядеть совсем по-иному.

Отношения с родителями складываются по-разному. Иной раз рассчитываешь на помощь, понимание, а в ответ слышишь: «Вы наставник — вы и воспитывайте».

И кто говорит? Опустившийся, потерявший совесть, вроде отца Сашко, человек? Если бы так! К сожалению, подобный взгляд нередко бытует и среди передовых рабочих.

Был у меня как-то неприятный разговор с бригадиром слесарей Титовой. Она молодая, поэтому я зову её просто Тамарой. «Неладно,— говорю, — Тамара, получается. Спихнула в бригаду своего Сашу и довольна. А парнишка от работы отлынивает, через день опаздывает. Кто же воспитывать его будет?» — «Как кто? — вижу удивлённые глаза.— Вы наставник, у вас на это есть время...» Вот как!

Контакт с Тамарой Титовой бригада всё-таки установила. В своё время, когда сын ещё учился в школе, Тамара любила говорить в кругу подруг: «Чтобы я своего Сашу отдала в эту бригаду сорванцов? Никогда того не будет!»

И что же? Осваивать профессию привела Сашу в нашу бригаду. Парнишка от этого только выиграл.

Саша — избалованный мальчик. Он не знает, что такое недостаток в семье. У него самые современные курточки, новые сорочки, никаких обязанностей дома.

И в цех подросток пришёл с теми же представлениями. Какое преступление в том, если кто-то на конвейере поработает за него? Саше Титову деньги не нужны, о нём позаботятся родители.

Да, советские люди стали лучше жить. Перед глазами растущий достаток в каждой семье. Её реальные доходы увеличились.

Это факт. Почти в каждом доме — телевизор, холодильник, транзисторный приёмник. А как одеты сегодняшние школьники! Расход на детей, несомненно, растёт быстрее дохода родителей и поглощает всё большую часть семейного бюджета. Я был удивлён цифрами, приведёнными в одной из статей «Правды». Оказывается, расход на одного мальчика-восьмиклассника повысился за последние двадцать лет в три — три с половиной раза, а на девочку девятого-десятого класса — почти в пять раз!

Ничего в этом плохого, конечно, нет, если воспитание подростка вносит коррективы в этот поток благ. Для формирования здоровых нравственных принципов юношеству нужен серьёзный труд, дополняющий учение. А что в семье? Чаще всего учение, учение и больше никаких обязанностей. Потом разводим руками: «Парень вышел из повиновения. Возьмите на завод, сделайте из него человека!»

Легко сказать!

Но приходится, делаем. Как мы поступили в случае с Сашей Титовым, который всё время просыпал? Перенесли ему время начала работы. Он стал (в порядке исключения) приходить в цех вместе с матерью, на час раньше других подростков.

Поясню, в чём дело. У нас в объединении серьёзно думают над тем, как сделать более эффективной работу по воспитанию молодых рабочих. В частности, на заводах фирмы одно время был изменён режим рабочего дня подростков. Они приходили в цех не как обычно — к началу смены, а на час — три позже (в зависимости от возраста) . Это днём. В вечернюю смену — наоборот: подростки уходили раньше взрослых рабочих.

Что это давало? Прежде всего, при таком режиме подросток хорошо отдыхает — ему не нужно рано вставать и поздно

ложиться спать. Далее, приходит на работу, когда мастер или бригадир уже обеспечил заданиями основных рабочих и готов заняться ребятами. Кончают парнишки работу в одно время с родителями. И это плюс: идут не на улицу, а домой, не уходят из-под контроля.

Такой облегчённый режим рабочего дня для подростков существовал более двух лет. И мы, наставники, в данном случае считали его целесообразным. Но затем с целью повышения эффективности труда для всех рабочих и служащих установили единое время прихода на работу. На мой взгляд, для подростков можно было бы сделать исключение. Тем более, что и работают ребята при таком режиме эффективнее, но особенно ощутимы его преимущества при установлении тесных контактов с родителями.

Как я представляю себе хорошего отца? Мне кажется, он должен быть похож на Валентина Ивановича — отца Славика Туркина. Работает Валентин Иванович на участке, где проходят практику школьники. Для мастера работа не заканчивается за дверями проходной. Он и дома любит помастерить: то разберёт и починит старый будильник, и он у него начнёт работать, как новый, то вычерчивает детали на бумаге, да с таким увлечением, что забывает про всё.

Единственно, что он никогда не забывает,— посвятить в свои дела сына.

— А ну-ка, Славик, помоги мне. В геометрии ты посильнее.

И начинается у сына с отцом путешествие в мир точных расчётов — на сотые доли миллиметра, в мир строгих формул, которые в школьных учебниках лишены материальной плоти, а здесь, в объяснениях отца, всегда простых и попятных, вдруг оживают, превращаются в конкретные марки стали, режимы закалки,

классы чистоты обработки.

Поздним вечером отец зовёт мать, говорит весело:

— Сегодня мы с сыном отличились. Решена задачка, над которой я на работе не один день бился. За тобой — пирожное...

Вот так заводские заботы отца незаметно вошли в жизнь сына. Вначале были просто забавной игрой — на смекалку, сообразительность, затем увлечением — докопаться до истины, найти оригинальное решение, а к моменту окончания школы — призванием. Отец хотел, чтобы сын пошёл по его стопам. И добился этого педагогической мудростью старшего, умением увлечь сына тем, чем увлечён сам.

Правда, детство давало себя знать и в Славике Туркине. Но он вырослел вместе со всей бригадой, и, возможно, быстрее, чем другие ребята: ему активно помогал в этом отец.

И что особенно ценно: с возмужанием Славика пустит на заводе свои корни рабочая династия Туркиных. Какие это хорошие слова — «рабочая династия»! Здесь и верность традициям, и преемственность поколений, и дружба.

У нас в объединении «Электросила» много подобных династий — Носковы, Савельевы, Громы. В таких семьях профессиональная гордость, уважение к труду передаются из поколения в поколение.

РЕКОМЕНДАЦИЯ В ПАРТИЮ

День выдался удачный: бригада досрочно выполнила заказ — более пятисот контакторов ушло на сборку. На участке появилась «молния». Она начиналась словами: «Приветствуем передовиков...» Передовики — это вся наша бригада. У ребят было отличное настроение, ибо каждый понимал, что и его лепта есть в общем успехе. Может, именно это настроение и приободрило Валентина Шевырёва — белокурого плечистого парня. Он подошёл ко мне и, отозвав в сторонку, сказал негромко: «Мне бы поговорить с вами надо, Степан Степанович. По личному делу...»

— Это какое ж ещё личное дело? — усмехнулся было я, но взглянул на парнишку и понял: не может он вот тут, прямо при товарищах, сказать.

Пошли с работы за проходную вместе. Смущаясь и краснея, Валентин высказал сокровенное: «Хочу, Батя, попросить у вас рекомендацию в кандидаты партии...» — светлые глаза Валентина смотрели доверчиво, ожидающе. Он надеялся, что наставник его поймёт...

Откровенно говоря, эти слова Валентина означали для меня нечто большее, чем просто просьбу человека, пусть и важную. Наступал новый этап в развитии бригады — её мужание. И не столько возрастное — некоторым ребятам уже перевалило и за двадцать, — сколько духовное. В конце концов этот процесс был закономерным. Ребята выросли, овладели профессией, научились жить интересами коллектива — естественно, пришло желание идти вместе с авангардом цеховых рабочих — коммунистами.

И в этот ответственный для них рубеж в жизни кто их должен поддерживать? Конечно, бригада, наставник. Они лучше всего знают, какой жизненный и политический багаж нажит молодым рабочим за годы, проведённые в коллективе.

Я вспоминаю, каким Валентин пришёл в бригаду, его озорные проделки (а разве можно без них в подростковом возрасте?), его духовное становление.

...Валентин смутно припоминал случившееся...

...Из Бориса Бизера токарь бы вышел, можно сказать, золотые руки. Надо сделать труднейшую деталь — он, чтобы удивить всех, «выложится» и выточит деталь классно, красиво. Но изо дня в день не любил стоять у станка. Больше по цеху сновал с ребятами — туда-сюда, пока мастер не шуганёт.

Тогда Борис задумал какую-то каверзу. Но Валентину некогда было следить, у него деталь на станке. Когда Борис оттянул сбоку его ремень, Валентин не понял, что, собственно, происходит. И вдруг почувствовал: начало печь спине... Оглянулся — Борис и ещё двое весело смеялись: их забавляло, как Валентин извивается от тлеющей под рубашкой пакли, которую они ему подсунули.

И вдруг рубашка вспыхнула факелом.

Валентин уже не помнил, как упал возле станка, как рабочий Евгений Яшин, поняв, что подобная «шутка» может кончиться трагически, не растерялся и в считанные секунды оказался возле Валентина, накрыл его своим телом, затушил огонь...

Этот эпизод, можно сказать, стал центральным в пьесе «Цветы на асфальте» ленинградского драматурга Анны Кайдановой. Молодой рабочий Дмитрий Ерохин (прототипом его стал наш Валентин Шевырёв) в пьесе умирает. Это, пожалуй,

единственное отступление от фактов, действительно имевших место в жизни нашего маленького коллектива.

Но Валентин не умер. Он поправился и снова пришёл в цех.

С этого-то момента, можно сказать, и началась его жизнь в нашей комсомольско-молодёжной бригаде. Ребята сами его пригласили (до этого случая он работал на механическом участке, самостоятельно), сказали: «Переходи к нам, у нас ребята что надо!»

Меня же подкупил тот факт, что Шевырёв был одним из главных «ходатаев» перед работниками милиции, просил не наказывать строго Бизера.

Бориса, конечно, судили за хулиганство — и совершенно правильно, — не о нём сейчас речь. А вот в поступке Шевырёва — и человеческое великодушие, и чувство товарищества, и забота о младшем. Как у него сложится жизнь дальше?

Позже я не раз убеждался в этих его хороших человеческих качествах. Пусть они проявлялись в мелочах — сегодня он показал товарищу, как проще закрепить деталь в станке, завтра навестил больного друга, послезавтра вступился за мальчугана на улице, — за этим стоял человек неравнодушный. Это неравнодушие проявлялось и в работе. Плохо он просто не мог делать: совесть парнишке не позволяла. Имело значение и то, что все в бригаде трудились на равных условиях.

У нас в бригаде приспособления лежали на виду у всех, и, если молодой рабочий предпочитал им мускульную силу, доставалось ему от всей бригады. Валентин оценил это правило. Научился пользоваться прогрессивным инструментом. И мне, бригадиру, нелегко было порой соревноваться с такими ребятами, как Валентин. Но как спасовать руководителю? Никак нельзя.

Помню, такой был случай. Сидели на разгонке стоек — так называется самая сложная и трудоёмкая операция — поочерёдно Валентин Шевырёв и Вячеслав Грачёв. Старались оба. Но вот незадача: поругали бригаду в тот день на «оперативке» — задержала она партию деталей. Я и упрекнул Грачёва:

— Медленно, дружок, работаешь...

А он мне обиженно:

— Садись, Степан Степанович, на моё место...

Что делать? Сел. А работа не то чтобы ускорилась, ещё медленней пошла (я в тот период только-только во главе этой, второй своей бригады встал) — одну стойку разогнал с грехом пополам, другую отложил в сторону — не получилась разгонка, взялся за третью. Вижу — прячут ребята улыбочку в глазах: виданное ли дело — бригадира в калошу посадили!

Ничего, думаю, смейтесь. Только в голове гвоздём засела мысль: как же мне эту самую разгонку одолеть? Правда, в то трудное время меня здорово выручил Валентин Шевырёв — он хорошо владел разгонкой. Можно было его и оставить на этой операции. Но гордость заела. Поэтому чуть свет — я уже в цехе, ломаю голову над разгонкой. И нашёл-таки свой способ, придумал для этого своего рода «вилку» — и пошло дело! Теперь не было «узкого» места на конвейере. Шевырёва и Грачёва пересадил на соседние операции. С разгонкой справляюсь сам. Ребята притихли — не поспевают теперь за мной...

А я ликую при мысли: ведь вы, неугомонные, заставили наставника одержать победу над собой...

Да, Валя Шевырёв во многом повторил путь своих сверстников, работающих в нашей бригаде, стал хорошим слесарем-сборщиком, активным комсомольцем (в то время он являлся членом комсомольского бюро цеха). Но было у него и то, что отличало его от многих, делало на голову выше: это

обострённое чувство ответственности. Ему смело можно было поручить ребят, выезжающих на работу в подшефный совхоз,— присмотрит, для всех найдёт дело и сам сидеть не будет — понимает, что личный пример имеет решающее значение.

Можно было поручить и выступить на собрании перед молодёжью. Скажет хорошо, от души. Запомнилось его выступление во Дворце труда, когда посвящали в рабочий класс очередное пополнение. И хотя, как Валентин потом рассказывал, дрожали у него при этом колени, говорил горячо, убеждённо. Ратовал за бригадный способ организации труда молодых рабочих. Я слушал и думал: растёт пропагандист, боец за движение наставников!

И вот сейчас: «Хочу вступить кандидатом в партию...» Это закономерно, этого следовало ожидать.

Забегая вперёд, скажу: за свою долгую жизнь я дал рекомендации в партию десяткам людей. Пятнадцать из них были молодые рабочие из нашей комсомольско-молодёжной. Но эту рекомендацию я писал с особым чувством — она была одной из первых, данных мной здесь, в цехе. Много я передумал, склоняясь над листом бумаги. Взвешивал слабости, недостатки в характере Валентина (а они у него, как и у всех нас, были) и верил: партийная организация продолжит воспитание этого комсомольца.

«Кандидатом партии быть достоин» — такими словами я закончил рекомендацию, данную в тот год Валентину Шевырёву.

Рассказывает

Валентин Шевырёв

На «Электросиле» я уже около пятнадцати лет. Срок вроде бы не большой, а как изменилось отношение к молодёжи! Если парня используют не по специальности, сегодня за это могут вызвать и на партийное бюро.

Я же, начиная фрезеровщиком на соседнем предприятии, столкнулся с полнейшим равнодушием к новичкам. Молодые должны были до всего «доходить» сами. Даже приспособления опытные рабочие припрятывали. Видя такое, пожаловался я в отдел кадров. А через неделю в цехе мне предложили: уходи-ка ты, парень, по собственному желанию...

И я ушёл, но вскоре поступил в аппаратный цех «Электросилы». Тут и познакомился со Степаном Степановичем. Вот как это произошло.

Как все мальчишки, я был в то время озорной. Бегаешь по цеху — все новости знаешь. Вдруг слышу: создаётся «полковничья» бригада. Ну, думаю, шутка! А вовсе не шутка, оказалось. Работал бригадир полковников (это и был Витченко) как раз напротив моего станка. Смотрю на него, думаю: заслуженный человек, а каким пустячным делом занимается — стружку снимает. Чудно мне всё это было. Только потом, уже в его молодёжной бригаде, понял: не может этот человек сидеть сложа руки, натура у него такая.

Наш Батя — что дед в старых сказках — мудрый, добрый.

Работал со мной в бригаде мой друг Туркин. Степан Степанович любил его подзадоривать:

— Успеешь ли? — спрашивает.

— Запросто, — отвечает Туркин.

— Покажи на деле, — энергично говорит наш Батя.

И Туркин из кожи вон лезет, показывает.

Нас Батя часто ругал. Но зла при этом на сердце не держал, Мы подтягивались под его придиричивым взглядом. Сидит, бывало, пригнув голову и смотрит поверх очков, все ли заняты делом.

Однажды схватился: нет очков.

— Куда подевали, душа из вас вон!

А мы дружно смеёмся:

— Да они у вас на лбу, Степан Степанович!

Очень, казалось нам, был смущён тогда Батя.

А как-то пропала киянка (на сей раз это приспособление ребята действительно припрятали), и снова слышим:

— Душа из вас вон, киянку украли...

— Да вот же, Батя, она, — говорим мы, незаметно для него водворяя киянку на прежнее место.

Видим удивление на лице бригадира. Хором все от души смеёмся. Все. И бригадир тоже.

Только с годами я всё чаще и чаще задаю себе вопрос: к го над кем тогда подшучивал — мы над наставником или наставник над нами? Скорей всего, он. Теперь я знаю, что воспитание на положительных эмоциях — тоже метод, которым широко пользовался ваш наставник.

На партийном собрании цеха Шевырёва приняли единогласно кандидатом в члены КПСС. Членом партии он уже стал во время службы в мотострелковых частях Советской Армии. «Расстояние между нами небольшое — всего два локтя по карте» — смеялись ребята, провожая Валентина на Дальний Восток.

Но кончилась служба — и потянуло парня домой, в свой родной цех. Он возмужал, в плечах стал шире и ростом как бы выше. Правда, теперь он трудился не в нашей, молодёжной бригаде, а на соседнем участке — настройщиком. Однако это не мешало нам знать всё о нём, а ему — о бригаде.

Мог ли я, дав Валентину рекомендацию в партию, не думать о том, каким путём он пойдёт, как сложится его дальнейшая жизнь? Излишне даже спрашивать. И никто не удивлялся, когда нас видели вместе во время обеденного перерыва то тут же, у конвейера, то в красном уголке. Говорили по душам, секретов у парня от меня не было.

Я знал все события, происходящие в его жизни. Женился Валентин — поздравляли всей бригадой. Перешёл на последний курс

техникума — победа, тоже поздравляли. Предложили парню возглавить «малярку» — пришёл посоветоваться. Участок ответственный — попробуй, не обеспечить покраску узлов — продукция не поступит к потребителю вовремя. Да ещё на участке работают одни женщины — одна другой бойчее, за словом в карман не лезут, если что не так — не посмотрят, что начальник...

— А может, всё-таки рискнуть, принять предложение начальника цеха? — Голубые глаза Шевырёва так же, как в тот памятный для меня день, смотрят с надеждой и вопросом. Я вижу — парню хочется испытать свои силы — в конце концов кончает техникум. И говорю: «Дерзай!»

Как-то заглянул в «малярку» — Валентин и его подопечные все в краске. На полу — листы металла. Их надо обезжирить, промыть бензином, нанести на них пульверизатором слой грунта, потом покрыть эмалью. А потом — в электропечь. К такой работе привыкнуть надо. Но глаза у парня блестят. Нравится Шевырёву его новая работа. Только трудно. Прежний мастер по запаху определял краску. А ему, Шевырёву, во всё вникать приходится — азы проходить. Потому трудно.

Есть на участке своя техника. За неё мастер должен головой отвечать. Иногда приходится оставлять трансформатор включённым в сеть на ночь. В такие ночи Валентин не засыпал ни на час — всё казалось, что на участке случилось непоправимое. Едва дождавшись утра, он бежал на завод. Но всё было в порядке. Он окончательно успокаивался, убедившись, что печь работает на заданном режиме.

Нет, не техника подвела Шевырёва. Как-то Валентин встретил меня в раздевалке и сказал глухим голосом:

— Иду ко дну, Батя!

Я присмотрелся к парню — осунулся как-то за последний месяц, на себя не похож.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Плохо дело, Батя! Не справляюсь я со своим женским коллективом. Прямым ничего не говорят, а внутри, чувствую, сопротивление...

— Может, показалось?

— Не показалось. Пока план давали, заработки были хорошие, принимали меня таким, каков я есть. А вот теперь, когда дела пошли хуже, начали роптать. Одна так прямо и заявила: «На губах молоко не обсохло, а командовать мной захотел — не выйдет!»

— На неё управу найти можно,— рассердился я,— вызвать хотя бы на профгруппу, внушат товарищи...

— Да права она, Батя. В том всё и дело. Я сам не чувствую сейчас в себе уверенности. И чем дальше, тем больше. Не по Сеньке, видать, шапка...

— А что Роман Евсеевич?

— Всего начальник цеха не знает. Но через месяц-два прорыв на участке будет очевидным для всех. Цеху тогда придётся трудно.

— Коллектив подводить нельзя.

— Я уже принял решение, Батя. Завтра же иду к Роману Евсеевичу. Пусть переводит меня опять в слесари.

Теперь я снова видел его в рабочей спецовке — он трудился на одном из соседних участков слесарем-сборщиком. Я не раз спрашивал себя, что это было у Валентина — проявление слабости или, наоборот, силы духа? И пришёл к выводу: победила сила духа. Он поступил как настоящий коммунист.

ВОЛОДЯ ХОЧЕТ ЖИТЬ „ОБЪЁМНО“

На перроне Московского вокзала оживлённо. Вот-вот грянет оркестр: поезд с делегатами XVI съезда ВЛКСМ приближается.

Мы пришли на вокзал всей бригадой встречать нашего Володю. Кто больше горд за Целуева — я, наставник, или ребята,— сказать трудно. Во всяком случае, ребята взволнованы не меньше меня. Это видно по их лицам. И когда Володя показался на ступеньке вагона, в распахнутом пальто, с развевающимся шарфом, такой простой, свой,— парнишки разом ринулись к нему и стали бурно выражать свой восторг: в их бригаде работает теперь член Центрального Комитета комсомола.

А я стоял рядом и думал: испытание славой не из лёгких. Выдержит ли его Целуев?

Ведь у рабочих людей очень придирчивое отношение к популярности. К товарищу, завоевавшему известность, строго присматриваются: не подхватил ли ты, друг, бациллу зазнайства?

А «друг» чувствует себя, выражаясь аллегорически, почти канатоходцем. Каждый шаг надо взвешивать, во всём держать равновесие. И конвейер рядом тот же, и работаешь по-прежнему, и с ребятами разговариваешь по-старому. Да только на тебя уже смотрят по-новому. Как же! Ты теперь не просто слесарь-сборщик Целуев, а большой общественный деятель.

И живёт сейчас Володя в большом беспокойстве. Так ли уж всё хорошо в его группе? Ведь ясно — дело не только в нём самом. Особый интерес к Целуеву — из-за ребят, что всегда рядом с ним

и очень уважают его, из-за тех превращений, которые происходят с этими ребятами. Иначе говоря, интерес большой потому, что комсомольская группа Целуева считается одной из лучших в городе и области.

Будет правильным сказать: Володя Целуев и комсомольская группа — это одно целое.

Но сначала о Володе. Некоторые говорят, что он чуть ли не с пелёнок всё понял, знал, как надо жить. Действительно, существует мнение — психологи сейчас на эту тему много дискутируют, — что основы личности закладываются в самом изначальном возрасте — от двух до четырёх лет. Не буду спорить с наукой. Но, очевидно, нельзя не учитывать и многие другие факторы, влияющие на формирование личности человека в последующие годы. В три года мы ещё не встретились с Павкой Корчагиным, в четыре — с Мересьевым. И в пять — а это особенно существенно — не знаем ещё, что такое коллектив и что есть ты в нём.

Да, Целуев не был трудным подростком. Но после девятого класса он взял и оставил школу. Это «взял» можно расценить по-разному. Лень, легкомыслие? Ни то, ни другое. Скорее — ранняя ответственность перед родителями, которым надо было помогать. Да и выбор специальности был для Володи серьёзным испытанием — он не имел определённого тяготения к какой-либо профессии. Хотелось туда, где имеют дело с точными машинами, ходят в белых халатах. А объявление привело в цех «Электросилы», на слесарный участок. Здесь руки рабочих были в металлической пыли и в машинном масле. Не отступил. Первое проявление характера. Причём самостоятельного характера.

Володя часто имеет дело с твёрдой сталью. Добровольно идёт на чёрную и трудную работу. Спросят гости (они у нас в цехе

часто бывают): «Где же Целуев?» — веду к станку, у которого стоит Владимир. Поднимет голову — чёрный весь, только глаза и зубы сверкают. «Труженик», — уважительно говорят ребята о своём товарище.

Действительно, Целуев в бригаде очень вырос. Он по большому счёту хороший слесарь, у него пятый разряд, рационализатор.

Володя проходил в бригаде своего рода аспирантуру — учился руководить, работать с молодёжью и как заместитель бригадира, и как комсогруппорг.

Мы уже говорили, что он умеет ладить с ребятами, В этом ему помогают общительный характер, доброта и одновременно требовательность. Где шуткой, где приказом он может заставить парнишек считаться с интересами коллектива.

Есть бригады, которые работают как часы. Устаревший образ, согласен. Но точнее не скажешь. Всё пригнано, всё отлажено. А стоит бригадиру по каким-то причинам не прийти неделю на работу, как в этом отлаженном механизме начинают ощущаться перебои, будто вытащили из него главную деталь, стержень, на котором всё держалось. Моё мнение — не надо быть бессменным опекуном, постоянно водить подопечных за ручку. Особенно если в бригаде есть старшие по возрасту ребята. Не должен парень всё время жить только чужим умом — и свой развивать надо, привыкаться самостоятельно шагать по жизни и проявлять в ней активность...

Проба сил Целуева происходила во время моего отсутствия. Володе нравилось это состояние ответственности.

А раз назвался бригадиром — действуй по-бригадирски, воспитывай, учи, смотри, чтоб никто без дела не сидел и от конвейера не бегал. Целуев, когда оставался, всегда отлично справлялся с этими обязанностями.

Накануне столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина я в составе советской профсоюзной делегации поехал в Чехословакию. Признаться, беспокойно было у меня на душе — не подвели бы ребята. А когда вернулся, вот что они мне рассказали.

Понадобились контакторы для автомобильного завода в Тольятти, причём в большом количестве и срочно. Комсомольцы поняли, что от них зависит серьёзное дело — дело общегосударственного масштаба, и старались вовсю. Володя приходил к семи утра, чтобы получше подготовить рабочие места, организовать труд в бригаде. Ведь за смену бригада должна собрать три сотни узлов, на каждую операцию — всего одна-две минуты. Впрочем, был и рекорд — пятьсот тридцать пять узлов. Короче говоря, управились.

Эту школу бригадирства проходили в бригаде попеременно многие ребята — и Костя Бахарев, и Серёжа Машков, и Коля Иванов, и Юра Гартвиг. У каждого свой метод подхода к ребятам. Костя Бахарев (не было в бригаде более рослого парня, чем он) брал строгостью (с чем я, разумеется, никак не мог согласиться): прикрикнет, и присмирят ребята. Целуев же действует по-иному: у него расчёт на товарищеское понимание, и потому в ходу шутка, улыбка и серьёзное: «Давай не будем, дорогой товарищ».

Сегодня никто не станет утверждать, что быть организатором молодёжи дело простое. Какие для этого нужно иметь качества характера? По-моему, комсогруппорга прежде всего должны отличать чуткость, способность глубоко вникать в психологию других ребят. Хороший вожак молодёжи обязан разбираться в людях, знать особенности их характеров, уметь быстро заинтересовать делом. И ещё: положительно воздействовать на других, используя различные средства, вплоть до строгого приказа.

Отвечал ли Целуев этим требованиям? Несомненно, Вот несколько примеров из его отношений с ребятами.

Обеденный перерыв. В закутке между стеллажами с деталями сгрудились ребята. В центре комсогруппорг. Володя приехал тогда из Москвы, с XVI съезда комсомола. Целуев говорил увлечённо, временами энергично помогая себе жестами.

Но вот справа в углу — возня: кому-то суют за шиворот маленькие детали.

— Давай не будем, — отрывисто бросает Володя. И продолжает рассказывать.

Реплика не помогает. Возня продолжается. Целуев быстро устремляется в угол, вырывает очередную деталь, не успевшую попасть за шиворот. Порядок восстановлен. Рассказ не прерван ни на минуту. Много вопросов, почти дискуссия.

А после беседы вдоль конвейера бегают Юра Фомин с металлическим ошейником из каких-то незнакомых ему шуток. Просит ребят разгадать головоломку — расцепить ошейник. Ребята не могут, авторы «изобретения» посмеиваются. Последняя инстанция — Целуев. Володя расцепляет в одну секунду. Тоже урок мастерства. И опять в чей-то адрес звучит: «Давай не будем».

Что поделаешь, эти слова приходится употреблять часто и по более серьёзным поводам. Немало в группе было пацанов — работали недавно. И бригада для них не бригада, а весёлая компания. Проявлять неповиновение — для них удовольствие. Интересно, что противопоставит их шалостям комсогруппорг?

А комсогруппорга уже не проведёшь, он мастер разгадывать головоломки. И скоро Володя Целуев становился непререкаемым авторитетом для каждого такого пацана.

Однажды срывался культпоход в театр. Билеты на новый спектакль достали с большим трудом, а потом от них отказывались:

прослышали, что спектакль «рядовой». Ко мне прибежала девчушка из культсектора комитета комсомола: «Что делать?» И тогда я предложил: один билет должен купить Володя Целуев.

Побежали к Целуеву:

— Выручай!

— У меня сегодня занятия на подготовительных.

— Выручай. Уйма билетов пропадает...

В цехе узнали, что «Целуев идёт». Мигом расхватили билеты, даже спрашивали, нет ли лишнего.

Откуда у Целуева этот дар завоёвывать симпатии мальчишек? Он приобрёл его в работе, в общении с ребятами. Он учил их, колл-лектив — его, на ребятах проверял свои методы работы с молодёжью.

Из заметки в газете

«Смена»

Откуда-то пошла мода мастерить из проволоки рапиры. Фехтовали на рабочем месте, естественно, в рабочее время. После работы — какой интерес?

Отберёт мастер такую рапиру, отвернётся — её уже нет: мастеров «гвардия» не признавала.

И сказали Целуеву; делай что хочешь, только участок — не спортивный зал.

Поначалу он не знал, как лучше подойти к ребятам. И сам взялся за рапиру. В обеденный перерыв уводил ребят из цеха — Где-нибудь на пустыре устраивали соревнования.

Только ничего из этого не вышло: увлекались, забывали время окончания обеденного перерыва.

Тогда он стал отбирать рапиры и на глазах у ребят скручивал их в спирали. Злились, конечно, но что любопытно — ни разу ни от кого Целуев не услышал угроз, никто не обещал встречи «в тёмном переулке», хотя с другими на такие обещания не скупились.

«Недостаток» — молодость — обернулся преимуществом. Вероятно, из глубин дремлющего сознания «гвардии» всё-таки поступала подсказка, что Целуев действует так не потому, что он «начальство», а потому, что на этот счёт имеет своё твёрдое мнение. А характер «гвардия» как-никак уважала.

Справился Целуев с фехтовальщиками. Гораздо труднее было другое.

При Витченко существовал порядок, по которому каждый член бригады, если он справился со своей работой раньше других, обязан помогать товарищам. Однако не все новички желали считаться с этим правилом.

Вот, например, Володя Кузьмин. Закончил работу и в ожидании, когда соберётся достаточно много заготовок, гуляет по цеху. Формально он вроде прав: если товарищ не поспевает, не его в этом вина. А если по совести? В прошлый раз, когда он не успевал, ему помогали.

— Кончай курить! Или дела не найдёшь?

— Доннер веттер, что за жизнь! (Это означает — со мной поступают несправедливо.)

— Почему несправедливо? В прошлый раз тебе помогали?

— Никто не просил!

— Ладно, как знаешь...

На следующий день ставят Кузьмина на самую трудоёмкую операцию. Завалять его заготовками ничего не стоит. Достаточно тому же Целуеву, Косте Бахареву, Саше Козьмину встать на предыдущую операцию.

Так и делают. Кузьмина уже не видно за заготовками, а темп растёт. Он уже взмок, а детали всё прибывают. Парень молчит, кусает губы от злости. Понимает, конечно, чем это вызвано.

Единственная мера принуждения, которой пользовался Витченко. Пригодилась она и Целуеву. Безотказно действовала.

Только это уже, так сказать, морально-этическая тематика. А бывали заботы попроще.

Исчезла бригада. Где искать?

Целуев иногда находил ребят на пожарном водоёме, когда они, соорудив из бросового дерева плот, резвились на водной глади.

А однажды затеяли катание на вагонетке. Разогнали вагонетку по наклонному пути и, довольные, помчались, улюлюкая, радуясь скорости. Вагонетка пробила дверь склада, разбросала всё, что было на пути. Наломали дров. Ладно хоть обошлось без увечий. Ребята есть ребята. Как с взрослых не спросишь.

Перед вступлением Целуева в бригадирскую должность Витченко предупредил его:

— Ничего не добьёшься криком. Возраст твой особенного уважения им не внушит. Но понять ребят тебе легче. Постарайся увлечь их работой...

Как видим, труд — надёжный товарищ. Работай Володя, как говорят, из-под палки, с ленцой, не завладел бы он сердцами. Целуев несколько лет подряд избирался комсогруппоргом и считал это своим главным комсомольским поручением, хотя он уже был тогда членом Ленинградского обкома ВЛКСМ и членом бюро Центрального Комитета комсомола.

Надо ли говорить о том, какую помощь мне, как бригадиру, оказывали Володя и комсомольская группа в целом? Скажу только, что группа — главный инструмент в настройке ребят, в их воспитании. А комсогруппорг — дирижёр, которому в силу его способностей позволено вести за собой оркестр.

В группе (у нас в бригаде все комсомолы) молодёжь хочет жить «объёмно». Это любимое словечко Володи Целуева. И знания должны быть «объёмными». Что это значит?

Прежде всего надо разбираться в политических вопросах, понимать и хорошо знать ленинские заветы. Я не раз беседовал с ребятами о работах В. И. Ленина «Задачи союзов молодёжи» и «Как организовать соревнование?». Беседовать старался так, чтобы мысли вождя вдруг ярко освещали привычные, будничные хлопоты, делали их особенно значительными. Вот, например, такие слова Владимира Ильича: «...задача состоит в том, чтобы учиться». Знания сейчас особенно нужны рабочему. А как же те, которые ходят в школу через два вечера на третий? Выходит, мыслят они пока не по-рабочему, а по-мальчишечьи.

Вообще-то, всякую «серость» в группе презируют. Потому и к политинформациям, которые проводил член бригады Геннадий Чугунов, проявляли интерес. В иное время заговорят об одном, а дойдут до космоса. Тут и о международном сотрудничестве в космических делах начинают спорить, и о технических тонкостях.

Каждый спешит показать свою начитанность. Бывает, в такой лес забредут, что и не выбраться вроде. И здесь приходится вступать в разговор комсогруппу. Чтобы убедить, в голове надо уйму фактов держать. Даже в специальные журналы заглядывать.

Такие споры, конечно, полезны, но ведь это не система. Мало послушать пересказ ленинской статьи, нужно, чтобы каждый её прочитал самостоятельно да сумел потом выступить на Ленинском уроке. Шесть человек занимались в цеховом кружке «Кругозор». А остальные? Почти все — в школе. Там есть уроки истории, обществоведения. Надо бы лучше следить за успеваемостью по этим предметам. Так что в подобных вопросах Целуева не совсем удовлетворяло состояние дел. «Необъёмно» получается.

Зато вполне доволен другим. Тем, что группа оставалась группой и за проходной завода. Нет такого положения, чтобы после работы: «Знать друг друга не знаем».

Были экскурсии по ленинским местам. Я видел фотографию: стоят ребята на Марсовом поле, и глаза у всех устремлены на Вечный огонь...

Из Музея истории Ленинграда шли молча: о чём говорить, когда перед ними ожили дни блокадного города. Надо только крепче запомнить.

Не всегда, конечно, ребята охотно шли на экскурсии. Водились у иных юношей леность, нежелание расширять свой культурный кругозор. И если откровенно, то в Русский музей многие пошли, как говорится, в порядке комсомольской дисциплины. А потом были довольны, ибо явно обогатились и на следующий день поразили остальных товарищей своими познаниями.

В некоторых комсомольских организациях подчас встречается предубеждение против культпоходов: зачем, мол, за руку водить,—

нынче и сами все умные, грамотные. И относят это мнение ко всем: и к подросткам, и к взрослым. Рассуждения, конечно, удобные — избавляют от дополнительных организаторских усилий.

А в группе Целуева давно отвергнут такой взгляд. Здесь установилась традиция: на все театральные премьеры ходить вместе. И холостые идут, и женатые — вместе с супругами. Специальных обсуждений не устраивают, вполне достаточно обмена мнениями — до хрипоты. Традиция эта распространяется не только на культпоходы, и сейчас даже трудно сказать, где её истоки. Может быть, родилась она на живописных берегах карельских озёр, куда группа отправилась как-то в двухдневный туристский поход. Или во время регулярных вылазок в ЦПКиО, куда-нибудь в пригороды. Или на вечера отдыха в кафе «Электрон». Привычка быть вместе могла возникнуть и в часы семейных торжеств: у одного — на дне рождения, у другого — на свадьбе.

Уж коль речь зашла о свадьбах, скажу, что отличную комсомольскую свадьбу в кафе «Электрон» устроил цех для Володи Целуева и Тани Шпатенко. Помните ту невысокую девушку в халатике с белым воротничком, что когда-то так энергично встала на защиту озорных подростков? Таня закончила техникум и теперь работает на заводе в одном из отделов. Живут молодые дружно. Таня всё делает для того, чтобы у Володи было поменьше семейных забот: ведь он студент-заочник Высшей партийной школы.

Стремление ребят быть вместе вошло в привычку. Впрочем, не привычка это, а настоящая дружба. А что может быть важнее, необходимее этого для комсомольской группы, в которой все хотят жить «объёмно»?

Увлечённо работает группа. Здесь всякое мероприятие, указанное в плане, имеет приписку: «Выполнено».

А ведь ежемесячно — по крайней мере одно комсомольское собрание, две политинформации, одна-две беседы, не менее двух экскурсий и непременно официальный рейд в школу. Кроме того, почти каждый месяц — субботник, дежурство в дружине и разные цеховые дела.

Володя с радостью оглядывается на прожитое: не было зряших дней, не было пустых дел. Маленькое и неприметное поначалу потом обязательно становилось полезным для всех. Собственно, всё это и есть настоящая комсомольская жизнь.

Рядом с Целуевым интересно. Поэтому помощников достаточно. Рейд в школу провести? Это забота Любы Бурановой и Люды Чистяковой. Культпоходы, КВН, создание в цехе своего эстрадного ансамбля? Здесь специалист — Саша Бровин. Вылазки за город организует другой Саша — Козьмин. А с таким делом, как подготовка стендов для наглядной агитации, справится и Юра Петряков, хоть он и новичок в бригаде.

Выходит, группа Целуева образцово-показательная? Вижу ухмылку на лицах некоторых активистов. Не образцово-показательная. Просто лучшая в цехе группа бригады имени 50-летия ВЛКСМ.

Но хорошие примеры заразительны. Целуевскую группу начали догонять и другие комсогруппы: и Сергея Шишкина, и Люды Рюминой, и Юры Щепетнова. Кроме того, в объединении давно сложилась стройная система соревнования комсогрупп — определены показатели, регулярно подводятся итоги. Так что никаких особых условий никому на «Электросиле» не создают. Каждая группа должна иметь своё лицо и поручение: одна — поддерживать связь с родственным предприятием в ГДР, другая — шефствовать над 6-б классом 372-й школы. И так для всех.

ЗАГЛЯНЕМ В БУДУЩЕЕ...

— Мы должны решить для себя: будем ли плыть по течению, не зная, куда несёт и куда вынесет, или строить свою жизнь по плану?

Именно так остро и прямо был поставлен вопрос перед участниками собрания. За длинным столом, где обычно проходят заседания членов парткома объединения «Электросила», на этот раз собрались подростки. Рядом с ними сели партийные и комсомольские активисты, социологи. Разговор был одинаково новым для всех — и для юных, и для их старших товарищей. Вместе они заглядывали в будущее бригады, в следующую пятилетку.

В жизни довольно часто приходится слышать такое: «Главное в воспитании молодёжи — это заставить её работать». Но мало дать человеку в руки лопату и сказать: «Двое — грузы, третий — вези». Нельзя успокаивать себя тем, что человек занят делом, а остальное в воспитании, мол, довершит труд. Это неверно. Труд без одновременного идейно-политического и нравственного воспитания не принесёт желаемого результата. Нужен комплексный подход ко всему делу воспитания.

Я, как наставник, и комсомольские активисты бригады давно думали о проблемах развития личности каждого члена нашего коллектива. Проанализировав многолетний опыт проведения Ленинских зачётов, и в особенности общественно-политических аттестаций комсомольцев, мы пришли к выводу: необходимо перспективно планировать дальнейшее социальное развитие каждого молодого рабочего, повышение его общеобразовательного, политического, профессионально-технического и культурного уровня.

Так родилась идея составления плана социального развития бригады и каждого молодого рабочего на пятилетку.

Любой ли подросток сегодня скажет, что ясно видит свою цель, место, которое он займёт в обществе через три – пять лет? Далеко нет. Многие из них живут одним днём. Для некоторых ребят спина папы или мамы по-прежнему служит надёжным прикрытием от забот. Такая беспечность идёт от возраста — большинству ведь по пятнадцать-шестнадцать лет. Но это уже и не дети. Через три-четыре года с них будет спрос как с полноценных рабочих. Какими они будут?

Всё зависит от того, что в них заложат на первой стадии трудового становления в бригаде, то есть от нас, старших, от ясного понимания стоящих перед нами обязанностей. «На одном из первых мест в идеологической работе, которую проводит партия, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — стоит воспитание в советских людях нового, коммунистического отношения к труду». Эти слова, можно сказать, адресованы нам, наставникам, отвечающим за подготовку рабочей смены. Воспитатели подростковых бригад обязаны не только передать вступающим в жизнь свой опыт и знания, но и привить им лучшие черты, свойственные рабочему классу Советского Союза.

Срок прохождения жизненной школы под руководством наставника небольшой — в среднем два – два с половиной года. За это время надо научить молодёжь жить с перспективой, осознанно планируя её. Нужны конкретные цели бригаде. И ребята их наметили, исходя из задач, которые поставлены перед электромашинистами.

Вот что они записали в комплексном плане развития своего коллектива на девятую пятилетку: «Каждый молодой рабочий

должен иметь среднее образование. Таково веление времени, требование научно-технической революции. Мы будем осуществлять это в своей бригаде».

Кроме того, решили значительно повысить квалификацию каждого молодого рабочего. В бригаде одиннадцать рабочих имели первый разряд. Все они в ближайшее время должны были пройти курс обучения в школах передового опыта и получить второй разряд. Курсы повышения квалификации стали посещать те, кто постарше, поопытнее. В результате пятеро получают третий разряд, двое — четвёртый.

В этом бригадном плане есть ещё и такая графа: за пятилетку обучить профессии слесаря-сборщика приходящих в бригаду подростков.

Все эти годы бригада работала по технически обоснованным нормам взрослых рабочих. Но, несмотря на это, бригада не только обучала, но и давала устойчивую выработку. Девяносто пять — девяносто девять процентов аппаратов сдаётся с первого предъявления.

Но резервы для дальнейшего повышения производительности труда были. Из чего они складывались?

1. Освоение нового конвейера.

Ещё совсем недавно за транспортёрной лентой располагалось пять бригад. Тесно, бывало, некуда детали класть: вся лента занята. Одна деталь на другой. В результате снижалось качество, падала производительность труда. Из-за скученности не совсем рационально было расставлено оборудование. Это тоже влияло на выработку.

Когда создавали новый конвейер, то были учтены все требования бригады. А после пуска его в эксплуатацию хозяйкой ленты стала комсомольская бригада. Но возможности нового конвейера использованы ещё не полностью. Задача — «выжать» максимум продукции.

2. Механизация ручных работ.

Чтобы свести ручные работы до минимума, будут внедрены различные средства, в частности специальный станок для сверловки и зенковки стоек.

3. Специализация членов бригады.

Пооперационный труд, как известно, самый производительный. В основном в бригаде так и построена работа. Но кое-кто из ребят выполняет сразу по нескольку операций. Например, Геннадий Чугунов и Геннадий Бабанухин собирают узлы. Из-за них иной раз бывает затор в бригаде,— не успевают. На новом конвейере появилась возможность расчленить эти операции.

— Есть и ещё резерв — ликвидация потерь рабочего времени...— Это сказал во время обсуждения плана Юрий Петряков.

Факт, достойный того, чтобы быть отмеченным. Юрий — один из самых молодых, пришёл в коллектив недавно. Но из уклада бригады понял: с опозданиями, посторонними разговорами на конвейере надо кончать.

Что такое потерять бригаде десять минут? Это пятнадцать комплектов узлов.

— План развития бригады много даёт как бригаде в целом, так и каждому из нас. Речь идёт о развитии личности...— увлечённо развивал тему разговора на собрании комсомгруппорг Владимир Целуев.— И, конечно, на первом месте вопрос об отношении к избранной профессии — удовлетворяет она молодого рабочего или нет.

Перед самым собранием в бригаде произошёл неприятный инцидент, вызвавший в цехе много толков.

Один из лучших рабочих бригады Юрий Песков заявил, что хочет перейти на работу в инструментальный цех. Там у него брат-однолетка. Кончил брат техническое училище и работает теперь слесарем-инструментальщиком. Придёт к нему Юрий и смотрит: интересное дело!

А Юра на сверловке в бригаде аппаратного цеха в корифеях по выработке ходит: больше его никто не даёт. И вдруг:

— Ухожу. Надоело мне давить дырки!..

Некоторые восприняли это как скандал: уходит из бригады хороший рабочий. Зачем готовили, силы тратили?

И только в самой бригаде не было паники. Мы считали: процесс этот закономерный. Бригада — лишь ступенька на лестнице роста. Не сегодня-завтра такое должно случиться с каждым. И случается.

Правда, Песков передумал уходить из бригады, решил это сделать после возвращения из армии. Зато уходят другие, но, замечьте, на более сложную работу. Станислав Туркин, например, теперь возглавляет поисковую связь в цехе. На общей сборке трудятся Борис Гуслистый, Константин Бахарев, Александр Козьмин, Валентин Шевырёв. Разметчиком стал Николай Богомолов, а Владимир Смирнов — гальваником. И хотя их заработок временно понизился (в бригаде все ребята хорошо зарабатывают), молодые рабочие довольны: интересно!

Исследования, проведённые социологами, убедительно показали, что для молодого рабочего, начинающего свой трудовой путь, имеющего, как правило, среднее или неполное среднее образование, наиболее важными являются содержание самой работы, возможность профессионального роста и лишь затем — размер заработка. Для рабочих, занятых сложным трудом, сам производственный процесс служит источником морального и интеллектуального удовлетворения. А это немаловажный фактор для повышения производительности труда.

Мы за то, чтобы господствовала здоровая неудовлетворённость собой и своей деятельностью, такая неудовлетворённость, которая является источником развития личности. Мы против

удовлетворённости на основе заниженных запросов и узкого кругозора.

Бригада держит правильный курс — она открывает путь молодёжи в будущее; расти, совершенствуйся, иди вперёд. Но при этом думай, взвешивай свои возможности, определяй цели.

В комплексном плане развития бригады записано: «Мы решили ежегодно из состава бригады направлять молодых рабочих, имеющих среднее образование, на курсы для получения более высокой квалификации — в том числе для работы на станках с программным управлением, для обслуживания средств вычислительной техники, сборщиков аппаратов и других специальностей высокой квалификации, необходимых для механизированного и автоматизированного производства». Бригадный план тем и ценен, что позволяет слить воедино интересы коллектива и каждого его члена.

Вот что говорили ребята на собрании при обсуждении плана социального развития.

Саша Козьмин

— Мои личные планы? Ну, прежде всего, закончить школу.

Самое важное, что я наметил себе на ближайшее время,— это вступить в партию.

Есть у меня, конечно, ещё мечта, но её придётся на время отодвинуть... Видите, какие дела в бригаде заварились! Теперь мы, старшие, что вернулись из армии, должны помогать Степану Степановичу и Володе Целуеву укреплять бригаду, сделать жизнь в ней интересной для каждого новичка. У нас многое делается по трудовому обучению и воспитанию. Но надо подумать и об отдыхе. Ведь у ребят теперь три выходных дня.

Я хочу создать у нас в коллективе комплексную туристскую группу, научить ребят любить лес, природу, песни...

Между прочим, ничто так не сплачивает, как задушевная песня у костра... В походах можно заняться плаванием, спортивным ориентированием. Это потом пригодится ребятам в армии. Я уже лет восемь-девять хожу в походы.

А какая всё-таки у меня мечта? Очень тянет море... Это, наверное, уже в крови. Мой дед был моряком, и отец служил на флоте...

Между мною и Степаном Степановичем большой возрастной барьер. Но если заглянуть на много лет вперёд, я хотел бы в его возрасте быть таким же полезным людям, жизнедеятельным, кипучим.

Всё это, конечно, касается уже воспитания характера... Но, я думаю, это тоже можно внести в свой план.

Саша Бровин

— План у меня такой: постараюсь сдать на четвёртый разряд. Обязательно закончить заводской техникум. Это — главное.

Потом поднять художественную самодеятельность — это мне поручено как члену цехового комсомольского бюро. Вообще, до моего ухода в армию в цехе была самодеятельность, а сейчас — затишье, хотя многие ребята из нашей бригады хотели бы участвовать в ней: и Галя Силемина, и Таня Ивашенцева, и Ира Павлова, и Саша Козьмин, и Саша Иванович, и Игорь Жгиров, и Андрей Могилевский, и многие другие. Вот организовать самодеятельность, помочь ребятам развить свои способности я и поставил своей задачей.

Таня Ивашенцева

— На кого бы я хотела походить? Трудно сказать: почти в каждом из моих товарищей есть привлекательная для меня черта. У Саши Козьмина, например, я бы позаимствовала его жажду к образованию — с ним интересно, он много знает. Бровин Саша — жизнерадостный парень. У него никогда не бывает плохого настроения. С ним весело. Если у кого-то из ребят грустное лицо (дома неприятности), он всегда первый заметит это, подойдёт, успокоит.

У Володи Целуева я бы взяла его целеустремлённость, а усидчивость — у Серёжи Круглова.

Что касается будущего, то планы у меня такие. Закончить школу, а потом поступить в Электромашиностроительный техникум, что при заводе. Мне нравится аппаратное производство и хочется работать в цехе по этой специальности. Здесь много молодёжи, а это тоже важно. Как у нас в бригаде? Когда что-нибудь не ладится, тут же ребята узнают, в чём дело, помогут, посоветуют. Бригада — это как большой чуткий организм, всё она понимает, всё чувствует, всё объяснит.

Вместе с Галей Силеминой хожу на курсы повышения квалификации. Надо готовиться к сдаче на второй производственный разряд.

Гена Бабанухин

— В первую очередь — о работе. Хочу получить третий разряд. Я работаю в бригаде с шестьдесят восьмого года. Весной сдал на второй разряд. Уже освоил некоторые производственные процессы, но предстоит овладеть ещё многими операциями.

Второе дело — не менее важное — учёба. Сейчас я заканчиваю одиннадцатый класс вечерней школы. Думаю поступить в Электромашиностроительный техникум.

Времени свободного очень мало, но всё-таки успеваю много читать. Мой любимый поэт — Сергей Есенин. Ещё мне нравится современная музыка. Буду чаще ходить на эстрадные концерты.

Выходные дни думаю проводить за городом. Летом — в поход, зимой — на лыжи...

Ира Павлова

— Я должна хорошо закончить восьмой класс. Потом поступлю в заводской техникум. Мне очень нравится работать в бригаде. Здесь все поддерживают друг друга. И Степан Степанович — как отец.

Мне пятнадцать с половиной лет, я пришла в цех недавно, здесь трудится моя мама. Теперь мы вместе ходим на работу. Я уже научилась многим простейшим операциям. Теперь мне надо освоить ещё несколько более сложных и сдать на первый разряд. Меня вместе с другими ребятами ждёт большое событие в моей жизни — торжественное посвящение в рабочие... Сейчас я готовлюсь к этому.

А мечтаю я быть радисткой. В электросиловском пионерском лагере в Оврагах мы играли в военную игру «Зарница». Я была радисткой. Это так интересно! Поэтому думаю заниматься на курсах радистов.

И ещё я люблю музыку. Мне было пять лет, когда мама купила приёмник, и с тех пор мы вместе слушаем передачи. Под музыку научилась танцевать и петь.

Записала в свой план также занятия в коллективе художественной самодеятельности.

Миша Чернецов

— В бригаде я работаю второй год. Уже получил первый производственный разряд и готовлюсь к сдаче на второй разряд.

Осенью, наверное, пойду в армию. Очень бы хотел вернуться в нашу бригаду, да и учёбу в Электромашиностроительном техникуме закончить. Сейчас я учусь на первом курсе вечернего отделения.

Мои увлечения? Приключенческая литература, современная музыка, болею за наш хоккей...

Как видим, на переднем плане у ребят — учёба. И понятно почему: и труд, и социальная активность людей во многом определяются уровнем их образования.

Учёба, повышение квалификации, на первый взгляд, дела сугубо личные. Какое, скажем, значение имеет для многочисленного коллектива фирмы, закончит Саша Бровин техникум или нет, повысит квалификацию в этом году или позже? Оказывается, имеет, — «Электросила» нуждается в определённом числе техников, рабочих различной квалификации для выполнения производственной программы. Эти цифры, как известно, планируются. Теперь представьте, что не только Саша, но и все молодые рабочие «Электросилы» составили свои личные планы на пять лет. Плановикам в таком случае остаётся обобщить их и сравнить с потребностями завода и всего объединения. Это значительно облегчит подготовку и расстановку сил на несколько лет вперёд. Таким образом, личное приобретает общественный характер.

На всех заводах фирмы обсуждались основные направления пятилетнего плана социально-экономического развития объединения.

А как сделать, чтобы в бригаде гармонически развивался каждый человек, чтобы расширялся круг его интересов? По тому, как ребята горячо обсуждали этот вопрос, как сталкивались мнения, чувствовалось: эта проблема — одна из самых острых в бригаде.

Воспитанник детского дома Сергей Круглов перечитал всю русскую классику по программе средней школы и обязательно хочет изучать эпоху Ренессанса в живописи. Сергей Горбачёв решил научиться играть на гитаре. Историей советского кино заинтересовалась Татьяна Ивашенцева. Многие увлекаются туризмом...

На собрании возникла мысль создать свой бригадный самодеятельный эстрадный оркестр.

Словом, все за интересную, содержательную жизнь, которая обогатит каждого, откроет перед ним сокровища культуры. Но ребята подчас теряются перед проблемой: как лучше организовать молодёжь, собрать её? У большинства молодых два выходных дня и третий — на учёбу. Активисты подчёркивали, что каждый такой день должен быть проведён с наибольшей пользой. А что получается?

— В театры и музеи ходим, но без особого плана. Галопом по Европам, как говорится. Какая от этого польза? — спрашивал товарищей Александр Козьмин и тут же предлагал свой вариант: — Уж если решили изучать искусство — так здесь нужна система.

Возраст ребят в бригаде не одинаков. Что интересно двадцатилетним, то ещё малопонятно шестнадцатилетним. Член комсомольского бюро цеха Сергей Пересада предложил продумать такой план эстетического воспитания исходя из возрастных особенностей членов бригады.

В том разделе плана, где речь идёт о духовном и физическом развитии личности, много разных пунктов. И всё же этот раздел получился слабым. Надо было разработать его более детально и широко.

Справедливо прозвучали на собрании слова, сказанные Галиной Силеминой:

— Одного желания совершенствоваться мало. Надо повышать ответственность друг за друга.

Галина на своём опыте убедилась, что между словами «хочу» и «сделано» — большая дистанция. Разве она не хотела поступить в институт? Хотела. А вышла осечка, не прошла по конкурсу. Теперь Галина тревожится, как бы с другими так не получилось, как бы не остались бригадные замыслы на бумаге...

Хорошее беспокойство. Уже тогда принимались меры к тому, чтобы разработанный план побуждал членов бригады к творческим действиям. Что это за меры? Подростков разделили на группы и к каждой прикрепили шефа из «старичков». Для помощи, для контроля. В бригаде увеличилось партийное ядро. Скоро здесь станет уже пять коммунистов.

Комплексный план развития бригады на пятилетку был принят всеми ребятами единогласно. Партком объединения на совместном заседании с членами профкома и комитета ВЛКСМ одобрил этот план и рекомендовал его для распространения на всех заводах и в цехах фирмы.

Как идёт выполнение планов развития личности, каждый может увидеть на стенде, который появился в бригаде. И не только увидеть, но и проследить, как члены бригады в жизни следуют своему плану.

Рассказывает Владимир Целуев

По-всякому рождаются песни. Эта родилась в цехе, в бригаде. И хотя есть у неё официальные авторы — поэт И. Фролкин и композитор А. Шендрик, мы считаем её своей.

Слова этой песни отражают те перемены, которые происходят в ребятах, Вот её слова:

Нас называли трудными,
Но это не беда.
Теперь зовут нас дружными,
И дружными, и нужными,
Мы молодая гвардия,
Мы — гвардия труда.
И молодость и сила
В руках у нас.
Ведь мы с «Электросилы»,
Мы смена из династии —
Рабочий класс.

Хорошая песня. Вы бы слышали, как поют её ребята!

Какой же была для бригады минувшая пятилетка?

Исторические решения XXIV съезда КПСС, его грандиозные планы на девятую пятилетку заставляли и нас, молодых, вместе со всеми электросиловодцами, искать пути повышения производительности труда, увеличивать, как мы говорим, отдачу. И в этом смысле план социального развития бригады, который был принят в дни предсъездовского соревнования, сослужил нам хорошую службу. Собственно, выполнение этого плана и определило наше место в строю передовиков девятой пятилетки.

Если оценивать в целом результаты работы бригады, то можно сказать так: за успехи, достигнутые в девятой пятилетке, нашему коллективу присуждена премия Ленинградской комсомольской организации и Грамота ЦК ВЛКСМ. Высоко оценён труд многих членов бригады. Бригадир-наставник С. С. Витченко удостоен звания Героя Социалистического Труда, я награждён орденом Трудового Красного Знамени. Четверым: Анатолию Колёсникову, Юрию Гартвику, Александру Ивановичу и Михаилу Ильину вручены Почётные знаки ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец

пятилетки». Многие члены бригады за свой труд награждены Почётными грамотами.

Всего у нас работает сейчас девятнадцать человек. Среднемесячная выработка за этот период составила сто сорок процентов. Повысились производительность труда и качество выпускаемой продукции. Девяносто восемь процентов продукции сдаётся с первого предъявления. Немалую роль в этом сыграли модернизация рабочих мест на конвейере и введение в строй новых станков.

Семь человек повысили производственный разряд. Все ребята овладели смежными профессиями. Это способствует росту производительности труда и улучшению всех экономических показателей.

В ходе выполнения плана социального развития в бригаде множатся, и укрепляются новые добрые традиции, усиливается влияние коллектива на личность, подход наставника и активистов к молодым рабочим становится более дифференцированным. От каждого требуем по его возможности, а если проще — следим за тем, чтобы юноши и девушки справлялись с собственными планами.

Каждый молодой рабочий должен иметь среднее образование. Таково веление времени. В настоящее время двенадцать молодых рабочих бригады учатся в вечерних школах, институтах и техникумах, пятеро — на курсах при райвоенкомате. У ребят твёрдое решение продолжать повышать свои знания.

А теперь о том, как осуществляются планы социального развития личности. Помните, Саша Козьмин сказал: «Самое важное, что я наметил себе на ближайшее время,— это вступить в партию»? Комсомольская организация рекомендовала его. Сашу приняли в члены КПСС на партийном собрании цеха единогласно. Я рад за него.

В плане: «Закончить школу...»

Саша сдержал своё слово. Недавно сдал на самый высокий разряд слесаря-сборщика — пятый.

В плане: «Я хочу создать у нас в коллективе комсомольскую туристскую группу, научить ребят любить лес, природу, песни...»

Саша избран в комсомольское бюро цеха, и ему поручено вести физкультурную работу. Он любит и спорт, и походы, и хорошие песни, и театр, и свою работу среди ребят...

А вот личный план Александра Бровина. «Поднять цеховую самодеятельность»,— записал он.

На комсомольском собрании, когда принимались планы, Саша, помнится, горячо говорил о том, что аппаратный цех в основном молодёжный, а собраться ребятам негде,— нет красного уголка. Распалась когда-то сильная самодеятельность. А ведь многих тянет и музыка, и хорошая песня. Надо помочь ребятам организовать хороший отдых в цехе.

Что ж, критика не повисла в воздухе. Администрация цеха учла пожелание молодёжи, изыскала помещение для красного уголка. Что до талантов, то их оказалось в цехе немало. И организатором стал Бровин. Как член комсомольского бюро цеха, он отвечает за культурный сектор.

Участники ансамбля (Саша создал в цехе такой ансамбль из энтузиастов) сначала достали музыкальные инструменты. Часть дал завком, а часть купили сами. После работы ездили на склад, разгружали вагоны, зарабатывали деньги, и на них приобрели гитары.

Первый успех к ним пришёл летом на заводском смотре художественной самодеятельности. Вновь созданный молодёжный ансамбль аппаратного цеха занял второе место. Потом ребят пригласили на районный смотр. Оттуда они привезли Почётную грамоту райкома ВЛКСМ и звание победителей. А на областном смотре ансамбль цеха занял третье место за исполнение песен «Я люблю тебя, Россия», «На чём стоит любовь» и «Червона рута». После распределения мест жюри смотра присудило ансамблю персональную премию. Так что, сказав: «Есть в цехе ансамбль», мы подтверждаем: своё слово Александр Бровин сдержал.

На общественное лицо члена бригады, его участие в жизни коллектива мы обращаем особое внимание. Ведь бригада должна воспитать коллективиста, человека, которому «до всего дело», активно помогающего утверждать новое. Практически у нас все имеют общественные поручения. Одни — в активе группы, другие — в комсомольском бюро цеха. Есть у нас дружинники, агитаторы, политинформаторы и общественные распространители печати.

Комсомольские поручения даём не формально. Они отвечают интересам комсомольца, способствуют выработке навыков общественного управления, повышают личную ответственность за результаты деятельности группы, комсомольской организации цеха, объединения.

Как правило, если общественное поручение позволяет юноше или девушке проявить себя как личность и одновременно воспитывает в них какие-то новые качества, новые навыки, оно рано или поздно увлечёт их, станет потребностью. Особенности работы «Комсомольского прожектора» таковы, что они не позволяют быть простым наблюдателем, равнодушным к тому, что считаешь неправильным. Это поручение требует быть деятельным, добиваться исправления недостатков. Умение заботиться о мелочах, даже в них видеть полезное — это качество мы стремимся воспитывать в комсомольских активистах.

Труд в коллективе, добрые традиции бригады — лучшая школа жизни для каждого из нас. Здесь нам прививают самые ценные качества человека: высокую коммунистическую мораль, товарищество, трудолюбие.

На собрании бригады мы решили: в апреле каждого года проводить коммунистический субботник и работать в этот день на сэкономленном материале, а заработанные средства отчислять в фонд экономии десятой пятилетки.

Вот коротко о наших делах.

А теперь — о наставничестве.

Иногда я слушаю ребят, которые хвалятся: я-де и сам с усам,

и думаю: с усами-то — это верно, да что толку в том, если забыл о тех взрослых людях, которые окружают нас, отдают нам свой опыт, учат своим собственным поведением, всей своей жизнью, иногда и не подозревая о том, как это много значит для нас, молодых. Эти люди — живой пример для нас.

Для меня (да и для других членов бригады) таким примером является наш наставник. Теперь Степан Степанович наш почётный бригадир, двадцатый член бригады, но есть ещё и двадцать первый — один из первых комсомольцев Московской заставы, герой гражданской войны Николай Томчак. Командир красногвардейского отряда, участвовавшего в штурме Зимнего, он навечно занесён в списки нашей бригады.

И это тоже традиция, позволяющая ребятам осознать ответственность перед теми, кто передал им эстафету боевых и трудовых дел.

У СОПЕРНИКОВ

Как-то прибежал Саша Иванович в цех и сразу ко мне:

— Батя, мы проиграли!

— Что случилось? Кому проиграли? Да говори ты толком...

— На стадионе встреча сегодня была. В футбол играли, Колёсников стоял в воротах злой, как тигр. Но не смог их защитить... В последние минуты Волков забил нам гол...

Я понимал этого мальчишку. Он был не на поле. Он всего лишь «болел» за свою бригаду, но «болел» со страстью настоящего футболиста.

Потом я слышал, как он наступал на Володю Целуева.

— Когда будет новая встреча, Володя? Отыгаться надо, во что бы то ни стало отыгаться...

Не надо быть особым психологом, чтобы понять: задета честь бригады. Пусть в делах непроизводственных, на поле игр, но задета. Я знал, что ребята не успокоятся до тех пор, пока не возьмут реванш, не докажут: они всё-таки сильнее.

Вообще, должен сказать, всё труднее и труднее становится удерживать звание лучшей комсомольско-молодёжной бригады цеха. Наступают соперники нам на пятки.

Но чтобы стало понятно, что это за соперники, расскажу всё по порядку.

Есть на нашем участке особый уголок. Здесь на специальном стенде лучше всего, пожалуй, можно увидеть лицо бригады, понять, чем она живёт, к чему стремится. На этом стенде и годовые

обязательства коллектива, и своеобразная доска Почёта (на неё, по решению бригадного собрания, ежемесячно вывешивают портреты лучших молодых рабочих), и фотографии, рассказывающие о самых последних событиях в жизни бригады. Тут же можно познакомиться с кодексом рабочей чести бригады. Приведу несколько выдержек из него:

«Рабочая минута — народное богатство. Всё на производстве твоё. Будь бережлив».

«Постоянно учись. Учение — мать умения. Сам умеешь — научи других. Если отстал — позови на помощь товарища. Лучше спросить, чем плестись в хвосте».

«Вноси красоту в труд и жизнь».

«Равнодушие вон из рабочего сердца! Ошибся товарищ — поправь его, в беде помоги».

«Там, где появится рабочий, нет места хулигану, пьянице, тунеядцу. Ты наследник традиций. Честь коллектива — твоя честь».

Ясно, тот, кто не просто усвоил, но живёт и действует в соответствии с этими рабочими заповедями, многому уже научился.

Однажды — это было в перерыв — слышу шум на конвейере. Мои подопечные набросились на какого-то парнишку. Спрашиваю: что случилось?

— Да он, Степан Степанович, хотел фотографию стянуть, Ту самую, где вы с бригадным знаменем стоите...

— Нужна мне ваша фотография, — оправдывался паренёк, — Я просто пришёл почитать кодекс рабочей чести. Думали вас на соревнование вызвать.

Парнишка говорил правду. Оказалось, он работает на соседнем участке в бригаде слесарей, руководимой Юрием Георгиевичем Волковым. Вот они его и послали: сходи, узнай, мол, всё про этот кодекс.

Цех наш большой — около тысячи человек. В него ежедневно приходит пополнение из школы, из базового ПТУ. Вот и к соседям на сборку узлов автоматики пришли новички: Анатолий Битгоцкий, Николай Михалёв, Александр Иванов... Парни грамотные, с армейской выучкой. Но ведь и их надо приучать к какому-то ремеслу. Однако дело было не только в этом: программа на автоматы увеличилась, сборку подводила то одна бригада, то другая, то третья. Вот и решили в цехе свести слесарей всех трёх бригад в единую комсомольско-молодёжную, по образу и подобию нашей, работающую на один наряд. Во главе её и встал Волков.

Расскажу об этом человеке несколько подробнее. На «Электросиле» он с пятнадцати лет. Ему повезло. В аппаратном цехе учился у опытных слесарей и знает, как важно новичку вовремя оказать практическую помощь, дать мудрый совет. Побывал Юрий Георгиевич и в роли шефа: сразу после службы в рядах Советской Армии прикрепили к нему подростка Пашу. Ничего, с обязанностями шефа, как говорили на собрании участка, справился. Но от того периода осталась у Волкова (знаю об этом по его рассказам) заноза в сердце: ему казалось, что-то он не доделал, не довёл до конца в своём шефстве над Пашей. Все уже давно забыли, что он имел отношение к этому парнишке, но сам Волков не забыл и, когда встречал повзрослевшего уже парня, от которого пахло перегаром от выпитого накануне вина, мрачнел.

Когда Волкову поручили возглавить бригаду (было это года четыре назад), он решил для себя: будет не шефом, а наставником.

Появление в цехе второй комсомольско-молодёжной бригады (сначала в ней числилось десять человек, теперь—двадцать четыре), признаться, не очень насторожило ребят. Давал себя знать некоторый гонорок: куда им до нашей! А у нас званий, действительно, к этому времени хватало. Наша бригада была занесена в книгу Почёта ЦК ВЛКСМ. Выше, как говорится, некуда!

Но ребята из бригады Волкова не спасовали. Новая комсомольско-молодёжная всё чаще и чаще заявляла о себе: то показала хорошие результаты в кроссе, то совершила поход по местам боевой славы, то на комсомольском собрании брал слово сам Волков и заявлял от имени бригады: будем обеспечивать программу бригады меньшим числом работающих. Можно ли пропустить такое мимо ушей?!

Рядом с нами, мы увидели,— достойный соперник. Правда, он ещё набирал силы, но не принимать его в расчёт было нельзя. Произошла первая проба сил — в спорте. Потом организовали совместные вылазки за город. Понравилось. В бригаде Юрия Волкова были живые, находчивые ребята.

А потом соседи сами предложили: давайте соревноваться!

Поразмыслив, согласились. В конце концов, бригада настолько привыкла считаться первой, что возникла опасность некоторого зазнайства. А вот теперь появилась возможность проверить себя: в самом ли деле мы продолжаем быть сильнее других?

Бригада приняла вызов. Подписали, как и положено, официальный документ: договор на социалистическое соревнование. Бригадиры Владимир Целуев и Юрий Волков подписали

договоры. Теперь этот документ висит на том самом стенде, о котором я уже рассказывал.

Что изменилось с того времени, когда у бригады появился официальный соперник? Для постороннего глаза, пожалуй, ничего. Но я видел перемены! Собранные стали ребята. То и дело я читал вопрос в мальчишеских глазах: а как у них? Всё чаще и всё усердней мои подопечные читали цифры на доске показателей и радовались, как дети: сегодня мы впереди!

Волков и его помощники тоже, разумеется, не дремали. Они тоже поглядывали с интересом: а как там, на молодёжном конвейере? Знали: на этой неделе мы поставили партию деталей для атомного ледокола «Сибирь», на другой — выполнили внеплановый заказ на контакторы. Так что соревнование было не бумажным. Оно влияло на экономические показатели бригад, воспитывало подростков.

Было бы неправильно думать, что соревнование развело нас по двум сторонам барьера. Наоборот. Общение становилось более тесным, росла дружба (мы не забывали ленинские принципы социалистического соревнования) — бригады собирались на совместные собрания, где подводились итоги, обменивались опытом. На «ничейной» территории — как раз между нашими участками — вывешивались «молнии». Когда в какой-то из бригад провожали ребят в армию, «соперники» считали своим долгом принять участие в торжестве.

На одном из них хочу остановиться особо. На собрании рабочих двух соревнующихся бригад вручали «Аттестаты трудовой зрелости».

Вдумаемся в эти слова. По-разному и в разное время приходит трудовая зрелость. Иной, бывает, и в сорок лет не сумел определиться, всё ещё «ищет» себя. Хотя к тридцати годам, как правило, человек уже достигает немалой высоты в своей профессии,

если, конечно, он упорно трудился. А в двадцать?

В том-то и видят свою задачу бригады, чтобы помочь юношам и девушкам уже к двадцати годам обрести эту зрелость, стать максимально полезными обществу. Что для этого надо — хорошо освоить азы профессии, получить второй или даже третий разряд? Конечно, порученное дело надо выполнять хорошо. Но одного этого недостаточно. Необходимо и другое — понимание роли рабочего человека в общем процессе коммунистического строительства. Молодой рабочий в любую минуту должен быть способен принять самостоятельное решение при выполнении задания, взять на себя функции наставника по отношению к новичку. Словом, «Аттестат трудовой зрелости» предъявляет к молодому рабочему немало особых, ранее нигде не оговариваемых требований. Его вручают лучшим из лучших, тем, кто своим трудом, общественной активностью зарекомендовал себя достойным продолжателем славных традиций рабочего класса.

Важно отметить — «Аттестаты трудовой зрелости» молодые аппаратчики получили первыми в объединении, первыми в Ленинграде.

Передо мной небольшая книжечка в тёмном дерматиновом переплёте. Раскроем её. Слева слова товарища Леонида Ильича Брежнева: «Партия твёрдо верит, что молодёжь, комсомольцы впишут новые славные страницы в летопись коммунистического строительства».

Справа читаем: «Ильин Михаил Николаевич, слесарь аппаратного цеха объединения „Электросила"». И далее: «„Аттестат трудовой зрелости" присвоен решением профсоюзного комитета и комитета ВЛКСМ от 30 сентября 1976 года».

Братья Ильины (не только Михаил, но и Николай получил «Аттестат трудовой зрелости») — из нашей бригады.

Братья-близнецы, они пришли в бригаду ещё в начале прошлой пятилетки. Как и все, непоседы, как и все, озорники. Но что отличало пареньков? Большое трудовое рвение. За каких-нибудь три месяца они освоили сложные технологические операции. Очень скоро их фотографии, по решению самих ребят, появились на бригадной доске Почёта. Слово коллектива в оценке труда товарища очень весомо. Скажем, по решению собрания фотографию Коли не снимали с доски и во время его службы в армии. Таким образом ребята давали понять: держи, Николай, марку бригады и во время прохождения службы!

И Николай оправдал доверие товарищей: в армии оценили его инициативный характер, выбрали комсоргом группы.

Вернувшись в цех, он снова подтвердил право называться лучшим рабочим бригады, комсомольцы группы избрали его своим вожаком. Делегат XVIII съезда комсомола Николай Ильин выбран в ЦК ВЛКСМ. Так что «Аттестаты трудовой зрелости» были вручены тогда самым достойным.

Среди получивших их трое молодых рабочих из бригады-соперницы, руководимой Юрием Георгиевичем Волковым: Геннадий Слесарев, Анатолий Битюцкий и Николай Михалёв.

Почему я столь подробно остановился на этом факте? Такое событие, само по себе значительное, говорило ещё и о другом: в соревнующихся бригадах создана благодатная почва для роста молодых рабочих, выявления их способностей. А это то главное, к чему надо стремиться при воспитании рабочей смены.

Словом, бригады напористо приближаются к рубежам, определённым на десятую пятилетку (обязательства и у той, и у другой весьма напряжённые). У моих ребят, как я и предвидел (и помогло тут соревнование с соседями), гонорок поубавился.

Бригада Волкова очень скоро не просто догнала — опередила нас на некоторым показателям. Несколько кварталов она получала звание лучшей бригады цеха!

Рассказывает бригадир

Ю. Г. Волков

Как наша бригада набрала сегодняшнюю высоту? Отвечу так: будь перед нашими глазами такого примера, как бригада Степана Степановича Витченко, вряд ли бы мы стали такими, как сегодня. На первых порах мы просто старались подражать ей в делах. Услышим: в бригаде у Степана Степановича завершили заказ досрочно — и мы жмём. Они отличились на работах в подшефном совхозе «Красная Славянка» — у нас рождается законный вопрос: «А мы менее сноровисты, что ли?»

Потом — эта смелость пришла к нам позже — задумались: а что, если вызвать признанную всеми бригаду на соревнование?

В цехе я уже два десятка лет. Все годы постоянно с кем-то соревновался. Я вызывал на состязание в труде, меня вызывали. Но вот не всегда это соревнование будило во мне, да и в других моих товарищах, наверное, творческую мысль, тайное желание по-хорошему обогнать соперника. Получалось это потому, что соревновались обычно люди равных возможностей. Становилось попросту неинтересно.

Тут же совсем иное дело: знаменитая на всю страну витченковская бригада! Я знал: всем нам — от бригадира до пришедшего вчера новичка — придётся здорово попотеть в надежде приблизиться к её показателям. Ведь дело не только в том, чтобы достичь определённой выработки — она у нас высокая. По договору мы должны были выполнить годовую программу первого года пятилетки ко дню рождения комсомола. И сдержали слово!

Тысячи узлов-автоматов были собраны бригадой сверх годового плана.

Но взять такую строку обязательств — повышение квалификации молодых рабочих. Мы это выразили цифрой пять: пятеро молодых рабочих должны повысить квалификацию. Кто имеет дело с молодёжью, тот знает, что это нелегко. Как заинтересовать молодых в технической учёбе, в овладении мастерством? Мы дали понять молодым: в бригаде не существует ограничений на получение высшего разряда. Каждый в течение года (а у нас действительно имеется такая возможность) может его повысить. Всё дело за самим рабочим: надо не просто прожить этот год, а проявить себя, свои способности. Другими словами, в самой бригаде идёт соревнование на высокую отдачу в труде, умение ценить время, изобретательность.

Такой принцип оправдал себя: уже в первый год соревнования шестеро рабочих бригады повысили разряд.

Но ведь есть ещё и другое в договоре — подготовка рабочей смены. Ну уж тут-то было у кого учиться. Я как бригадир брал на вооружение опыт своего старшего коллеги — Степана Степановича. Душа у него щедрая — всем, что знал, он готов был поделиться. И делился. Внимательно слушал его на семинарах, где он рассказывал, как овладевал сердцами мальчишек. Не отказывал он в совете и тогда, когда необходимость заставляла прийти к нему в рабочее время. А когда дружбу скрепили официальным договором, тут уж контакт был самый тесный — в день три-четыре раза встретимся.

В работе с новичками у нас тот же метод: старший, более квалифицированный работает в паре с начинающим. Он как бы подстраховывает его, и бригада не очень чувствует присутствие ученика.

Разумеется, бывают и сюрпризы. Как-то Серёжа Филин неправильно приклепал рычаги к контактным роликам. Это был повод для бригадной «летучки». Разговор оказался полезным для многих. Бригада сдаёт, как правило, продукцию с первого предъявления — пятилетка качества поставила перед нами повышенные требования! И подобные «сюрпризы» крайне нежелательны.

Вступив в соревнование, мы не очень верили, что сумеем одержать победу над соперником. Поэтому старались выяснить его слабые стороны, чтобы одержать верх хотя бы здесь. Так, выяснилось, что паши соперники совершенно не играли в шахматы. У нас же многие любят и шахматы, и шашки, народ в бригаде подобрался спортивный. Юра Макеев, к примеру, кандидат в мастера по ориентированию. Я год назад получил первый разряд по тяжёлой атлетике, Борис Берегов добился больших успехов в прыжках в высоту. Так что в первых же товарищеских встречах мы дали соперникам почувствовать: тут уж состязаться с нами будет трудно! Мы выиграли соревнование по лыжам, стрельбе. Во время осеннего кросса, состоявшегося в Московском парке Победы, победили в «стометровке». И в хоккее не раз одерживали победу. А вот на футбольном поле стадиона Мясокомбината потерпели неудачу. Победили наши соперники со счётом 4:2.

Я видел — мои подопечные огорчены. Слышал, как они говорили: «Надо обязательно отыграться!» И думал: «Хорошо, что есть такой сильный соперник. Он заставляет ребят стремиться вперёд».

Комментарий секретаря партийного бюро цеха А. Н. Тархова

Наставничество по праву вошло в число лучших традиций коллектива аппаратного цеха. Старшие, опытные рабочие берут на себя заботу о новичках — сегодня это норма для нашего коллектива. И тот факт, что вновь созданная бригада вызвала на соревнование инициатора движения, тоже, по-моему, говорит о многом. Значит, передовым опытом успешно овладевают другие коллективы. У них накапливаются и свои навыки в рабочей педагогике, в умении воспитывать подрастающую смену.

Что важно отметить: соревнование обогатило обе бригады. Всё хорошее, что рождалось в одной, немедленно перенимали в другой. Так, в бригаде Юрия Волкова тоже выдвинули требование к новичкам: пришёл в коллектив — учись! И никто не решается отлынивать от учёбы. Здесь привилось и шефство старших, более опытных рабочих, над новичками. Этим-то, известно, сильна бригада, руководимая С. С. Витченко и Владимиром Целуевым. Зато у Волкова много интересного в физическом воспитании молодых рабочих, и тут Целуеву с его помощниками приходится равняться на соперников.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев на XVIII съезде комсомола сказал, что борьба за эффективность и качество — курс партии, взятый всерьёз и надолго, подчеркнул, что это не только «ключевая задача пятилетки, но и определяющий фактор нашего экономического и социального развития на многие годы вперёд», а также «программа воспитания целого поколения советских людей». Эти слова стали крылатыми. Но мы не просто повторяем эти слова, мы делаем практические выводы. Пример в этом подают наши соревнующиеся комсомольско-молодёжные бригады. У них максимально уплотнён рабочий день (а попробуйте подростка заставить в течение смены спокойно сидеть на месте!). Высока отдача в труде: сборщики благодаря им не испытывают затруднений. Как правило, к этим бригадам не бывает претензий и по качеству — почти вся продукция сдаётся с первого предъявления. Это с одной стороны. С другой — в бригадах идёт перековка характеров ребят, их трудовая, нравственная и политическая закалка. А это самое важное сегодня для нас! Так что эффект в работе молодёжи налицо. Бригады, мы уверены, достойно встретят 60-летие Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи.

Чем объяснить, что обе бригады долго и упорно удерживают лидерство в соревновании по цеху? Причин здесь много. Но основная в том, что во главе бригад стоят коммунисты.

ПРИНИМАЙ БРИГАДУ, ВОЛОДЯ!

Казалось, это было совсем недавно: мы сидели с Володией Целуевым в Кремлёвском Дворце съездов. Вокруг — радостные лица юношей и девушек, делегатов XVII съезда ВЛКСМ. Я был среди приглашённых. Расценивал это как уважение к наставничеству, которым мы, ленинградцы, занимаемся вот уже добрый десяток лет.

Мы все внимательно вслушивались в каждое слово Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева. На меня, как человека, отдавшего многие годы молодёжи, конечно, наибольшее впечатление произвело то место из его речи, где он говорил о воспитании рабочей смены.

И вдруг слышу: товарищ Брежнев в числе тех, кто за свой труд по воспитанию молодых рабочих удостоен звания Героя Социалистического Труда, называет и мою фамилию... Посмотрел на Володю Целуева — его глаза отозвались радостью. И сам я, конечно, рад безмерно.

Вернувшись в Ленинград, мы собрали бригаду, рассказали, какие задачи поставил перед советской молодёжью съезд комсомола. И тут же, без промедления, было решено встать в честь приближающегося XXV съезда КПСС на трудовую вахту.

Как и раньше, я приходил в цех засветло, готовил конвейер к началу дня. Мне помогали управлять бригадой «ветераны» — Володя Целуев, Толя Колёсников и Юра Гартвиг. Работа спорилась...

Но неожиданно схватило сердце. Только потом узнал: обширный инфаркт!

На больничной койке отлежал два месяца. Чего я только не передумал за это время! Когда врачи разрешили свидания, первыми пришли дорогие мои мальчишки. Шутили, смеялись, рассказывали бригадные новости — и всё это для того, чтобы подбодрить меня. А глубоко в их глазах была потаённая тревога: как, Батя, справишься ли?

В палате спрашивали:

— Да что это к тебе ребята ватагой ходят — кто они тебе?

— Сыновья мои. Все, все до единого сыновья,— говорил я.

И в самом деле сыновья. Каждому из них я отдал частицу своего сердца.

Видно, природа наградила меня железным здоровьем: за полгода справился с хворью. И встал вопрос: а что дальше? Врачи категорически запретили физическую работу. А что будет с бригадой?

Я уже говорил: есть бригады, в которых без бригадира сразу ощущались перебои, будто вытащили какую-то главную деталь, стержень, на котором всё держалось... У нас же обязанности бригадира исправно несли мои помощники. С конвейера ежедневно сходили сотни узлов.

Трудно приходило решение. Как оторвать от своего сердца парнишек?

«Но разве обязательно надо отрывать? — рассуждал я. — Верно, нельзя сесть за конвейер. Но воспитывать-то ребят мне не запрещено...»

Так был найден выход: уйду на пенсию, но остаюсь, как и прежде, их наставником.

Всё остальное решалось проще. Обязанности бригадира надо переложить, конечно, на Володю. Он мой первый воспитанник — первым из всех моих сыновей я и в партию его рекомендовал. Володя Целуев часто бывал в отъездах. Но ведь рядом

Толя Колёсников и Юра Гартвиг, заменят при необходимости.

И я однажды сказал Володе:

— Что ж, придётся тебе, сынок, принимать бригаду...

Были тёплые, можно сказать, семейные проводы меня на пенсию. А потом состоялась торжественная передача трудовой эстафеты — эстафеты наставничества — в историческом Актовом зале Смольного на собрании актива Ленинградской областной организации ВЛКСМ. Я вручил бригадное Красное знамя члену ЦК ВЛКСМ, моему лучшему ученику Владимиру Целуеву.

Целуев уверенно повёл бригаду. Уже через месяц он мог рапортовать XXV съезду КПСС:

«В ходе соревнования бригада изготовила электроаппаратуру для атомного ледокола «Сибирь», обеспечила комплектацию контакторами 16 щитов для БАМа; обучено специальности слесаря-сборщика пять ребят. Рапортуем съезду, что план первого года пятилетки выполнен досрочно...»

Хотя я числился пенсионером, но мои дни с утра до вечера всё так же были полны хлопот: готовился к докладу на семинаре по наставничеству, по заданию парткома проверял организацию труда подростков в цехах, ездил в командировки на другие заводы — и всё с той же целью: помочь рабочим-наставникам. Но всё равно я старался чаще бывать в бригаде с ребятами.

Сразу после того, как XXV съезд закончил свою работу; утвердил «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», бригада собралась, чтобы обсудить решения съезда.

Перед собранием комсомольцы очень волновались. Такая ответственность — наметить рубежи, начать десятую пятилетку! Поэтому каждый выступавший старался разобраться в недостатках

и нерешённых вопросах, разобраться, что для бригады главное в этой пятилетке.

Определили главные направления в работе: **повышение производительности труда**. Нередко на участок поступают недоброкачественные детали. И для того чтобы не встал конвейер, их приходится на ходу исправлять. Члены бригады обратились с просьбой к руководству цеха ужесточить контроль качества полуфабрикатов.

Производительность могла быть выше, если бы не частые перекуры некоторых, опоздания на работу.

Качество продукции. Во многом оно зависит от ритмичности работы конвейера. Иные, случается, не доделывают свою операцию в надежде, что «на выходе» изъян устранят. А ведь сделать это, когда контактор уже собран, во много раз сложнее. Снижается качество, теряется драгоценное время.

Рационализация. По инициативе бригады в цехе создано немало полезных приспособлений, облегчающих труд. Но бывает, что некоторые ребята, понимая, где и как что-то можно усовершенствовать, всё же не подают рацпредложений.

Критическое отношение к успехам и недостаткам позволило бригаде по-новому посмотреть на свой труд, на организацию социалистического соревнования. Родилась идея: организовать сквозное соревнование путём заключения совместных договоров с бригадами, от которых зависит выпуск контакторов и аппаратов на всех стадиях — от нуля до готовых изделий. Только, конечно, тут без помощи общественных организаций завода не обойтись, в производственной цепочке ведь стоят и другие цехи.

Бригада решила: задание первого года пятилетки завершить досрочно, к 1 декабря, повысить производительность труда выше запланированной на два процента, обучить специальности слесаря-сборщика

пять человек. Четверо рабочих должны повысить разряд;

обеспечить выполнение задания второго года пятилетки ко дню молодого рабочего, включиться в социалистическое соревнование за право подписать Рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету партии к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, добиться почётного права быть сфотографированными у святыни советского народа — знамени легендарного крейсера «Аврора».

И ещё: продолжить шефскую работу в 6-б классе школы-интерната города Пушкина.

С такими планами бригада вступила в десятую пятилетку. Это собрание было своего рода для неё стартом. И теперь она изо дня в день повышала ритм труда, всё строже, требовательнее относилась к качеству.

И ребята сдержали своё слово. Задания двух лет пятилетки выполнили к 15 сентября.

Главное для меня в тот период было помочь молодому наставнику укрепиться.

В коллектив пришло пополнение, и лично за Целуевым закрепили несколько молодых рабочих. Игорю Гусеву, Гене Иванову, Вите Шишкову и Оле Сорокиной — было всего по семнадцать...

Но Володя хорошо усвоил истину: воспитывать надо прежде всего личным примером. Так же, как и я, приходит он на участок раньше всех, берёт на себя самые трудные операции и, если в рабочее время отвлекают неотложные общественные дела, остаётся после смены. Темп его работы стремительный, и я заметил, что когда Целуев встанёт к конвейеру, то ритм в бригаде повышается.

Не обошлось в бригаде и без ЧП. Игорь Гусев исчез как-то в обеденный перерыв, а пришёл, ребята сразу заметили, навеселе.

Целуев забил тревогу. Собрали бригадное собрание, поговорили с матерью. Решили поддерживать то хорошее, что есть в парнишке: он неплохо рисует — привлекли к оформлению газеты...

— Правильно, Володя, — подбадривал я нового бригадира.— Надо, чтобы он всё время находился с ребятами, в коллективе, в самой гуще бригадных дел. Меньше времени останется для шалостей...

Но Игорь ещё раз «отличился». Вышел с приятелем (теперь уже после работы) — и ну гонять мотоцикл по двору! Разогнал малышей. На шум сбегались родители. Позвали дружинников — те, конечно, стали останавливать ребят. Тут и произошло самое неприятное — Игорь пустился в драку с дружинником.

— Что делать, Степан Степанович? — с волнением спросил меня Володя.— В отделе кадров наступают: уволить, хватит терпеть — позорит бригаду...

— А ты не уступай, Володечка, не уступай. «Срок» получить мальчишке не долго, надо постараться выручить Игоря. Потом он оценит это, не тунядец он, не пропащий...

— А как выручить? Ходил, доказывал. Не сумел доказать...

— Сегодня не сумел — завтра сумеешь. Главное, самому надо верить в то, что говоришь. Тогда и других убедить сможешь.

И мы шли в милицию, доказывали, что не надо в таком деле спешить. Наша же общая задача — помочь встать парнишке на ноги. С Игорем ещё в силах справиться бригада...

И нам пошли навстречу, оставили парня в коллективе. Теперь всей бригадой не спускали с него глаз.

Так Володя делал свои первые самостоятельные шаги как наставник.

РУКОВОДИТ СОВЕТ

Было бы неверно думать, что до создания нашей бригады на «Электросиле» воспитанию подрастающей смены вовсе не уделялось внимания. Уделялось, разумеется. Передовые производственники, обладающие высоким профессиональным мастерством и жизненным опытом, на добровольных началах брали под свою опеку начинающих. Например, Герои Социалистического Труда обмотчик Ю. А. Врублёвский и слесарь Н. Н. Русаков, технолог И. Л. Устименко и другие охотно помогали подросткам осваивать ту или иную специальность.

Число таких производственников особенно возросло, когда в объединение сразу пришёл большой отряд выпускников средних школ — около пятисот человек. На повестку дня встала задача: в короткий срок обучить и поставить на ноги этот отряд будущих рабочих. По какому пути пойти — шефства или наставничества? К тому времени наша бригада активно высказалась в пользу нового метода, и не было ничего удивительного в том, что кадровые рабочие по-отцовски брали на свои плечи заботу о новичках.

Подметив эту тенденцию, партийный комитет (секретарём парткома тогда был Август Дмитриевич Молчанов) в декабре шестидесяти третьего года решил создать институт наставников как одно из направлений идеологической работы. Начали с организации совета. В него вошли 12 человек. Председателем совета стал Герой Социалистического Труда слесарь Николай Николаевич Русаков, человек энергичный и авторитетный. Через некоторое

время его сменил я, а сейчас во главе совета стоит заместитель генерального директора по кадрам В. С. Фролов.

Мы начали с того, что утвердили Положение о совете наставников, сформулировали его права и обязанности. Совету наставников было дано право, по согласованию с парткомом и администрацией, заслушивать отчёты должностных лиц о работе по коммунистическому воспитанию молодёжи. С тех пор прошло пятнадцать лет. И в том, что воспитатели рабочей молодёжи на «Электросиле» достигли немалых успехов, большая заслуга совета.

Порой говорят: раз пошёл в наставники, чувствуй себя Макаренко. Но ведь у многих из нас нет педагогического образования. И даже не в этом дело — эпоха другая. Макаренко работал с беспризорниками. Мы же нередко имеем дело с так называемыми трудными подростками. Разница не только в терминологии. Наш подросток о куске хлеба и крыше над головой не думает, — у него есть всё. Но семья подчас не дала ему должного воспитания. Поэтому мы обязаны помочь ему определить свою цель в жизни, овладеть избранной профессией, то есть заняться тем, о чём не позаботились в своё время родители.

Нужно к тому же учитывать и другие экономические и социальные условия, в которых живёт наш подросток, и на этой основе создать социально-педагогическую программу наставничества. Пока что у каждого из нас своя такая программа, сложившаяся под влиянием жизненного и производственного опыта.

Опыт опытом, но есть же какие-то общие закономерности воспитания подростка, которые нужно исследовать! Сетуем на «улицу», жалуемся на «двор» — а кто изучил их законы?

Ведь и А. С. Макаренко в своё время писал: «Разве мы можем положиться на случайное распределение талантов?..

И можем ли мы строить воспитание.... в расчёте на талант? Нет. Нужно говорить только о мастерстве, то есть о действительном знании воспитательного процесса, о воспитательном умении. Я на опыте пришёл к убеждению, что решает вопрос мастерство, основанное на умении, на квалификации».

Лет пять-шесть назад партийный комитет провёл анкету среди рабочих-воспитателей. Выяснилось, что из двухсот тридцати наставников неполное среднее образование имели сто сорок восемь человек, среднее и среднетехническое — восемьдесят и только двое — высшее. Такой анализ подсказал членам парткома: людей, воспитывающих молодёжь, надо многому ещё учить. Наставникам особенно недоставало знаний в области педагогики, психологии и коммунистического воспитания.

Из своей обширной корреспонденции я вижу, что эти вопросы волнуют многих наставников. Они справедливо пишут и о том, что хотелось бы иметь и специальные пособия по обучению механосборщиков, слесарей, токарей, фрезеровщиков, программы и методические разработки уроков и производственных занятий...

Ленинградская партийная организация много сделала за эти годы, заботясь о повышении профессионального и идейно-политического уровня наставников молодёжи.

Был расширен и выпуск научно-методической литературы, но всё равно таких книг явно недостаточно.

Я часто высылаю своим корреспондентам «Положение о совете наставников по воспитанию подростков и молодых рабочих», утверждённое парткомом «Электросилы». В нём сказано, что совет создаётся партийным комитетом, работает в контакте с профкомом, комитетом ВЛКСМ и администрацией, что своей целью он ставит помощь в воспитании молодых рабочих, чтобы ни один из них не был вне сферы внимания наставников,

чтобы все юные члены коллектива жили его жизнью. Как этого достичь — нужно решать на местах: люди-то везде с головами. Необходимо лишь проявить добрую волю плюс умение.

Своим опытом мы рады поделиться со всеми.

Так, у нас для руководителей групп наставников партком организовал семинар. Подготовка наставников идёт в двух направлениях: изучение общих вопросов теории воспитания и овладение конкретной методикой обучения профессиональному мастерству.

Занятия семинара проходят по единому плану, разработанному на весь учебный год. Утверждает его профсоюзный комитет объединения. «Психология юношеского возраста», «Авторитет наставника», «Социалистическое соревнование и его роль в формировании личности молодого рабочего», «Пути и средства приобщения молодого рабочего к профессии», «Психология «трудного» подростка и его воспитание в коллективе», «Роль культуры в нравственном воспитании личности», «Индивидуальный подход к подростку в условиях производственной деятельности» — вот немногие из тем семинара.

Конечно, учёбу в столь непривычном для партийного комитета направлении осуществить было бы сложно, если бы не пришёл на помощь Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена. Кафедра педагогики и психологии взяла шефство над электросиловцами. Кандидат педагогических наук доцент кафедры психологии Т. И. Бочкарёва сплотила вокруг себя преподавателей-энтузиастов, которые вызвались читать лекции для бригадиров-наставников. В частности, долгое время лекции для производственников читал кандидат педагогических наук Н. А. Лялин. Он член партии с двадцатого года, работал ещё с А. С. Макаренко и хорошо знал его лично.

Семинар — постоянно действующий. Два раза в месяц в кабинете политического просвещения встречаются наставники. Идёт углублённая теоретическая учёба не только на лекциях, но и дома. По определённому плану производственники читают специальную литературу, готовятся к выступлениям. Обмену опытом в работе семинара отводится значительное место.

Это учёба для руководителей наставников. А занимаются ли остальные наставники?

Да. Во-первых, после каждого семинара руководители наставников рассказывают в своих группах обо всём услышанном на занятиях. Во-вторых, партийный комитет периодически организует учёбу более широкого круга наставников. Кроме того, по мере накопления достаточного опыта организационной и воспитательной работы созываются научно-практические конференции наставников. Разговор, как правило, идёт здесь о содержании, формах и методах идейно-политического, трудового и нравственного воспитания молодёжи. В конференциях наряду с наставниками молодых рабочих участвуют также начальники цехов, секретари партийных и комсомольских организаций.

Помню, на одной из конференций выступил токарь-карусельщик Александр Фёдорович Кубиков. Этот человек заслужил того, чтобы рассказать о нём подробнее. В цехе у него самая высокая производительность труда. В соревновании, проходящем по примеру кировцев под девизом «Пять — в четыре», он добился хороших показателей. Кубиков — член парткома и член партбюро цеха и один из лучших пропагандистов наставничества. У рабочего Кубикова среднетехническое образование — за плечами техникум, дар от природы — живой ум, простая и образная речь. Он часто выступает перед рабочими, пишет статьи — ему есть о чём рассказать.

Александр Фёдорович воспитал более десяти молодых рабочих, имеет наблюдения и своё самостоятельное мнение по этому вопросу. Он, например, считает, что нельзя насильно привить интерес к рабочей профессии, — новичок должен сам её выбрать.

В его практике рабочего-воспитателя был такой случай. Дали ему в ученики Володю Егорова. Профессия токаря-карусельщика, как известно, сложная. Но у парня налицо все задатки, чтобы овладеть ею: развитый, грамотный. Прошла неделя, Володя должен был бы уже привыкнуть к станку. Однако видит Кубиков — никакого интереса к делу. Принесёт книгу и читает. Спрашивает наставник:

— Зачем пришёл — читать или учиться делу?

— А у меня мечты были другие: лётчиком стать,— отвечает парень.

— А почему за мечту не борешься?

— Да «тroyаки» в аттестате...

Выяснилось, что у парня дядя лётчиком был. А Володя, по словам бабушек, весь в дядю. Вот они по этому наследственному признаку и «определили» его в авиацию. Парнишка так привык к своей мечте, что думал — та сама к нему прилетит на ТУ-144 и посадит его за штурвал.

Когда Егоров понял, что оказался на мели, опустил руки. Теперь ему было всё равно кем быть — токарем или пекарем. Да, видать, и не приучен был парень к труду. Вот и не шло у него дело. Через месяц, видя, что поблажек не будет, Егоров решил уйти из объединения.

Кубикову хотелось встряхнуть парня от апатии, в которой тот находился. И он сказал ему всё, что считал нужным. Сказал, ничего не сглаживая и не смягчая: с такими взглядами на жизнь не выйдет из Владимира ни лётчика, ни вообще человека.

С тем они и расстались. В то время Кубиков считал, что как наставник он потерпел с Егоровым, как говорится, полное фиаско. И очень остался доволен, когда впоследствии узнал, что это было не так.

...Стоит он однажды у газетного киоска, покупает газеты. И вдруг слышит — рядом грузовая машина тормозит. Из кабины выскакивает шофёр и — к Кубикову. Егоров! Весёлый, довольный. Рассказывает — шофёром работает по третьему классу.

— Нравится?

— Нравится,— говорит.— Скоро буду на второй класс сдавать. А ведь все вы «виноваты», Александр Фёдорович... Помните, сказали: на свете живут ведь не одни лётчики. Важно в любой профессии оставаться человеком...

Таких живых и конкретных фактов из практики работы наставников на конференции можно услышать немало. Каждый рассказывает о том, где и в чём он одержал пусть маленькую, но победу, где потерпел неудачу и, в конечном итоге, как применяет в жизни знания из области педагогики и психологии, полученные на семинарах.

Речь на этой конференции шла не только об успехах, но и о просчётах. В объединении выявились случаи погони за цифрами, за «охватом», когда факты частичной, эпизодической помощи молодому рабочему, элементарная помощь ему в получении производственного разряда выдавались за наставничество. Например, в одном цехе формально было сделано всё: составлены списки молодых рабочих, к каждому прикреплён наставник. А когда стали проверять, выяснилось, что некоторые подростки даже не знают своих наставников в лицо. Один паренёк так и заявил: «Это только на бумаге они наши наставники...»

Много горьких слов было сказано в адрес руководства цеха. Решили там создать свой совет, пересмотрели списки наставников, оставив это почётное звание только достойным. Совету наставников поручили два раза в месяц проводить педагогические занятия с воспитателями рабочей смены.

На конференции говорили и о другом недостатке: некоторые председатели цеховых советов вместо того, чтобы повышать спрос с наставников, старались сами сделать за них всю работу. Совет объединения решительно осудил этот порочный стиль, отвлекающий руководителей от общих задач по организации наставничества.

Надо ли говорить, что партком старался проводить конференции на высоком уровне? На конференциях перед наставниками выступали А. В. Мозалевский, бывший генеральный директор фирмы, Б. И. Фомин, ныне возглавляющий объединение, секретарь парткома А. В. Чернухин (теперь он секретарь Московского райкома КПСС) и многие другие. Каждая такая конференция (они проводятся ежегодно) вносит немало нового, полезного в работу с молодёжью, приобщающейся к труду.

Что же главное в работе парткома с наставниками? Я бы сказал так: система контроля, привлечение к этому движению лучших сил — коммунистов. Партком постоянно интересуется нашей деятельностью, слушает нас на своих заседаниях. Так же поступают и в цехах. Дела наставников, например, обсуждало партбюро нашего аппаратного производства. Их у нас тринадцать — все они руководят бригадами. Кое-кому бюро рекомендовало проявлять больше инициативы, кое в чём подправило.

Кроме того, коммунисты-наставники отчитываются о своей работе с молодёжью на собраниях партийных групп. Всё это дисциплинирует людей, заставляет работать над собой, расширять свой политический и культурный кругозор. Ведь что греха таить,

вначале были наставники, которые не помнили, когда последний раз книгу в руки брали. Таких наставников сегодня, прямо скажем, нет. Большинство из них читает литературу (особенно специальную, по педагогике), посещает консультации.

Итак, за партийными организациями контроль. Непосредственное же руководство осуществляет профсоюзный комитет. Наставники утверждаются на заседаниях цехкомов.

Да и сам совет держит прямую связь с профсоюзными активистами. У совета есть уполномоченные в цехах. Что они делают? Многое. Организуют соревнования среди наставников (об этом речь впереди), их учёбу, следят за подготовкой новичков, насколько загружен их рабочий день, как используется фонд зарплаты.

И есть люди, увлечённые своим делом. Вот, например, шлифовщик из тридцать третьего цеха Э. К. Петрачков. Он сам наставник (воспитал не один десяток молодых рабочих) и направляет работу товарищей. В этом цехе пятьдесят четыре наставника. Нетрудно представить, сколько у Петрачкова забот! Он сам активно выступает на семинарах, поддерживает тесную связь со школами, где учится молодёжь, с родителями.

Или взять другой пример. Заместителя начальника цеха крупных машин Н. В. Токарева (теперь он возглавляет цех) работа с наставниками увлекла по-настоящему, он отдавал ей много своего личного времени. И в том, что сейчас в цехе нет нарушителей трудовой дисциплины среди молодёжи, нет не выполняющих норм,— заслуга наставников, в том числе и Токарева.

Особо остановлюсь на поощрении наставников. Этот вопрос — один из важнейших. От него зависит, как будут относиться к своему делу наставники и станет ли расти их число. Скажу так: в объединении широко используются и моральные и материальные

стимулы для поощрения производственников, воспитывающих молодёжь. Умелое сочетание этих стимулов и обеспечивает, считаю, максимальный успех.

У нас в фирме систематически проводятся смотры-конкурсы работы наставников. Первый из них проходил в дни подготовки к столетию со дня рождения В. И. Ленина. Победителям смотров-конкурсов приказом генерального директора объединения присваивается почётное звание «Лучший наставник объединения „Электросила"», кроме того, они награждаются Почётной грамотой и денежной премией.

Шестнадцать наставников уже имеют это звание. Среди них обмотчик Ю. А. Врублёвский, токарь-карусельщик А. Ф. Кубиков, слесарь А. Г. Башаркевич, фрезеровщик М. Н. Гусев. Кстати, о подопечных Гусева. Вот убедительный пример того, что в бригаде можно объединять молодёжь на любом участке, независимо от профессии. Под руководством Гусева работают девушки-фрезеровщицы. И как работают!

Когда трудящиеся в конце года получают премии за хорошую работу, наставникам, к которым, разумеется, нет претензий, начисляется соответствующая надбавка.

Выявлять лучших помогают, как я уже говорил, смотры-конкурсы и соревнование, которое ведётся среди наставников. У всех рабочих — наставников молодёжи есть социалистические обязательства по воспитанию подростков на пятилетку. Профсоюзный комитет подводит итоги соревнования ежегодно.

Используется и такая форма, как наглядная агитация. Зайдите в наш Дом культуры имени Ильича — здесь на стендах широко показана работа наставников и руководимых ими бригад: труд, учёба, отдых.

Большую помощь нам оказывают культурно-просветительные учреждения города. Клубы и библиотеки ведут широкую пропаганду наставничества. И к тому же многие учреждения активно помогают новичкам быстрее войти в жизнь производственного коллектива, прививают вкус к профессии. Нетрудно представить, какой огромной государственной важности задачу мы решаем.

Лично я, как наставник, очень благодарен работникам Дворца труда и Дома культуры имени Ильича. Они отличные шефы нашей бригады: организуют встречи с ветеранами партии, депутатами, Героями Советского Союза, молодыми рабочими, полюбившими свои рабочие профессии. И каждая такая встреча — повод для раздумий. Есть с кого «делать жизнь». Молодёжь, например, участвовала в беседах с ветераном партии, встречавшим В. И. Ленина в апреле 1917 года на Финляндском вокзале, Героем Социалистического Труда В. П. Виноградовым, Героем Советского Союза Ф. Т. Дьяченко, Героями Социалистического Труда судосборщиком В. А. Смирновым, обмотчиком Ю. А. Врублёвским, слесарем Н. Н. Русаковым, лауреатом Государственной премии Г. С. Борткевичем, композитором И. И. Дзержинским, поэтом Леонидом Хаустовым и многими другими.

А сколько сил приложил Дворец труда и особенно его директор Григорий Самойлович Левицкий для популяризации наставничества! Благодаря систематической пропаганде, которую ведёт Дворец, появились сотни людей, пожелавших помочь «трудным» подросткам найти своё место в жизни. Сегодня в Ленинграде и области шестьдесят четыре тысячи наставников. Дворец рассказывает об их опыте, посвящает им вечера, награждает лентами Почёта, вручает памятные значки, грамоты «Мастеру-наставнику», фотографии с дарственными надписями. Во Дворце труда красочно оформлены стенды с портретами тех, кто, не считаясь с личным

временем, заботливо растит молодёжь.

Дворец труда помогает нам (это очень важно) воспитывать подростков и во внерабочее время. Очень важно занять их интересным делом. Вот мы вместе и проводим досуг во Дворце труда. То на концерте побываем, то фильм посмотрим, в здешнюю библиотеку записались многие. Пристрастились ребята к чтению. Ходят они во Дворец и без меня. Стоит сказать: «Мы из вашей подшефной» — и их пускают на любое мероприятие. Это как пароль.

А теперь впору и к арифметике обратиться, посмотреть, как вся эта работа сказалась на массовости движения. Сегодня на головном предприятии триста наставников. Среди них — сто двадцать пять коммунистов, сто семьдесят пять передовых молодых рабочих, из которых двенадцать — комсомольцы. Метод работы наставников распространён и на другом заводе объединения — электромашиностроительном. Здесь работают сто наставников. Имеются они и на других заводах фирмы. Так что, считаем, эффект есть.

Эти цифры, разумеется, не могут оставаться неизменными. Жизнь корректирует их, но корректирует в сторону увеличения. Иначе и быть не может. Чем больше молодёжи придёт в объединение, тем сильнее возрастёт потребность в политически зрелых, умудрённых жизнью воспитателях-рабочих.

ПИШУТ СЫНОВЬЯ

Письма, письма... Они приходят в цех, приходят на квартиру, где я живу. С виду одинаковые маленькие конверты. Но в каждом своя история, своя жизнь. Авторы многих писем — бывшие наши «сорванцы», ушедшие служить в ряды Советской Армии.

О чём же они пишут? Чем заняты их горячие головы?

Из письма Виталия Соколова (служил на Украине):

«...Извините меня, Степан Степанович, что редко пишу. Я просто считаю, что Вы сильно занятой человек, и пишу, когда одолевает сильная тоска по заводу. Ну что о себе? Служба моя проходит хорошо, без нарушений. Служу в роте охраны. Служба, как Вы сами понимаете, ответственная, мух ловить не приходится. В свободное время занимаюсь комсомольской работой. У меня сейчас четыре обязанности: член комитета ВЛКСМ, член бюро роты, редактор боевого листка и физорг. Как видите, дорогой, приходится поворачиваться...

Учусь беречь время. И не безуспешно, что должно Вас обрадовать. Ведь Вам всегда не нравилась во мне этакая безалаберность. Да ещё мой длинный язык.

Недавно у нас было собрание на заставе. Выбрали меня в избирательную комиссию. И голосовать-то я буду в первый раз...»

«Здорово, Батя!

Сразу не мог ответить. Дела комсомольские и прочие. Значит, в бригаде всё пока нормально. Это хорошо. Только что вернулся в

отряд, вместе с товарищами ездил на празднование очередной годовщины погранвойск. Был приём у первого секретаря обкома ВЛКСМ. Всех нас наградили грамотами обкома. Но это не в порядке хвастовства, просто о своём житьё-бытьё.

Дела у меня пока в порядке. Новый год начался спокойно и совсем даже неплохо. В ноябре прошлого года мне вручили партийный билет. Это самое знаменательное событие в моей жизни. Служба идёт к концу. Насчёт работы я пока не задумывался серьёзно. Очевидно, буду специализироваться в той же профессии слесаря-сборщика. Но одновременно мне нужно учиться дальше. Лично я давно точу зуб на Северо-западный политехнический...»

Из письма Владимира Кузьмина (служил на Севере):

«...Можете мне поверить, Степан Степанович, что хотя я и не докучал вам своими письмами, но тем не менее я всегда думал и о Вас, и о бригаде. Служба у меня идёт превосходно. Дисциплина уже вошла в привычку, без которой я даже не представляю как можно обходиться. Во время прохождения службы был повышен в должности и назначен командиром отделения. Только я Вам скажу, что командовать отделением гораздо легче, чем руководить даже маленькой бригадой.

Степан Степанович, берегите себя, делайте из мальчишек людей. Сейчас они это, возможно, и не поймут, зато потом спасибо скажут.

Как Машков? Он, вероятно, уже сержантом стал...»

Из писем Сергея Машкова (служил пограничником на Северо-Западе):

«Здорово, Батя/

Честь и дела бригады для меня особенно дороги потому, что в этом коллективе я нашёл ту самую необходимую ступеньку, с которой началась моя дорога в жизнь.

Мало что понимающим пацаном пришёл я на завод. Поначалу даже не хотели принимать на работу в цех. Старший мастер Роман Евсеевич Воскобойников тоже, наверное, помнит об этом. Все три года работы в бригаде я чувствовал Вашу поддержку и доверие, Степан Степанович. Всё-таки не даром ребята называют Вас по старой пограничной традиции «Батей».

Сейчас я служу на заставе...

Я узнал, что программа у бригады сейчас очень большая — двести пятьдесят — триста узлов. Она требует, по-моему, расширения конвейера. И долго такими темпами не протянешь. Нужна, по крайней мере, ещё одна бригада. Ну, это только мои предположения. Что думаете Вы?

Рад, что бригаде теперь присвоено звание «Имени 50-летия ВЛКСМ». По-моему, «старики» для этого немало сделали.

У меня пока всё нормально. Идёт обычная служба в пограничных войсках. В глубине души я даже горжусь тем, что ношу зелёную фуражку. Работаю всё на той же должности — командир отделения. Здесь, в армии, приказ есть приказ. Попробуй не выполни. А в бригаде, пока договоришься, семь потов сойдёт... Это моё мнение.

Интересно, как думаете Вы?»

Из письма Николая Богомолова (служил на Волге):

«...Служба, Батя, идёт хорошо. Буду радиотелеграфистом. Сначала, как только прибыл в часть, приходилось трудно. Не успевал раздеваться и одеваться за сорок пять секунд. Сейчас всё нормально. Сорок пять секунд — это же время!

Скажу, Батя, что и здесь находятся «артисты», которые думают, что в армии можно вести себя так же, как на гражданке. Но когда они ночки четыре после отбоя поработают, становятся уже тише.

...Сейчас я и курить бросил. Спортom занялся. На лыжах бегаю. Уже получил две благодарности за лыжи...»

Из писем Николая Иванова (служил в Архангельске)

«...Я всегда с благодарностью вспоминаю Вас, Степан Степанович. Ведь Вы меня научили работать, привили любовь к труду. Большое Вам спасибо за это, Батя. Вы были моим первым учителем в жизни. Научили уважать труд, любить свою Родину и верно служить ей.

Знайте, учитель, ворота нашей Родины закрыты на замок, никакой враг не проникнет к нам. Защищаем нашу Родину хорошо. Можете спокойно трудиться...»

«...Батя, я очень рад, что у Вас есть хороший помощник — Володя Целуев. Можно ездить в командировки и быть спокойным за бригаду...

Напишите, как идут дела в бригаде, есть ли новое пополнение или какие происшествия. Мне всё интересно знать, — ведь я член бригады, только временно выбывший для прохождения воинской службы...»

Из письма Анатолия Колёсникова (служил в ГДР):

«...Скоро юбилей В. И. Ленина. Наше подразделение готовится достойно встретить эту дату. Мы взяли повышенные социалистические обязательства и к началу апреля должны выполнить их...

Я часто вспоминаю ребят. Всё-таки какая у нас хорошая бригада!..»

Из писем Юрия Ягодина (служил на Кавказе):

«...О том, что Володя Целуев ездил на съезд комсомола в Москву, я узнал из газет.

Я очень рад за него. И горжусь тем, что работал с ним в одном коллективе. Передайте ему, пожалуйста, от меня горячий привет.

Очень хочу знать, как дела у Юры Фомина. Ведь у него частенько бывали срывы. Как он сейчас работает и ведёт себя? Как дела у Генки Бабахина?

В общем, всем ребятам и мастерам нашего участка мой гвардейско-десантный привет».

«...Сегодня голосовали за наших кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Для меня это был настоящий праздник. Ведь я голосовал первый раз в своей жизни. Этот день у нас прошёл в праздничной обстановке».

«...В начале июля начнём прыгать с парашютом. Всё не могу дождаться. Для меня это будет необычный день в моей жизни. Я хочу проверить себя во многих качествах. Таких, как выносливость, самообладание, мужество, смелость и, главное, любовь к своей Родине...»

«...Недавно ходили на стрельбище выполнять первые упражнения по стрельбе из автомата. Мне удалось выбить двадцать восемь очков из тридцати возможных. Это отличный результат. Нас двадцать пять человек вывели из строя и перед лицом всей роты объявили благодарность. Весь этот день я ходил сам не свой от радости.

Скоро начнутся парашютные прыжки. У меня уже не хватает терпения дождаться этого дня. Именно в этот день моя мечта наполовину осуществится. Я даже не жалею, что моё заветное желание — стать лётчиком не осуществилось. Но я всё равно буду парить в воздухе. Только вместо штурвала самолёта буду держать кольцо парашюта. В общем, служба проходит успешно, не беспокойтесь, чести бригады не уроню...»

Из писем Рафика Шайдурина (служил в Заполярье):

«...Бригаде присвоено звание «Имени 50-летия ВЛКСМ». Это очень даже хорошо. Я рад за молодое пополнение и конечно же за «стариков». Всех этих ребят знаю, с Ивановым, Кулагой и Бахаревым пришлось работать».

«...Желаю Вам хорошей сдачи продукции вовремя и с первого предъявления...»

«...Да, многих из нас разбросало по стране, но всех соединяет одно — интерес к бригаде, её делам. Всегда волнует вопрос: как там, у наших?»

Из писем Александра Бровина (служил под Ленинградом) :

«...Меня назначили командиром отделения, выбрали комсоргом батареи. Всё это меня ко многому обязывает, и я стараюсь оправдать доверие командиров и товарищей...»

«15 ноября я принял присягу нашей Родине. Никогда в жизни так не волновался... Нас всех выстроили на плацу, а затем пронесли мимо знамя училища и установили в середине. После этого нас поздравил начальник училища, и началось принятие присяги. Принимали повзводно, по одному человеку. Когда я читал присягу, у меня были слёзы на глазах, и я никак не мог расписаться в книге. Когда все взводы кончили принимать присягу, мы перестроились и прошли торжественным маршем мимо командного состава училища. Затем знамя опять понесли мимо нас и установили на его постоянном месте... Этот день был для меня настоящим праздником».

«...Как бы я хотел опять быть с вами. Ну, а наши сорванцы, наверное, как и раньше, играют в «слона», с перерывов опаздывают? Вернусь из армии — буду вам помогать как старший для новичков товарищ. Нашу работу я не забыл, кажется, встал бы сейчас к станку и работал бы, как будто и перерыва не было. Новички пусть не забывают наших славных бригадных традиций...»

Из писем Виктора Хохлова (служил в ГДР):

«...Сейчас я командир отделения, у меня замечательные парни. Взяли высокие обязательства в честь съезда партии...»

«...Помню, как Вам трудно было с нами, но всё-таки Вы сделали из нас людей...»

Из письма Алексея Сидорова (служил на Черноморском флоте):

«...Дебошира того придержите, и пусть «старики» помогут поставить его на ноги, а то парнишка может сойти с прямой дороги и поведёт жизнь лёгким путём... Я ведь тоже пришёл к Вам таким же неподатливым на воспитание, как этот парень...»

Комментировать эти письма нет необходимости. Комсомольцы, где бы они ни находились, не порывают связи с группой, с наставником, отчитываются о том, как они оправдывают звание члена бригады имени 50-летия ВЛКСМ. В солдатских письмах проявляется горячая заинтересованность в делах бригады, её комсомольской группы, забота о сохранении и развитии наших традиций. Мы читаем эти письма в бригаде, и они становятся активным средством воспитания нового пополнения коллектива.

Бригада торжественно проводила на службу в советскую Армию более ста парней. В родной коллектив цеха возвратились шестьдесят воспитанников. Эта цифра о многом говорит.

Я бережно храню солдатские письма не только потому, что они адресованы мне, наставнику бригады. Они — убедительное доказательство того, что нет неисправимых подростков. Все они в конце концов под влиянием коллектива становятся хорошими, полезными обществу людьми.

ПУСТЬ БУДЕТ БОЛЬШЕ НАСТАВНИКОВ!

В нашу бригаду часто приезжают гости из разных городов — познакомиться с опытом воспитания подростков, поделиться своими проблемами,

Чего же мы добились за пятнадцать лет? Приведу некоторые цифры. Сто пятьдесят человек за эти годы, работая в нашей бригаде, освоили специальность, полюбили свою профессию, коллектив, завод. А ведь многие из них пришли в бригаду с направлениями комиссии по делам несовершеннолетних.

Все они сегодня стали полезными обществу людьми. Сто сорок пять юношей и девушек вступили в бригаду в комсомол, двадцать — в партию, большинство ребят продолжили свою учёбу в техникумах, а некоторые — в вузах.

Сегодня в бригаде, возглавляемой коммунистом Владимиром Целуевым, продолжается работа с подростками.

Можно сказать, что от поиска, эксперимента в воспитательной работе мы перешли к системе в подготовке молодых рабочих. Наставники с «Электросилы» поставили на ноги не одного подростка.

За это время в объединении вдвое сократилось число молодых рабочих, не выполняющих нормы выработки, увеличилась средняя заработная плата подростков, и твёрдо наметилась тенденция к сокращению нарушений дисциплины среди молодых производственников.

Опыт наставников с «Электросилы» был одобрен бюро Ленинградского обкома и горкома КПСС. С самого начала над патриотическим движением наставников взял шефство

Центральный Комитет комсомола. За последние годы к нам неоднократно приезжали работники аппарата ЦК ВЛКСМ.

Они изучали наш опыт воспитания ребят в бригаде, вносили свои замечания и предложения.

Сегодня, сравнивая ребят, приходящих в объединение, с теми подростками, что переступали порог завода пятнадцать лет назад, мы убеждаемся, что в большинстве случаев они достаточно хорошо ознакомлены с продукцией нашего объединения, имеют представление о профессиях, сознательно выбирают свою будущую специальность. Тесный контакт существует между работниками районного методического кабинета по профориентации, школами, базовым ПТУ и объединением.

Конечно, это заслуга Ленинградской партийной организации, которая целенаправленно все эти годы создавала комплексную систему воспитания, образования, идейной закалки молодого рабочего. Она чётко определена в планах работы партийных организаций (в том числе и нашего объединения), в практике обучения партийного актива, преподавателей ПТУ, наставников и, главное, в организационной и идейно-политической деятельности на местах, непосредственно в трудовых коллективах.

На XVIII съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев сказал о том, что борьба за эффективность и качество — это «определяющий фактор нашего экономического и социального развития на многие годы вперёд», «программа воспитания целого поколения советских людей».

В наши дни молодой производственник, начинающий рабочий становится непосредственным участником тех преобразований на «Электросиле», которые вызывают большие перемены в экономической и социальной жизни коллектива.

За последние несколько лет только на головном заводе было комплексно механизировано девять цехов, двадцать пять участков, внедрено одиннадцать поточных линий.

Эти перемены характерны не только для нашего объединения. Технически перевооружаются, реконструируются многие предприятия Ленинграда, повышается уровень механизации и автоматизации производств. Всё это вызывает потребность в работнике, обладающем высоким профессиональным мастерством, идейно убеждённом, широкообразованном, высококультурном.

Естественно, что воспитать таких работников могут люди, обладающие высокими нравственными качествами, мастера своего дела, талантливые педагоги. Сегодня две трети ленинградских наставников имеют высшее или среднее образование, это люди с большим жизненным опытом.

Но современный наставник — это и человек глубоко партийный, хорошо понимающий политику партии и делающий всё для её претворения в жизнь. Так, наши турбостроители Герой Социалистического Труда В. П. Носов и В. С. Чичеров взяли шефство над учебными группами токарей и слесарей и решили не ограничиваться только передачей передовых методов труда. Они обязались научить лучших учащихся смежной специальности. А ребята со своей стороны записали в договоре: «Принимать активное участие в техническом творчестве, рационализаторстве и изобретательстве».

Подобная инициатива наставников с объединения «Ленинградский Металлический завод» имеет большое будущее, позволяя приблизить учебный процесс к производству.

Очень много дают наставникам, как я уже отмечал, рекомендации районных советов наставников. Сегодня они действуют почти во всех районах города и во всех крупных объединениях.

На заседаниях этих советов идёт обмен опытом, рассматриваются вопросы совершенствования деятельности наставников.

Повышению авторитета рабочих педагогов способствует и широко развернувшееся на многих предприятиях города соревнование за право носить звание «Лучший наставник».

Я думаю, что далеко за пределами нашего города знают наших замечательных наставников Героев Социалистического Труда прядильщицу И. Р. Абакумову, слесаря-инструментальщика Ю. И. Арефина, корабела Ф. В. Вишнякова, бригадира раскройщиц П. В. Гусеву и многих других.

На XVIII съезде ВЛКСМ было отмечено поистине неоценимое значение работы наставников — кадровых рабочих, мастеров рабочих педагогике — по воспитанию достойной трудовой смены.

Это и понятно: ведь от того, какими станут в будущем сегодняшние мальчишки и девчонки, зависит завтра нашей страны.

Трудный подросток... По долгу службы или велению совести о нём думает сейчас множество людей, организаций, коллективов. Стараются запясть свободное время ребят, организовать клубы по интересам, побольше открыть кинотеатров, создать военно-спортивные лагеря, построить спортплощадки... Только бы не дать молодым переступить ту черту, за которой берёт верх дурное влияние. Только бы не допустить, чтобы подростки становились трудными.

Нет слов, это важно и нужно. Но мы должны помнить: основные усилия коммунистов и комсомольских организаций должны быть сосредоточены на воспитании молодёжи в труде, в трудовых коллективах, где выковываются качества будущего бойца партии, сегодняшнего строителя коммунизма. Именно в них от поколения

к поколению передаётся главная эстафета, Многие сегодняшние подростки должны подняться во весь рост как передовые рабочие уже в этой пятилетке. И одна из главнейших задач гвардия труда — забота о достойной смене.

«Следует пожелать,— говорил товарищ Л. И. Брежнев на XVII съезде комсомола,— чтобы движение наставников стало массовым, охватило все уголки страны, все заводы, фабрики, шахты, рудники, стройки, колхозы и совхозы. Это замечательное, благородное дело, товарищи! Мы призываем всех поддержать его».

Возможно, некоторые мысли, высказанные мной в книге, носят сейчас спорный характер. Но я убеждён, что наставничество в том виде, в каком оно привилось на «Электросиле», найдёт дорогу на все предприятия страны. Оно подсказано жизнью.

И тогда можно будет смело сказать тем, кто придёт за знаниями, опытом, мастерством на выучку к рабочим мастерам:

— Здравствуйте, дорогие наши мальчишки! Вы вступаете в ряды великого рабочего класса Советского Союза. Перед вами большая жизнь. Вы можете добиться вершин знаний, счастья, славы, но ко всему этому ведёт лишь одна дорога — дорога честного, самоотверженного труда.

Бригадир объясняет ребятам новую технологическую операцию (снимок 1965 г.).

Теперь мальчишки, которых объединил тогда в бригаду С. С. Витченко,— солидные люди, опытные рабочие, и многие из них продолжают трудиться на «Электросиле».

И молодость и сила
В руках у нас.
Ведь мы с «Электросилы»,
Мы смена из династии —
Рабочий класс.

(Из песни бригады)

Цех турбогенераторов. И сюда приходили
на экскурсию члены бригады...

Здесь, на конвейере, работают ребята. Отстанет один — задержит всю бригаду. Потому-то особенно дорога поддержка товарищей. Главная задача — дать максимум продукции высокого качества.

С первых дней существования в бригаде действует закон: один — за всех и все — за одного. Саша Иванович помнит, как он, воспитанник детского дома, пришёл в цех. После собрания ветераны бригады показали каждому новичку его рабочее место, инструменты.

А теперь Саша сам ветеран бригады и готов помочь товарищу.

На снимке: Саша Иванович (справа) и Сергей Бахвалкин.

Проблемы наставничества волнуют и начальника цеха Романа Евсеевича Воскобойникова (в центре) и членов партийного бюро.

«Делай, как я» — таков девиз наставников «Электросилы», считающих, что в воспитании главное — личный пример старшего.

Но, наверное, Валерию Кужелеву (он сейчас в армии), как и другим ребятам, запомнились разговоры с Батей, его слова — не только добрые, но и строгие, а случалось, и суровые...

Наставник часто рассказывал ребятам о своём жизненном пути.

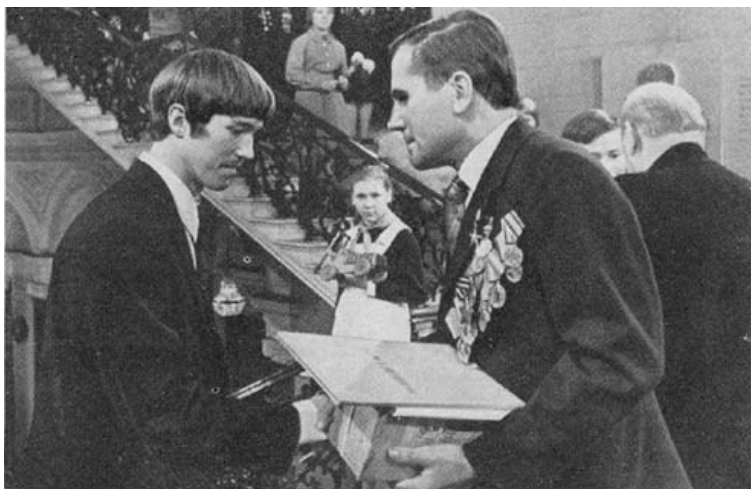
Семнадцатилетний Стёпа с сыновьями своего первого учителя — слесаря Корнея Дыбли (первый справа — Витченко).

С. С. Витченко — начальник
политотдела пограничного
отряда.

На Воронежском фронте. Батальонный комиссар
С. С. Витченко (слева) с боевыми друзьями (1943 г.).

Бригадир судосборщиков Адмиралтейского завода, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР М. Ф. Ушкалов поздравляет Мишу Ильина с посвящением в рабочий класс.

Стали работать в нашей бригаде девушки... — В нашем цехе трудилась и моя мама,— рассказывала Ира Павлова.— Мы вместе с ней приходили на работу.

С появлением в бригаде девочек ребята подтянулись: каждый хотел показаться перед ними в лучшем виде.

Иногда слова девушек действовали скорее, чем долгие уговоры наставника или ребят взяться за дело.

— Главный помощник в воспитании — бригада,— говорит наставник. И действительно, все решения в ней принимаются коллективом.

«Все вместе» – эти слова часто можно слышать от членов бригады. Вместе работаем...

...все вместе в ответе за товарища

Володя Целуев — ветеран бригады, самый авторитетный человек среди заводской молодёжи. Он был членом Ленинградского обкома комсомола, делегатом XVI и XVII съездов ВЛКСМ, членом бюро ЦК ВЛКСМ. Володя часто рассказывает ребятам о своих поездках, стремится, чтобы бригада ощущала сопричастность делам комсомолки всей страны.

...вместе отдыхаем.

Грамотное, пытлиное пополнение приходит на практику из ПТУ.

- ◀ И решено было создать бригадный комплексный план социального развития коллектива на пятилетку.
- ◀ «Каждый молодой рабочий должен иметь среднее образование. Такого веления времени, требование научно-технической революции»,— записали ребята в своём плане. На снимке: секретарь комсомольского бюро цеха Володя Целуев и его заместитель Толя Колёсников решили серьёзно поговорить об этом с Геней Ивановым (справа).

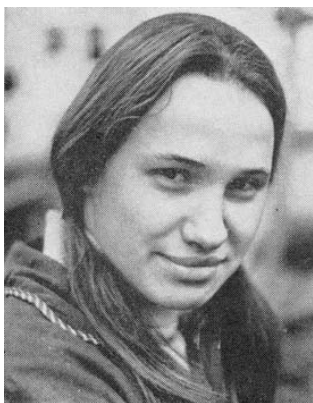
Ребята привыкли, что в отсутствие Володи Целуева его замещал Юра Гартвиг, и признавали его авторитет. Юра много сделал для того, чтобы каждый в бригаде понял: учиться должны все.

В своём личном плане Александр Козьмин записал: «Прежде всего закончить школу». Он сдержал своё слово. Но не даром бригада открывает возможности для роста перед каждым её членом. И Александр продолжил учёбу в вузе.

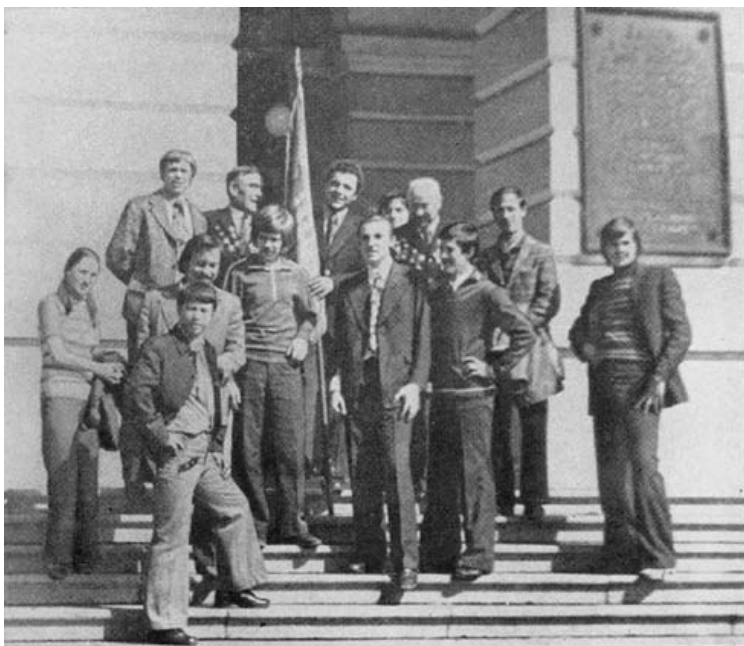
«Можно ли запланировать свадьбу?» — пошутила Татьяна Ивашенцева, когда ребята обсуждали свой план. Татьяна и не думала тогда, что не в том, правда, пятилетию, а позднее комсомольскую свадьбу её и Анатолия Колёсникова справят всей бригадой.

— Мне очень нравится работать в бригаде,— говорит Оля Сорокина (она пришла в цех не так давно).— Здесь все помогают друг другу...

Наверное, Оля может так говорить, ведь ребята выбрали её заместителем комсорга группы.

— Принимай, Володя, бригадирство, принимай бригадное Красное знамя ЦК ВЛКСМ,— напутствовал Целуева Витченко.

◀ «Воспитательскую жилку» открыл в себе Анатолий Колёсников. Тянуло его к новичкам. Да и он был для них авторитетом — молодой коммунист, отличный рабочий, рационализатор, да к тому же долгие годы бессменный вратарь заводской футбольной команды. На снимке: Анатолий Колёсников с Игорем Гусевым.

Бригадир комсомольско-молодёжной бригады Юрий Волков радовался: сильный соперник у его ребят. И волновался: смогут ли они доказать, что им под силу соревноваться с бригадой Целуева. На снимке: представители бригад сверяют выполнение сообразательств.

В работе бригада Целуева часто обгоняла соперников.

...А вот в спорте... Взялись всерьёз за «слабое звено».
И отправились в поход к карельским озёрам.

Когда возникла эта традиция, никто уже не помнит, но в бригаде принято всем вместе, и холостым, и женатым, с семьями, ходить в театр, отмечать дни рождения, участвовать во всех бригадных торжествах.

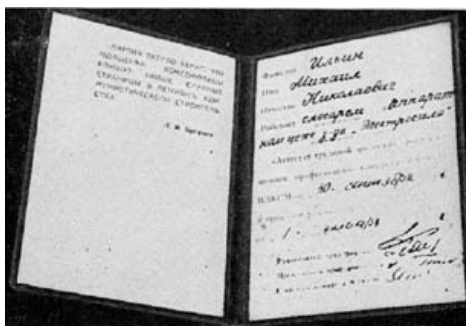
На снимке: друзья поздравляют с днём рождения Иру Бочарову.

А так ходим на демонстрации.

Одними из первых получили на «Электросиле» «Аттестаты трудовой зрелости» молодые аппаратчики Алексей Филимонов, Михаил Ильин и ребята из бригады Ю. Волкова (второй ряд слева направо) — Геннадий Слесарев, Анатолий Битюцкий и Николай Михалёв.

Почётным наставником остался С. С. Витченко для бригады.

В первом издании этой книги были фотографии Миши и Коли Ильиных. Братья-близнецы тогда только пришли в бригаду. Непоседы, шалуны, как и все, но выделяло их большое трудовое рвение. И вот выросли, возмужали братья.

(На снимке: Миша Ильин).

По решению бригады фотографии братьев поместили на бригадную доску Почёта. Они оставались там и тогда, когда Николай служил в армии. И он оправдал доверие, подтвердив по возвращении звание лучшего рабочего. Делегат XVIII съезда комсомола, Николай Ильин избран в ЦК ВЛКСМ.

Из письма Сергея Машкова
(воина-пограничника):

«...Честь и дела бригады для
меня особенно дороги пото-
му, что в этом коллективе я
нашёл ту самую необходимую
ступеньку, с которой началась
моя дорога в жизнь».

Со всех концов страны приезжают на «Электросилу» гости по-
знакомиться с опытом наставников. На снимке: секретарь Барна-
ульского городского комитета ВЛКСМ Сергей Канаков (справа)
и бригадир-наставник токарей И. К. Шипунин (в центре).

Воины-пограничники с интересом слушают рассказ о прославленном объединении, о людях, работающих в его цехах.

На снимке: сборка магнитной системы двигателя.

С. С. Витченко среди почётных гостей X Всемирного
фестиваля студенческой молодёжи в Берлине.

Оцифровано 02.2021 г. для страницы
Педагогического музея А.С. Макаренко в Москве
(Makarenko-museum.ru)

Нумерация страниц и разбиение текста по ним
с точностью до 2-3 слов на границах страниц
соответствует бумажному тексту книги.

Вкладка с фото (не имеющая нумерации страниц),
в бумажном издании располагающаяся
между 160 и 161 страницами,
перенесена в конец книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. С. Андреев. Работа о достойной смене</i>	5
Октябрь в моей жизни.....	8
Через тридцать лет	15
Кем быть?	21
Хорошо ли одиночке?	34
Мальчишки — парод особый	41
В перерыв.....	52
Есть в бригаде традиция.....	59
Делай, как я!	67
Без пасынков	76
Кузьмин.....	85
Помощник — коллектив	94
В трудную минуту.....	103
Сердца ребят открыты.....	114
Зачем человек учится	124
Пришла беда	134
Страницы из дневника	143
«Горе моё луковое»	152
Сашко	165
Рекомендация в партию	177
Володя хочет жить «объёмно».....	186
Заглянем в будущее	197
У соперников	214
Принимай бригаду, Володя!	225
Руководит совет	231
Пишут сыновья.....	243
Пусть будет больше наставников!	250

Степан Степанович Витченко
ДОРОГИЕ НАШИ МАЛЬЧИШКИ

Редактор В. В. Александрова.

Художник Ю. Н. Васильев.

Художественный редактор О. И. Маслаков.

Технический редактор В. И. Демьяненко.

Корректор Л. В. Берендюкова

ИБ № 709

Сдано в набор 2.02.78. Подписано к печати 30.06.78. М-25997.

Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. обычн. нов.

Печать высокая. Усл. печ. л. 11.2+ + вкл. Уч.-изд. л. 11+1,1 = 12.1.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 454. Цена 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат,
191023, Ленинград, Фонтанка, 59.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023. Фонтанка, 57